

ИВАН ЯРЫГИН

ТЫ
ВЫХОДИШЬ
НА КОВЕР

Издательство
«Московская городская типография А. С. Пушкина»
Москва
1995

OCR: Дервянко В. Н.
e-mail: support@yarigin-museum.ru

Издательство
«Московская городская типография
А. С. Пушкина»
Москва
1995

РАЗРЕШИТЕ ПРЕДСТАВИТЬСЯ

Мысль о написании этой книги родилась на чемпионате мира 1982 года в Канаде. Успех был ошеломляющим, все наши борцы завоевали награды. Кто-то мог подумать, что сборная СССР прилетела в Эдмонтон на легкую прогулку за медалями. Но я-то знал, что медаль любого достоинства дается тяжелым трудом. Смотрел на счастливых ребят и думал, что в наших газетах будет лишь короткое сообщение об очередной победе советской команды.

Могут не назвать даже чемпионов. А ведь эти парни достойны того, чтобы их также хорошо знали, как, скажем, фигуристов или гимнастов.

Так сложилось, что спортивные издания не балуют борьбу вниманием. Почему? Популярность именно вольной борьбы растет с каждым годом, успехи российских атлетов вызывают чувство гордости, а большинство спортивных журналистов борцов не замечают. Очерков, статей, книг о нашем виде спорта очень мало. Обидно!

Решив рассказать о себе, я хочу показать демократичность и красоту мужского единоборства, отражающего самую жизнь с ее печалью и радостями, с необходимостью отстаивать свои принципы, идеалы, спорить с оппонентами, доказывать свою правоту.

Я глубоко уверен в этом, потому что спорт стал частью моей жизни, а вернее — ее главным делом. Мой путь к вершинам был труден и тернист. Но я не жалею об этом. Более того, я очень хочу, чтобы этот путь повторили, увлекшись борьбой, многие сегодняшние мальчишки. И я, конечно, очень хочу, чтобы, прочитав написанное мной, кто-то из них записался бы в секцию, а тот, кто повзрослей, принял бы за тренировки с удвоенной энергией.

Чемпионами, как известно, не рождаются — ими становятся. Мне в этом помогли многие люди. И я чувствую потребность рассказать о тех, кто шел рядом со мной.

О тренерах, которые зажигали звезды, я просто обязан рассказать. Великолепных наставников и замечательных атлетов у нас много, жаль только, что о каждом не расскажешь. Боюсь, что и мне это не по силам. И заранее прошу тех, кто остался «за кадром», не обижаться на меня.

Помочь мне написать эту книгу взялся журналист Владимир Голубев, с которым я познакомился в Махачкале, где выиграл золотую медаль чемпиона страны. Была весна 1970 года... В отличном настроении гулял я с товарищами по городу. Зашли в кафе пообедать. За одним столиком с нами оказался молодой парень. Разговорились. Он представился корреспондентом «Советского спорта», впервые приехавшим на чемпионат СССР по вольной борьбе.

С того дня началась наша дружба. Потом мы встречались на чемпионатах мира и Европы, на больших турнирах. И в гости на мою родину, в Красноярский край, Владимир тоже приезжал.

Мастер спорта по гимнастике, он хорошо понимал суть спорта, его людей. И о борьбе пишет увлеченно, я бы сказал, любовно. На соревнованиях всегда рядом с нами: у ковра,

в раздевалке, в тренировочных, пропахших потом залах. Не пристаёт с расспросами, не тянет душу накануне поединка. Не просто болеет за нас, но как бы сам выходит на ковер. Мы всегда чувствовали это и доверяли ему полностью.

Заметки Голубева о борьбе, его мнение о спортсменах и тренерах, мысли о наших национальных школах борьбы тоже найдут отражение на страницах этой книги. Впрочем, послушайте его самого.

Владимир ГОЛУБЕВ

Почему я решил взяться за эту книгу? Потому что ее автор не только феноменальный боец, но и великолепный человек. Душа команды, гордость нашей вольной борьбы.

Моя профессия сводила меня со многими людьми, и многих я вспоминаю с теплотой.

Но каждая встреча с Иваном Ярыгиным делала меня счастливее, если хотите, чище. Человек удивительной доброты, честности, он прост в разговоре, ясен в поступках. В нем все открыто — и душа, и мысли. Богатырская мощь, неимоверная физическая сила удивительно сочетаются в этом человеке с чуткостью, если угодно, с ранимостью, с преданностью друзьям и беззаветной любовью к своей земле, к Сибири.

Я видел, как тянулись к нему ребята из команды, как даже тренеры в минуты тяжелых испытаний старались быть поближе к Ивану, от которого постоянно исходят токи необычайной теплоты, спокойствия, уверенности. С ним не страшно даже проигрывать.

Это чувствовали не только спортсмены.

Я помню его фантастические выступления на чемпионате Европы-72 в Катовице, на чемпионате мира-73 в Тегеране, на Кубке мира-80 в Толидо. Популярность Ярыгина поражала. Джеймс Кук, репортер одной из толидских газет, показывая мне фото культуриста и актера Стива Ривса, который сыграл в кинофильме «Подвиги Геракла» главную роль, уверял меня: «Ваш Ярыгин лучше Ривса».

Каждая встреча с Иваном была для меня праздником. И в гости к нему в родную деревню Сизую, что в Шушенском районе Красноярского края, я ездил, и в Красноярске побывал, и в Абакане, где познакомился с первым его тренером Чарковым, и сборы «вольников» не пропускать. И очень переживал за Ивана, когда он не попал на Московскую Олимпиаду, которая могла стать третьей в его жизни. Но мой друг и в этот раз был честен: «Илья Мате из Донецка сейчас сильнее меня. Он настоящий олимпиец. И я желаю ему "золота"».

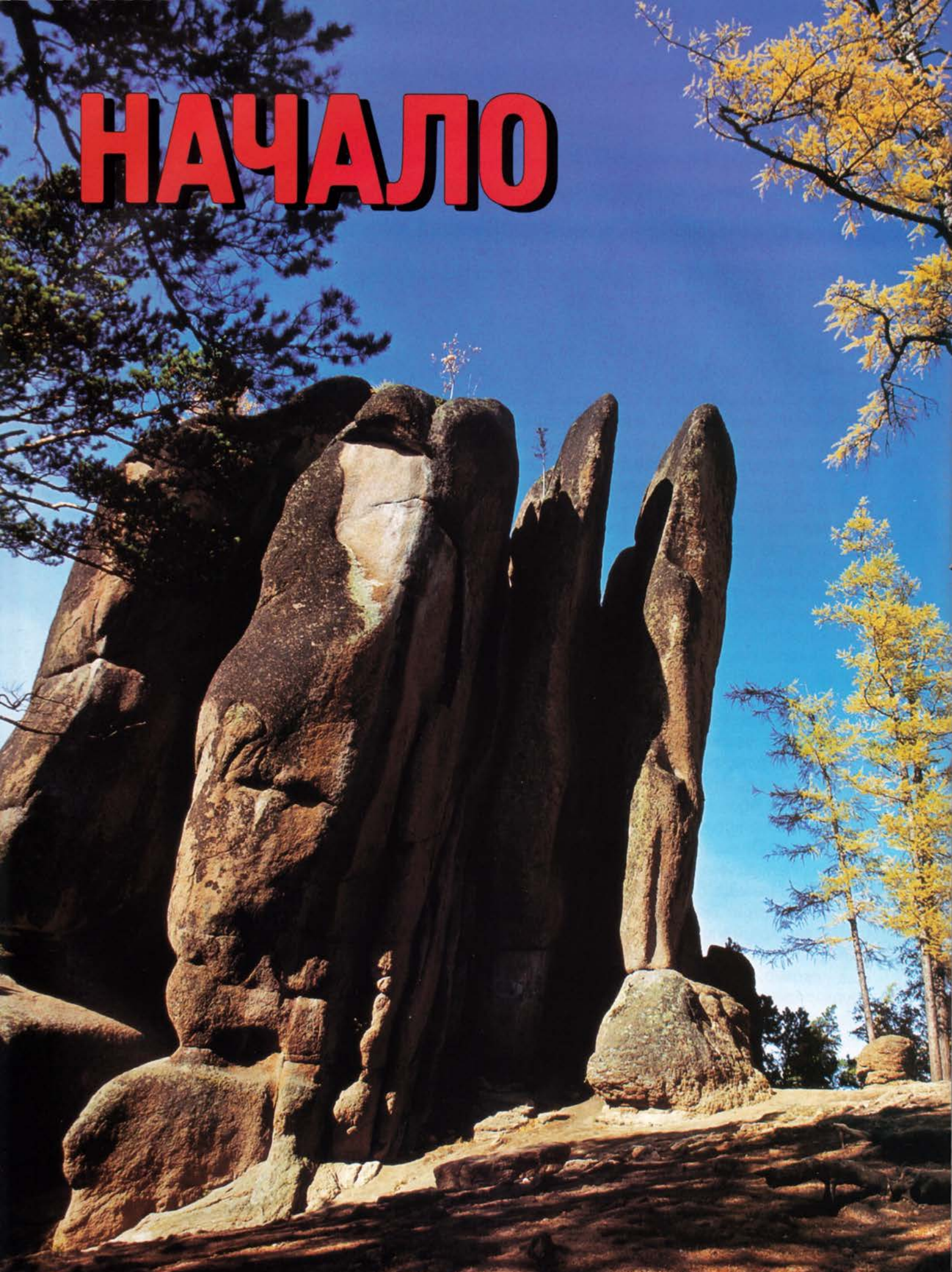
Пожалуй, стоит предварить эту книгу еще одним замечанием. В 1981 году Иван Сергеевич Ярыгин возглавил сборную СССР. Он органично вошел в коллектив тренеров, но при этом не возвысился над спортсменами, рядом с которыми еще недавно выступал. Он стал для них старшим товарищем, заботливым другом, прекрасным специалистом. За эти годы наша команда добилась великолепных результатов. Но и трудностей у нее тоже было немало. Ведь гладких дорог в спорте не бывает. Говорю об этом, потому что думаю — тренерская работа в большой мере подвигла моего друга засесть за эту книгу.

Иван ЯРЫГИН:

Ну, вот и все предуведомления сделаны, и мы начинаем.

НАЧАЛО

Дать себе передышку

К своей третьей Олимпиаде я решил готовиться по особому графику. Чувствовал, что в свои 32 года потерял былую скорость, не все удавалось и в технике. Были и серьезные проигрыши соперникам. Но не хотел отдавать без боя место в олимпийской команде.

За год до Олимпийских игр на всесоюзных спартакиадах обычно определяются основные кандидаты на этот самый главный турнир четырехлетия. И я понимал, что на предстоящей VII летней Спартакиаде народов СССР должен выложиться полностью.

Но прежде всего надо было подготовить себя морально: отдохнуть, собраться с мыслями. Когда мне бывает особенно трудно, я обычно улетаю на свою любимую заимку в тайге. Побродить с ружьем по непролазной чаще, поохотиться, порыбачить на свирепой горной речке. Там, в тайге, ко мне быстро приходит ощущение силы, здоровья, приходит жажда подвига. Проснешься на зорьке, выйдешь из палатки, потянешься с хрустом, потом увидишь солки в тумане, могучие ели и сосны и чувствуешь, что все это вдыхает в тебя бодрость и мощь.

Вот и в то лето 1979 года я взял своего закадычного друга Виктора Попова и махнул с ним в тайгу. Знакомые вертолетчики подхватили нас в Дивногорске и сбросили за несколько сот километров от этого чудесного города.

Восемь дней пролетели как один. С утра мы делали многочасовые марш-броски в поисках медведя и дичи для пропитания. Возвращались на заимку и тут же засыпали. Короткий сон на чистейшем воздухе быстро восстанавливал силы. И мы уже начинали бороться на влажном речном песке.

Виктор — мастер спорта. Крепок, ловок, кряжист и, как мы говорим, «броннебоен». Добродушный, улыбчивый, товарищу все отдаст. С ним я и отрабатывал приемы.

Мы с моим тренером Дмитрием Георгиевичем Миндишвили хорошо понимали, что мне надо подготовить что-

то необычное для главных моих соперников — Ильи Мате и Левана Тедиашвили. Тревожил нас и чемпион мира среди юниоров Магомед Магомедов из Махачкалы. Мы видели его на ковре, подивились крепости фигуры, силе рук.

Работая с Виктором Поповым, я все время думал о них...

...Спартакиадный турнир, седьмой по счету, был в моей жизни уже третьим. Но мне он запомнился особо. Москва жила приближающейся Олимпиадой. Среди спортсменов и тренеров сборной России разговоры шли главным образом о ней. Все волновались больше обычного. А нам, борцам, к тому же предстояло опробовать будущие олимпийские сооружения. Когда мы осмотрели футбольно-легкоатлетический комплекс ЦСКА, восторгом нашим не было предела. Сколько света и воздуха! Какой прекрасный помост! За все годы пребывания в спорте мне не доводилось выступать в таком просторном зале. Но придется ли во время Олимпиады? На этот вопрос могли ответить только предстоящие соревнования.

Все дни перед ними были уплотнены до предела тренировками. И все же не покидало меня ощущение праздника, грандиозного, всенародного. Приехали зарубежные спортсмены. Среди них оказалось много знакомых. Каждая новая встреча напоминала — предстоит генеральная репетиция перед Олимпийскими играми. Это волновало особо.

Неожиданный сюрприз. Мой друг Леван Тедиашвили выступать на Спартакиаде не будет. Хотя я знал, что Леван — серьезный соперник, облегчения я не почувствовал. С другими «полутяжами» будет не намного легче.

За нашими поединками зрители и пресса наблюдали с особым интересом. Журналисты окрестили эти схватки «битвой гигантов». Да и то сказать, в этом весе (до 100 кг) у нас всегда были отличные борцы. Взять хотя бы второго призера Олимпиады-56 Бориса Кулаева или обладателя Кубка мира-56 Анатолия Албула.

А Шота Ломидзе? Уникальный атлет! Какие он провел бои с великим турком Ахмедом Айиком! И проигрывал ему, и побеждал. Но всегда это были великолепные схватки! Жаль, конечно, что Шота уступил турецкому спортсмену на Олимпиаде в Токио. Но сейчас это ничего не значит.

Провел я несколько очередных встреч и вышел на Магомеда Магомедова. Меня поджидал плотный атлет с прекрасной борцовской фигурой. Я постоянно чувствовал его силу, и все время пытался наступать. Но защита Магомеда оказалась непробиваемой. Устав, я зевнул быстрый проход в ноги и проиграл балл, который оказался решающим...

«Неужели все кончено? — думал я после поединка. — Неужели пора прощаться с ковром? Неужели и впрямь пришел час молодых ребят — Магомедова и Мате? Да, время — самый жесткий и беспощадный соперник. Раньше боялись меня, теперь уже я с опаской жду поединка с Мате».

Внешне в нем ничего устрашающего. Обычный парень, мышцы не выпирают, ходит вразвалочку, руку жмет вяло. Но его обычность обманлива. На ковре он — стальная пружина. Да и техника у него отменная. Неудивительно, что Илья блестяще выиграл у Магомедова.

Сложится ли у меня встреча с ним? Не сложилась...

Удрученный поражением, я читал комментарий Юрия Аванесовича Шахмурадова к схваткам полутяжеловесов: «Победа победе рознь. Мате добился ее в исключительно сильной компании. И как бы утвердил свой статус сильнейшего».

Да, он чемпион Европы 1979 года, чемпион страны прошлого сезона. Все это так. Но именно на Спартакиаде он доказал, что предыдущие его успехи не были случайными. И я уверен, что можно сказать: Спартаки-

ада подарила нам еще одного Мастера с большой буквы. Что главное в манере его борьбы? Он почти не делает ошибок. Его ходы на ковре не стандартны, сопернику трудно предположить, что он сделает через мгновение.

И вообще, в весовой категории собрались отличные борцы — Мате, Ярыгин, Бисултанов, Магомедов. Хочется верить, что не сказал последнего слова Тедиашвили. Сегодня лучше всех все же Мате. Он готов к борьбе за медали самой высокой пробы на Олимпиаде».

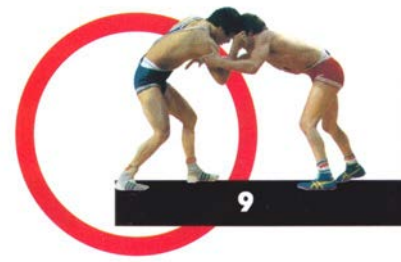
Итак, Шахмурадов, главный тренер сборной СССР, в сущности, назвал борца, который выступит на Московской Олимпиаде. Может быть, махнуть на все рукой и смириться с тем, что появился действительно классный атлет в твоём весе? Но уходить с ковра за здорово живешь не позволяла гордость. Ведь впереди еще будут важные турниры, почему же не посражаться за возможность получить третью олимпийскую путевку? Ведь и на предыдущей Спартакиаде у меня была лишь «бронза», а я все-таки попал в Монреаль. Но сейчас меня могут выручить только победы...

Поговорил с Леваном Тедиашвили, и тот не собирается сдаваться. Это меня тоже подхлестнуло. Конечно, на чемпионат мира уже не попасть, а вот в будущем году следует выложиться полностью.

Я решил дать себе передышку.

Побывал дома, в Красноярске. Повидал жену, дочку, сына. Потом поехал к маме в Сизую. По дороге заглянул в Абакан, к своему первому тренеру Владимиру Ильичу Чаркову...

Там неожиданно встретил Владимира Голубева. Пригласил его поехать со мной... Пусть он и расскажет об этой поездке, со стороны, как говорится, видней.

Рыжий голкипер

(Рассказывает Владимир Голубев)

Я в то время выполнял редакционное задание: написать серию репортажей о наших известных борцовских центрах. Путешествовал вместе с заслуженным тренером РСФСР Ильей Токмаковым. Был он тогда старшим тренером общества «Урожай». Мы уже успели побывать в Якутии, Бурятии, Красноярске. Приехали в Абакан. Здесь я познакомился с работой детских спортивных школ, встречался с тренерами, которые в глубинке воспитывают замечательных борцов.

Давно мечтал познакомиться с Владимиром Ильичом Чарковым, первым наставником Ярыгина. Наконец довелось. Понравился он мне сразу. Коренаст, плотен, любит шутку. И знает кучу потешных историй. Чарков гостеприимен, широк. Собирает книги, знаток и ценитель театрального искусства. Да и понятно: жена — режиссер Хакасского драмтеатра.

Владимир Ильич возил нас в отдаленные села, где в маленьких зальчиках, но с большим энтузиазмом тренируются деревенские мальчишки. Сам он возглавлял центральную борцовскую школу в Абакане.

Когда Чарков передал нам приглашение Ярыгина ехать вместе с ним в Сизую, уговаривать нас не пришлось.

Утром пустились в дорогу. Ярыгинская «Волга» и «Жигули» Чаркова мчались по ровному, как стол, шоссе. По обе его стороны — бесконечные поля, редкие аккуратные деревушки. И только на горизонте синеют Саяны, напоминающие выжженные солнцем Крымские горы. Шоссе проложено вдоль Енисея, и трудно оторвать взгляд от этой широченной водной дороги.

Токмаков предложил заехать в Минусинск — там, в сельскохозяйственном техникуме, как он сказал, «поднимала голову» секция дзюдо и самбо.

Город, до революции место ссылки революционеров, встретил нас множеством башенных кранов. Старые, ветхие

домишки ютились в тени новеньких девятиэтажек.

Тренер техникума Владимир Щедрухин нам обрадовался. Привел на занятия своих учеников. С гордостью показал желтевшую вырезку из «Советского спорта», где были перечислены чемпионы страны по самбо среди молодежи, а красным карандашом подчеркнута: «Д. Вишневский (Минусинск)».

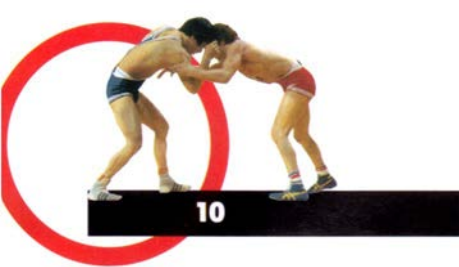
Зал у Щедрухина — в подвале, ковры старые, рваные. Но по всем приметам это его не слишком смущает: трудится человек с азартом, мечтая воспитать настоящего мастера. (И воспитал. Восемь лет спустя, в 1987 году, чемпионом страны по дзюдо стал его ученик минусинец Сергей Космынин. Затем Сергей выиграл чемпионат Европы в 1993 и 1994 годах).

Еще четыре часа езды, и мы в Шушенском. Осматриваем мемориальный комплекс «Сибирская ссылка Владимира Ильича Ленина». Здесь множество вещей, документов, прекрасно передан быт той эпохи. Очень много туристов. А сам поселок на редкость красивый, ухоженный. Когда-то молодой ссыльный Владимир Ульянов катался здесь на коньках, вызывая всеобщее удивление. А сегодня в Шушенском два стадиона, спортивная школа, пять стрелковых тиров.

К вечеру мы снова на машинах. Отъехали совсем недалеко, когда перед нами выросли живописные скалы. Шоссе сначала приблизилось к Енисею, потом стало уходить в сторону. Съехали на проселок. Навстречу задымили соляркой мощные лесовозы, груженные бревнами.

Скалы жутковато нависают над нами. Домашние козы легко прыгают на уступ. Чем они здесь питаются? Пожухлой травкой?

А вот и знаменитая скала Хабас, чем-то напоминающая «Говорящую голову» из поэмы «Руслан и Людмила». Вспоминаю стихи Евгения Антошкина:

*Валун-Гора, как след Миротворения...
Здесь, кажется, притихли лишь вчера
И ледника незримое движенье,
И каменная пляска топора.*

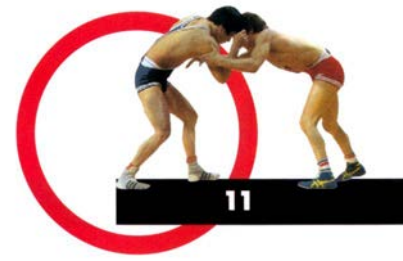
*Ты приглядишься, она тебе напомнит
Застывший взгляд холодного лица.
На ней следы прошедших лет и молний,
И клинопись победного резца.*

*...Судить о всём мы, может быть, не вправе,
Но все-таки за вереницей лет
Гляди, гляди, мечтающий о славе,
Какой ты на земле оставишь след.*

• Родная Сибирь. Енисей...

Наконец вывеска: «Верхне-Енисейский леспромхоз». Здесь работали Иван, его братья, отец Сергей Николаевич. По коричне-

вым от гниющих опилок лужам проползли мимо деревушки, подъехали к маленькому кладбищу. Печально прогудел гудок машины. Вышли поклониться могилам Сергея Николаевича и его сына Василия. До последних дней трудился Ярыгин-старший. Валил лес, от молодых не отставал, пока здоровенный разлапистый кедр не придавил его своими клешнями. Не дожил Сергей Николаевич до своего 70-летия совсем немного...

Дом Ярыгиных — на отшибе. Весело прыгая от счастья, бежали нам навстречу сразу несколько собак, бляля козочка, мычала корова и, похоже, даже симпатичная хрюшка улыбалась.

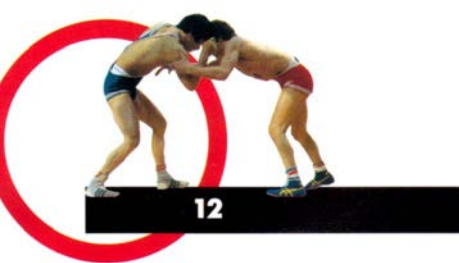
— Ванечка, сыночек, кровинушка моя! — хлопотала вокруг сына Евдокия Павловна.

Она воспитала десятерых детей. Под шестьдесят уже матери-героине, а чувствуется былая статность, огневой характер.

Помогала матери накрывать стол и сестра Ивана Надежда, приехавшая к маме погостить.

Раздевшись до пояса, Иван пошел показывать нам хозяйство: двор, баньку, огород. За огородом шумела, пенилась речка Голубая. Мы пили ее холоднющую горную воду прямо из пригоршни. Пили, не могли оторваться, хотя и сводило зубы. Зато дорожной усталости как не бывало.

Ну а потом баня...

...Иван родился 7 ноября 1948 года, седьмым ребенком в семье. Отец был невысок, но кряжист, широк в кости. Дети пошли в него — ладные, белолицые, волосы с рыжинкой. Все с малых лет трудились: косили траву, рубили лес, работали в кузнице. А охота была семейной страстью.

Иван превзошел всех ростом и силой. В 15 лет мог с любым леспромхозовским мужиком потягаться на поясах.

Школа от дома в трех километрах. Летом младшие Ярыгины мчались в нее на велосипедах, зимой — на лыжах. Иван возвращался из школы позже других. После уроков часами гонял с ребятами в футбол на школьном пустыре. Был он в команде не нападающим, а вратарем. И то сказать: рослый, цепкий, верткий. Стоит такой верзила в воротах, и, кажется, из любого угла мяч достанет. Попробуй такому гол забить!

А Сергей Николаевич увлечения сына футболом не одобрял: «Чем с мячом гонять, лучше дров наруби. И уроки садись учить. Это полезней будет...»

Иван не был неслухом, но и отказаться от футбола не мог. И когда, окончив школу, уехал в Абакан учиться на шофера, футбол не бросил, благо в автошколе была своя неплохая команда. Участвовала она и в первенстве города. И все шло к тому, что светило ей призовое место.

Во время очередного матча и увидел Чарков, случайно зашедший на стадион, рыжего голкипера, который брал прямо-таки мертвые мячи. Увидел и обомлел: «Какой там футбол! Какой мяч! Парень, ты же создан для ковра! Цены тебе на нем не будет!» Как их отношения развивались дальше — особый рассказ. А пока о Владимире Чаркове. О том, как он сам попал в Абакан, как стал тренером по вольной борьбе.

Широкий захват

(Рассказывает мой тренер Дмитрий Георгиевич Миндиашвили)

С самого начала моей тренерской работы в Красноярске я включил в свой стратегический план резкое расширение географии вольной борьбы.

Особые надежды я возлагал на Хакасию, в те годы автономную область в составе Красноярского края. Побывав там впервые, я пришел к выводу, что хакасы самой природой предназначены для моего вида спорта. Их национальная борьба — «куруз», — хоть и ведет свое начало из глубины веков, близка к современной вольной борьбе, более того, может немало ей дать. И сами хакасы благодаря своим природным скоростным качествам, темпераменту, хорошей спортивной злости способны дать стране и миру выдающихся борцов-вольников.

От Красноярска до Абакана рукой подать. Но это оказался тот самый случай, когда близок локоть, но... Классической борьбой здесь уже занимались, а о вольной только слышали. В Хакасию следовало послать эмиссара этого вида борьбы.

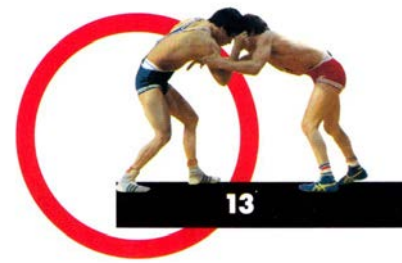
Но подходящего тренера в моем окружении не было.

Прошло время, прежде чем в моем спортивном зале появился Володя Чарков, выпускник Ленинградского института физической культуры имени Лесгафта.

Перворазрядник Чарков работал тогда тренером в технологическом институте. После тренировок я подолгу беседовал с ним. «Ты хакас, — убеждал я Володю, — и ты можешь стать очень полезным своему народу, если мы вместе раскрутим в Хакасии вольную борьбу». Мне казалось, что Володя уже начал поддаваться моей агитации, как вдруг он исчез, словно под землю провалился. Оказалось, махнул во Владивосток на рыбный промысел...

Вернулся только через год. «Я готов», — заявил он в первую же нашу встречу.

В Абакане Владимир Ильич Чарков стал работать тренером в строительном техникуме...

Рыжий голкипер

(Продолжение)

Подбежал в перерыве матча Чарков к Ивану, начал объяснять: так, мол, и так, я тренер по вольной борьбе. Приходи ко мне на занятия, больших успехов достигнешь...

Но Иван и слышать не хотел ни о какой борьбе. Футбол стал его страстью.

Как же увлечь парня, как привести его на ковер?

Чарков решил взять его измором. Ходил к нему в общежитие автошколы, уговаривал: «Иван, ну хоть попробуй. Не понравится в зале — куда твой футбол не денется. Но учти, ты создан для борьбы. Это я тебе как специалист говорю. Неужели не хочешь стать чемпионом мира?»

Уговорил я в конце концов. Пришел Иван в спортшколу. Начал тренироваться. Как будто понравилось. А на первенстве Хакасии занял новичок последнее место.

Конечно, расстроился, разочаровался в борьбе.

А тут нагрянул в Абакан и отец Сергей Николаевич: «Каникулы начались, так что давай помогай семье. Поплывем в верховья Енисея — лес валить. Заработки леспромхоз обещает хорошие...»

И Иван, ничего не сказав Чаркову, не попрощавшись, отбыл в Сизую.

Узнав об этом, Владимир Ильич пошел к директору автошколы, адрес узнать. Узнал и помчался следом на перекладных. Но ни Ивана, ни его отца дома уже не застал. А Евдокия Павловна твердит одно: «Далеко уехали. Деньги на жизнь зарабатывать. А куда, точно не знаю...»

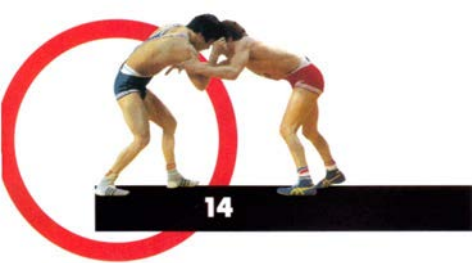
Только не тот человек Чарков, чтобы сдаться. Выпытал у директора леспромхоза, в какую сторону

отец и сын Ярыгины направились. Упросил почти незнакомого парня дать ему моторную лодку. И двинулся вверх по Енисею. Проплыл почти 170 километров. Пора бы и лесозаготовителей увидеть. Но никаких следов...

Разбитый, насмерть усталый, хотел уже поворачивать назад, как вдруг увидел самого Ивана. Сидит на берегу с удочкой. Подивился паренью настойчивости тренера, извинился даже, что убежал не простившись... Сказал, что готов вернуться, вот только отпустит ли отец?

Чарков приготовился к долгому трудному разговору со старшим Ярыгиным, но тот неожиданно легко уступил, поворчав для порядка: «Конечно, баловство это. Какой из него спортсмен? Вот лес валить он умеет. Но если такое дело — пусть тренируется. Авось, не подведет нашу семью...»

Вернулись тренер и ученик в Абакан. Три месяца тренировались. Пора было и испытать себя в деле. Тем более что в Красноярске начался турнир под названием «Открытый ковер». Там впервые встретились Ярыгин и Дмитрий Георгиевич Миндиашвили. Придет время, и Иван назовет Дмитрия Георгиевича своим талисманом и символом побед. Но тогда до этого было еще далеко. Тогда Миндиашвили лишь почувствовал в рыжем парне выдающиеся задатки. К счастью, и Чарков понимал, что в Красноярске его ученик вырастет быстрее. Сам обратился к Миндиашвили: «Иван должен тренироваться у тебя. В Абакане у него и спарринга нет. А у тебя, Мито, целая школа. А Иван, кроме всего, славный парень, поверь».

Рядовой, необученный

Между прочим, я этот турнир «Открытый ковер» до сих пор помню. В подробностях. В январе 1966-го морозы стояли жесткие — 45° ниже нуля. Самолеты не летали, и в Красноярск мы поехали поездом. А из-за заносов и он задержался в пути. Поэтому появились мы в Красноярске только к концу турнира, когда уже финалисты определились.

Но организаторы соревнований над нами сжалились: провели показательную встречу с чемпионом края в тяжелом весе. Я так понял, что тренеры хотели увидеть находку Чаркова на ковре. Один поединок я выиграл, другой проиграл. Но тренеры подходили ко мне, поздравляли. Представили меня и Дмитрию Георгиевичу Миндиашвили, старшему тренеру Красноярского края по вольной борьбе.

«Рядовой, необученный», — пошутил он. Но тут же добавил, что мне надо перебраться в Красноярск, где и зал хороший, и борцы моего веса есть.

Порешили на том, что перееду сюда, когда меня призовут в армию. Миндиашвили постарается, чтобы служил я в Красноярске.

Через день мы должны были возвращаться в Абакан. Но один из тренеров по классической борьбе уговорил Чаркова отпустить меня с ним в Бийск, где должны были пройти соревнования юношей по этому виду. Владимир Ильич посчитал, что лишний турнир мне не повредит. И на том турнире в Бийске я вышел победителем. Да еще приз мне вручили — «За лучшую технику». Очень я тогда удивился: какая у новичка может быть техника? Просто я своих соперников одной силой гнул.

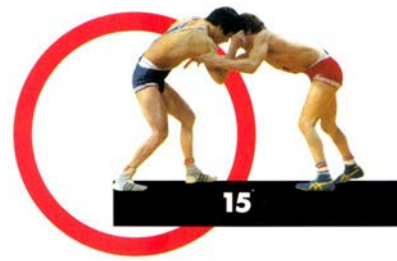
Легко представить, как начал тренер, который привез меня на эти соревнования, уговаривать победителя заняться классической борьбой. Золотые горы сулил. Но я сказал, что вольная борьба мне все-таки больше по душе.

В Абакане я продолжил тренировки. А по вечерам на мясокомбинате подрабатывал чернорабочим. Возил тяжеленные тележки с тушами по цехам. Благо силу в себе чувствовал большущую. И потому был уверен, что на юношеском первенстве страны, к которому мы готовились, выиграю у всех, и легко. Черта с два!

В Баку, на первенство СССР, я полетел в составе сборной России. Впервые оказался так далеко от дома. Впервые увидел море. Все было незнакомым, диковинным. Порой чувствовал себя подавленным. Словом, сразу же проиграл две встречи и выбыл из турнира.

Хотел все бросить. Но Чарков убеждал: «Поражения тоже учат. Своих соперников-тяжеловесов ты сильнее физически. Но они техничнее тебя. Вывод простой — тренироваться и тренироваться. Поэтому я и хочу, чтобы ты переехал в Красноярск к Миндиашвили. Он прекрасный тренер. Так что собирайся».

Быстро подошло время призыва. С Дмитрием Георгиевичем обо всем было договорено, и я отправился на призывной пункт. Из Абакана нас, призывников, направили в краевой центр — в Красноярск. Ну а что там случилось, об этом Миндиашвили хорошо рассказывает. Весело.

Как я украл Ивана

Тогда на «Открытом ковре», глядя на Ивана, я подумал словами замечательного педагога, главного тренера сборной Болеслава Рыбалко: «Годен, но не обучен...» И договорился с Чарковым, что осенью, когда Ивана призовут в армию, я постараюсь оставить его в Красноярске и начну регулярные занятия с ним. По вечерам, в свободное от службы время.

Майор Ильчиков, начальник физической подготовки военного училища, выслушав мои восторги по поводу Ивана, твердо обещал забрать его со сборного пункта. Разговор наш состоялся, когда призывник был уже в Красноярске, и трудно было представить, что майор не сдержит слова. Но, как всегда в подобных случаях, я решил подстраховаться и на следующее утро сам помчался на сборный пункт.

Ищу Ярыгина. Спрашиваю у всех, где он.

— Какой еще Ярыгин? — допытываются у меня.

— Ну, высокий такой... Рыжий!

— Так его нет и не будет. На восток уже эшелон чешет...

Забыл майор о нашей договоренности!

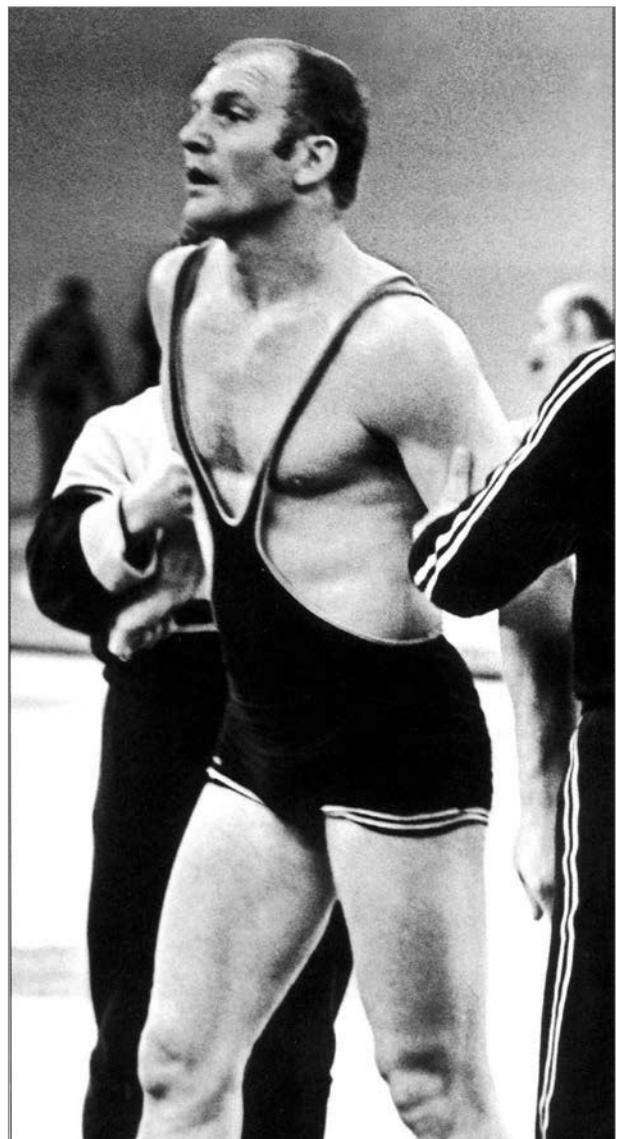
Даже сейчас, много лет спустя, вспоминая этот случай, чувствую, что меня начинает трясти от злости. Необязательность одного человека могла лишит нас олимпийского чемпиона!

Кто бы там, на Дальнем Востоке, в обычной части стал бы тренировать его? А ведь это были самые лучшие для спорта юные годы! А три года спустя, после армии, подошло бы время жениться, и прости-прощай мечта Ивана о большом спорте!

На мое и, надеюсь, Иваново счастье один из офицеров, видя, как я сокрушаюсь, вдруг посоветовал:

— Если тебе край как нужен твой рыжий, беги на вокзал. Эшелон на восток там еще недавно стоял. Может, и не отравили еще...

Примчался я на вокзал. Ищу обычные теплушки, такие, в каких нас, грузинских новобранцев, увозили.

• **Дмитрия Миндиашвили знали в каждой спортшколе Сибири**

Но никаких теплушек нет. Стоит обычный пассажирский поезд. Но почему перед ним офицеры носятся взад и вперед? Торможу. Всмотриваюсь в окна вагонов и вдруг вижу: вот он, голубчик. Стоит на подножке, кого-то выглядывает.

— Ваня, ты что?

— Так ведь никого не было, Дмитрий Георгиевич.

А мои документы взяли... Что я мог?

Тут я ему искомандовал:

— Слезай и следуй за мной!

— Так...

— Слезай, тебе говорят!

Привел его к себе домой.

— Сиди и никуда носа не высовывай!

Говорю уверенно, а у самого на душе кошки скребут: куда, к кому податься?

Вспоминаю, что на призывном пункте есть у меня знакомый — подполковник Александр Николаевич Волков, жуткий матерщинник и редкий добряк.

Иду к нему. Докладываю: украл у вас призывника.

Подполковник с ходу обкладывает меня трехэтажным:

— К прокурору захотел?

Объясняю, что вынужден был так поступить.

— Один у тебя выход, — чуть поостыл мой подполковник.

— Иди к генералу, расскажи все как есть. Авось, смилостивится...

• **Дмитрий Георгиевич — самый родной человек**

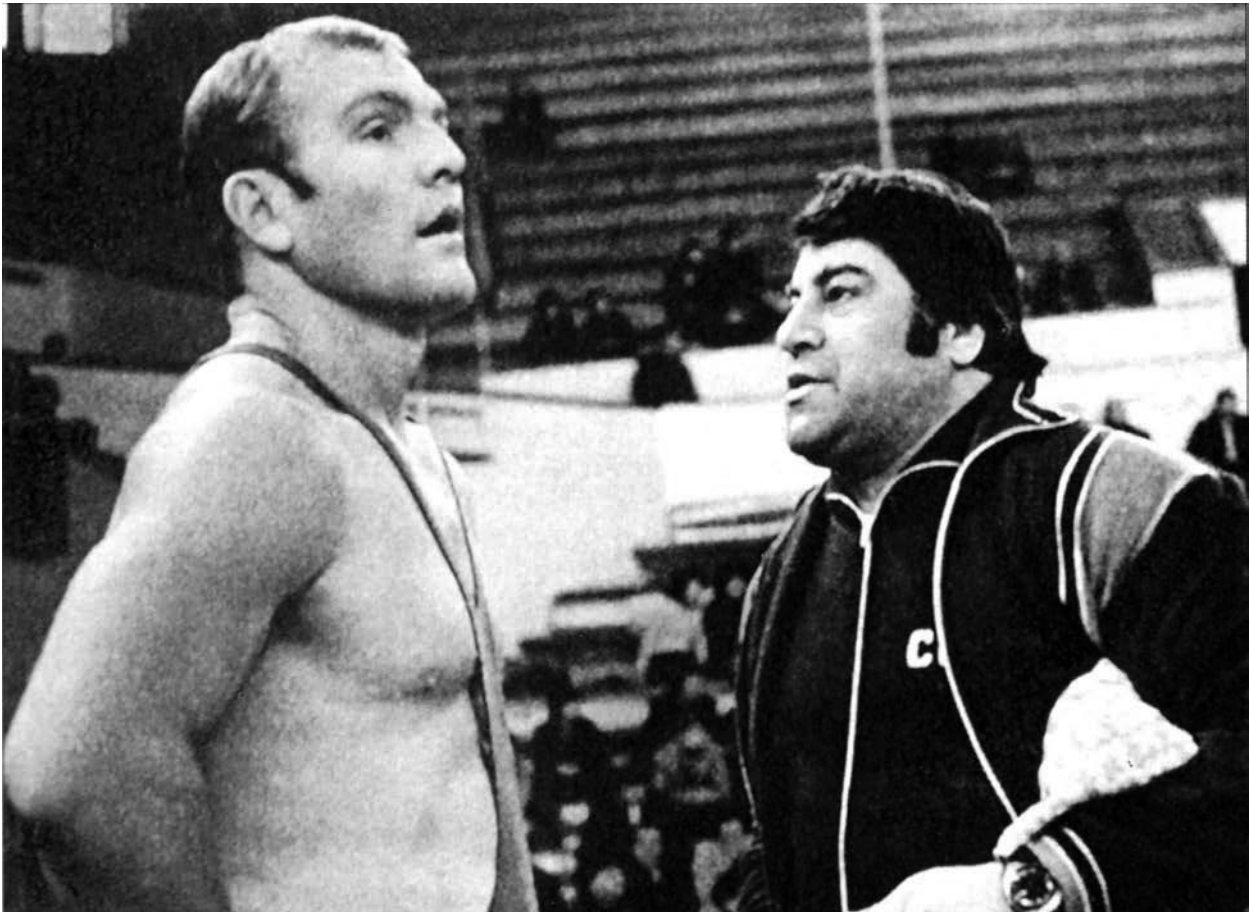
Краевой военком генерал Павел Григорьевич Кашинов, в свою очередь, меня обматерил, но свое согласие оставить хакасского призывника в Красноярске все-таки дал.

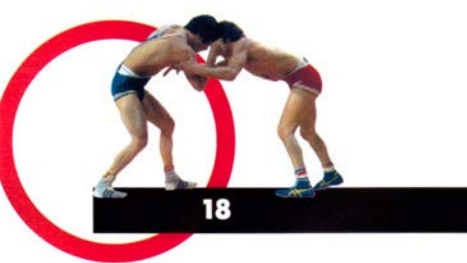
Теперь дело было за другим генералом — начальником радиотехнического училища Комиссаровым. Здесь уже обошлось без крепких слов. Генерал как-то сразу поверил мне и согласился на особый режим для солдата Ярыгина. Повезло Ивану с военными.

Но пока он служил, за ним шла самая настоящая охота со стороны Центрального спортивного клуба армии (ЦСКА). Началась она, как только он начал ездить на соревнования. Этому

клубу ничего не стоило в ту пору вырвать подающего надежды спортсмена силой приказа. Такое не раз происходило с одаренными ребятами из других спортивных обществ. Приходилось хитростями бороться с этими охотниками за талантом. Я, как мог, прятал Ивана, порой возил его по паспорту младшего брата.

Действовали против нас не только силой. Когда Ивана узнали получше, главный тренер Вооруженных Сил Ржевский, прекрасный, кстати, человек, но абсолютно безжалостный в подобных случаях, стал соблазнять моего ученика материальными благами. Но Иван был и остался человеком, преданным дружбе, родной своей Сибири.

И все-таки впервые мастером спорта он стал на первенстве Вооруженных Сил по самбо. Хотя куртку самбиста он надел на этих соревнованиях впервые.

На них же он впервые завоевал лестный титул чемпиона Вооруженных Сил...

Всерьез и надолго

Как перспективному спортсмену, мне разрешили проходить службу в спортивной роте. Жил я то в казарме, то у Миндиашвили. Думая о нем, я понимаю, что это он, Дмитрий Георгиевич, втянул меня в большой спорт всерьез и надолго. Он умеет увлекать ребят большой целью. Уже тогда он уверенно заявлял: «Ярыгин, ребята, будет чемпионом страны. И на Олимпиаде победит». Парни надо мной при этом подтрунивали, а я смущался. Но все мы буквально бредили вольной борьбой, занимались с упоением. Хотя было невероятно трудно. Каждый спортсмен, если он решил заняться всерьез, непременно проходит свой «черновой отрезок», когда идет просто адская работа в зале. Кое-кто, как водится, не выдерживал нагрузок, уходил. Миндиашвили, хоть и печалился, но говорил: «Это ушел не настоящий Сибиряк».

Когда я жил у Миндиашвили, мы, бывало, просыпались ночью,

одновременно, как по команде. И говорили часами, до первых петухов, увлеченно мечтая о будущем. Могли ночью прямо у кровати провести коротенькую тренировку. Это если моему учителю приходила в голову новая мысль. Время от времени он вспоминал эпизоды из своей жизни. Из этих эпизодов она складывалась для меня, как складывается мозаичная картина.

Его путь из грузинского села Чалаубани в большой спорт тогда казался мне необычным, но на самом деле в нем была своя логика, логика того времени, когда народы СССР жили еще одной большой семьей.

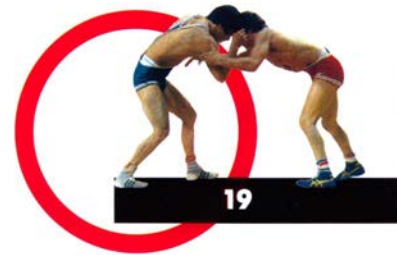
Об этом пути следует рассказать отдельно. Ведь тренер может дать своему ученику не больше того, что он есть сам. И сейчас, оглядываясь на прошлое, думая о самом себе, я понимаю, что многое из пережитого моим тренером вошло в меня. Не зря говорят: учитель, повторись в своем ученике.

«От Чалаубани до Красноярска» назову я этот рассказ

«Дедушка Мито», как любит себя называть мой наставник, родился в 1933 году в Тбилиси. Когда началась война и его мама, медицинский работник, и папа, кадровый военный, оказались на фронте, маленького Мито со старшим братом Гиви, сестренкой Мэри и младшим братом Сосо отвезли в деревню

Чалаубани, что в Кахетии, в Алазанской долине, к дедушке и бабушке со стороны отца.

Старикам-колхозникам было нелегко прокормить четырех внуков, но они не только сохранили их, но и воспитали в лучших традициях своего народа. Мой учитель часто вспоминает муд-

рые наставления деда, любимую бабушку-труженицу.

Порядочность и трудолюбие — вот что больше всего ценили эти старики и соответственно воспитывали внуков.

Родители наградили Мито отменным здоровьем и силой, и мальчик уже в 13 лет выглядел 16-летним. Более того, он мечтал быть полезным, заслужить редкую похвалу деда.

Закончив шестой класс, нанялся подпаском в соседнем, богатом овцами колхозе. Старательный, готовый помочь, услужить взрослым, он скоро стал любимцем бригады пастухов. Очень скоро они решили, что он достоин такой же платы, как и взрослые чабаны. Жизнь в горах, постоянные переходы с отарой, необходимость следить за овцами закалили мальчишку, прибавили ему силы и уверенности. Особо вырос авторитет юного чабана, когда вдруг обнаружилось, что он обладает редким даром «мцноби» — умение соединять овечку с ее ягненком, когда они сами найти друг дружку не могут. Мито угадывал пару по глазам, и овечка получала возможность покормить ягненка остатками молока после дойки. В противном случае ягнята болели и умирали.

Здесь же, в деревне, в традиционных «крандиозных вечерах», где подростки и взрослые соревновались в пении, танцах, национальной борьбе — «чидаоба», крепкий паренек впервые приобщился к этому красивому и мужественному виду спорта.

Вернувшись в родную деревню, Мито смог осуществить и заветную мечту сельских мальчишек — стать шофером. Начал он с помощника водителя: ухаживал за автомобилем, заправлял его бензином и маслом, подкручивал и завинчивал гайки, знакомился с устройством двигателя. Со временем был допущен к рулю...

Но подоспело время идти в армию...

Военная карьера смышленного, сильного и дисциплинированного бойца складывалась более чем удачно. Мито Миндиашвили направили в школу младших командиров, потом дали отделение... На третий год службы он уже был ротным старшиной. Это была прекрасная школа одновременно и формального и неформального лидерства. Талант педагога, заложенный в нем самой природой, окреп в армейских условиях.

Воинская часть, в которой служил молодой грузин, участвовала в строительстве Семипалатинского атомного полигона. Воины помогали строить его одной из сибирских мехколонн, в которой работала красивая белокурая и синеглазая девушка

Тамара. Пылкий грузин влюбился в нее, что называется, с первого взгляда. Незадолго до конца службы мехколонну перевели в Красноярский край, на родину девушки, строить знаменитую дорогу Абакан — Тайшет. И когда у Мито закончился срок службы, он бросился следом за любимой.

Деревня Горбы — место ничем не примечательное. Но лидер всегда лидер. Веселый, готовый помочь всякому, инициативный парень быстро стал секретарем местной комсомольской организации, наладил самодеятельность, увлек ребят спортом.

О серьезных занятиях борьбой он мечтал еще в армии. Но понимал, что без хорошего тренера ничего сделать не сможет. Но ни в армии, ни тем более в Горбах такого тренера не было. И Бог знает, как сложилась бы жизнь моего учителя, если бы не перевод в Красноярск. Переехал он в этот город на Енисее уже не один, а с Тамарой. Женой! Молодые с крохотным сыном Валеркой жили в вагончике, где зимой вода замерзала в ведре. Но тогда мало кто из сверстников жил лучше. А тут машину дали новенькую, работа была важной и интересной. Мехколонна участвовала в строительстве Красноярской ГЭС, коммунального моста через Енисей, в возведении других объектов.

Сбылась и давняя мечта — появилась возможность заниматься борьбой. Правда, сначала классической.

При двухсменной шоферской работе, при том, что жил Дмитрий Георгиевич километрах в пятнадцати от центра города, где находился спортивный зал, было это дьявольски трудно. В конце концов, встал вопрос: оставаться шофером или продолжить занятия спортом. Мой учитель выбрал спорт: бросил баранку и, к великому удивлению друзей, стал грузчиком. Потому что грузчик мог работать в одну смену.

Его тренер Анатолий Алексеевич Солопов, первый мастер спорта среди красноярских борцов, возлагал на моего будущего учителя большие надежды. Очень сильный физически, Дмитрий Георгиевич быстро совершенствовался в технике. Вот только у самого борца большой радости от своего успеха не было. Он чувствовал, что его призвание не классическая борьба, которой приходилось заниматься, а вольная. Слишком глубоко в нем сидела память о свободной, грациозной, рыцарской грузинской борьбе. Его связывали, стесняли правила греко-римской, которые исключали работу ногами, массу других приемов, делающих эту борьбу дерзкой, неожиданной, зрелищной.

К счастью, два года спустя, в 1958 году, из Москвы в Красноярск пришло предложение принять участие в первенстве России по вольной борьбе... К счастью, и в том смысле, что Дмитрий Георгиевич все-таки успел постичь борьбу классическую, которую считает (это он внушал и мне) базовой для любого вида борьбы и без которой нельзя преуспеть ни в вольной, ни в самбо, ни в дзюдо. В этой классической борьбе «дедушка Мито» достиг далее успехов: стал чемпионом Красноярска, потом Красноярского края, успешно выступал на всероссийских и всесоюзных соревнованиях. Так что к тренеру по вольной борьбе Ивану Никитовичу Малахову он подошел, уже имея определенную базу и опыт серьезных соревнований.

Это сыграло свою роль в спортивной карьере моего учителя. Он вскоре вошел в сборную команду России по вольной борьбе и в этом качестве принял участие в чемпионате СССР, который проводился в его родном Тбилиси.

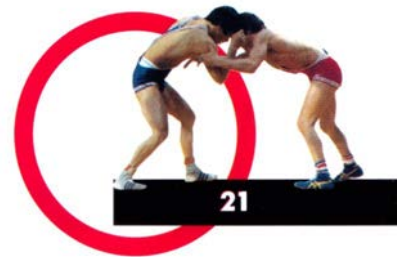
Впервые участвуя в соревнованиях такого ранга, он одержал шесть чистых побед, проиграл только одну схватку и занял вполне пристойное для новичка четвертое место, выполнил норматив мастера спорта. В наших ночных беседах мой учитель говорил об этом и с горечью, и с гордостью. Он понимал, что мог бы достичь со временем и большего, если бы... Если бы не тяжелая физическая работа, оставлявшая для тренировок куда меньше времени, чем у других. Если бы в самые лучшие юношеские годы рядом с ним был тренер. К счастью, в самом Красноярске организаторы спорта разглядели в Диме Миндиашвили не только спортсмена, но и человека, от Бога получившего талант учителя, тренера. И в 1959 году молодому мастеру спорта предложили стать тренером по вольной борьбе. Сначала на общественных началах.

«Я, Ваня, колебался, — рассказывал он мне. — Получится ли? Потом вспомнил, что еще в школе учителя поручали мне проводить физзарядку со своей школой и даже старшеклассники подчинялись мне. Вспомнил и о том, что в любой коллективной игре мальчишки избирали меня капитаном. И о том, что в армии солдаты охотно выполняли мои приказы и при этом я ухитрялся ни разу не воспользоваться своим правом сажать на губу... В общем, все это, Ваня, я вспомнил и согласился...»

К этому следует добавить: согласился на мое и, надеюсь, на его счастье...

Тренер-общественник скоро стал тренером-профессионалом. Он поставил перед собой цель сделать вольную борьбу массовым видом спорта в крае. И вполне преуспел в этом, готовя из своих учеников таких же, как он, тренеров. Как грибы росли все новые секции в самом Красноярске, стали появляться и в районах и городах края. Молодому тренеру все это давалось с огромным трудом и терпением. Денег на покупку спортивного инвентаря, на оплату тренеров у него, естественно, не было. Деньги были у хозяйственников — директоров крупных предприятий, совхозов, председателей колхозов. И здесь всюду развернулся дипломатический талант Дмитрия Георгиевича. Он умел и умеет сегодня превращать людей в своих союзников.

Ко времени, когда он нашел Владимира Ильича Чаркова, вольная борьба в крае получила уже свое признание, сам Дмитрий Георгиевич приобрел авторитет в самых различных общественных и спортивных кругах. Так что не было ничего удивительного в том, что его находка — Чарков — передал меня ему, так сказать, из рук в руки.

Та удивительная Махачкала

Далеко от Красноярска до Мехико. Но когда там началась Олимпиада, мы всеми помыслами были в этом городе. Раскрывая газеты, первым делом выискивали сведения о наших борцах-вольниках. Я жадно рассматривал фотографии Александра Медведя, Бориса Гуревича, Шота Ломидзе. «Неужели я и впрямь, как уверяет всех Миндиашвили, попаду на следующие Игры», — думал я. Пытался представить себя на олимпийском пьедестале почета и не мог. А пока... Пока надо было подготовить себя к молодежному первенству страны, которое должно было пройти в Риге. Намечалось, что я выступлю в полутяжелом весе, но тренеры сборной попросили перейти в следующую категорию — более 97 килограммов. Я весил 95. Пришлось по рекомендации врачей нажать на молоко и соки...

В Риге все сложилось удачно. В финале я выиграл даже у Нодара Модебадзе, которого называли восходящей звездой, новым Александром Медведем.

Более других поразил меня своей техникой тбилисец Леван Тедиашвили, который тоже завоевал «золото» в категории 78 килограммов. Дмитрий Георгиевич объяснил мне, что этот каскад его хитроумных бросков, прекрасная работа ногами — от занятий «чидабой», национальной грузинской борьбой. Он познакомил нас, и со временем мы стали друзьями «на всю оставшуюся жизнь».

...Год спустя — мой первый международный старт в Минске, где проходили соревнования «Олимпийские надежды». Поначалу я волновался: какие они, эти иностранцы. Однако и зарубежные соперники оказались для меня, в общем-то, легкой добычей.

Перед самой демобилизацией — еще одно молодежное первенство страны, на этот раз в Ереване. В финал я прорвался легко, но в решающем поединке проиграл парню из донецкого села Староигнатьевка Алексею Атаманову. Но я не очень

огорчился второму месту. Мыслями был на гражданке. И в ноябре уже работал слесарем шестого разряда в цехе подготовки шинного завода.

А в красноярских газетах стали появляться интервью со мной. Журналисты писали и говорили по радио, что «Ярыгин — надежда сибиряков и что благодаря ему спортом заинтересуются тысячи парней из таежных деревень».

Подошло время выступать на взрослых соревнованиях. В 1970 году выиграл звание чемпиона России, которое в то время очень высоко ценилось знатоками борьбы. Теперь предстояло первенство Союза в Махачкале.

В Дагестане соревнования борцов проводятся на открытом воздухе. В центре республиканского стадиона ставят помост, расстилают ковры. А был апрель, солнце здесь жгло немилосердно...

Как всегда, на подобные турниры зрители съехались со всего Дагестана. За три часа до начала трибуны были заполнены старцами в каракулевых папахах, чабанами с горных пастбищ, горожанами в кепках-аэродромах, ребятей.

Честно говоря, я не загадывал на победу. Слишком сильных «полутяжей» собрал чемпионат: Владимир Капошкин, Эльбрус Икаев, Семен Лисафин, мой «обидчик» Алексей Атаманов, а главное — неоднократный чемпион Европы киевлянин Владимир Гулюткин.

А я впервые попал в обстановку, когда во время поединков не слышишь даже голоса судьи — такой шум стоит на стадионе. Дагестанцы умеют болеть не хуже бразильцев, но тут была еще особая причина: их любимец, пятикратный чемпион мира Али Алиев, решил в последний раз выступить на чемпионате. Организаторы запланировали торжественные проводы, и всем хотелось, чтобы кумир, гордость республики — Али — победил.

Ко всему этому добавилось и то обстоятельство, что Дмитрий Георгиевич вынужден был оставить меня одного. Ему предстояла командировка в Болгарию. Это осложняло мое положение, ведь советы мне должны были давать другие тренеры сборной России, а лучше Миндиашвили меня никто не знал.

Но я чувствовал, что нахожусь в отличной форме. Были приятны и прибавляли сил зрители. Когда я расправлялся с очередным своим соперником, буря восторгов обрушивалась на меня с трибун. Голова шла кругом.

По мере приближения к финалу я все больше обретал уверенность. Но о золотой медали старался не думать. На третий день соревнований я понял, что в финальном поединке встречу с Владимиром Гулюткиным, который, как и я, шел без поражений.

Владимир широк в кости, кажется, что в нем не 100 килограммов, как положено, а все 120. Нет, он не увальень: прекрасно сложен, расчетлив, цепок, хитер, отлично владеет зацепами и подсечками.

Я не смог подготовить специальную тактику борьбы с ним. Хотя вместе с Миндиашвили и обсуждали возможный поединок и пытались выискать его слабые места, но так ни к чему определенному не пришли. Владимир был силен и в атаке, и в защите.

Финалы проходили в субботу. Нещадно палило солнце. Болельщиков прорвалось на стадион так много, что те, кому не достались места на трибунах, плотным кольцом окружили три ковра. Милиция беспомощно разводила руками: никакие угрозы на махачкалинских фанатов борьбы не действовали. Решено было не срывать чемпионат — провести бои даже в этих условиях. Но нам, борцам, пришлось нелегко: трудно было даже протиснуться через плотную толпу «аэродромов» на ковер.

Владимир был внешне спокоен, только щурился от солнца. Похоже, он считал меня зеленым новичком, которого надо вовремя остановить.

Мы оба не осторожничали. В то время меня влекла романтика открытой схватки, а Гулюткин был вполне уверен в себе. И без разведки мы двинулись друг на друга. Я тут же почув-

ствовал решимость соперника. Он опережал меня в захватах, швунговал, дергал, бил широкой ладонью по шее. А я никак не мог наладить дыхание. Ринулся было в ноги, а Владимир зацепил левой ногой мою правую, бросил... Я, однако, успел перевернуться в воздухе и встать на «мост».

Стадион взревел. Вероятно, многие подумали: для новичка это конец, сейчас Гулюткин его дождет. Стоять на «мосту» — весьма неприятная штука. Соперник наваливается всем телом, твои лопатки медленно приближаются к обжигающему ковра... Почти минуту он меня дожимал, потом перехватил руки, и в это мгновение я сумел перекатиться на живот.

Отдышался. Прикинул, сколько потерял баллов. Решил, что проиграю. Мелькнуло: серебряная медаль для меня тоже неплохо. Но вдруг почувствовал — публика-то болеет за меня! Ведь когда стоял на «мосту», рев внезапно прекратился. Я понимал, что всем хотелось сенсации — новичок обыгрывает титулованного атлета. Я был благодарен зрителям — поддержка их в эту минуту дорого стоит.

Перерыв. Второй период. Замечаю, что соперник раздосадован, злится на себя за то, что упустил верную победу. Он становится все более агрессивным, ему удается-таки поймать меня на контрприемах, перевести в партер. Значит, потерял еще три балла.

Знаю, что у Гулюткина есть коронный прием — бросок с прогибом. Опасаюсь его, хотя сам научился неплохо проводить тот же прием. Одна надежда: в азарте соперник пойдет на этот, в общем-то, очень рискованный шаг.

И Гулюткин и впрямь входит в захват. Потоптался и резко откинулся назад. По огромной дуге мы долго летим на ковер. Но Владимир не учел силы моих рук, которыми я успеваю буквально скрутить его тело в воздухе. Скрутил и поставил его на «мост».

Через двадцать секунд заставляю растерявшегося от неожиданности соперника коснуться лопатками ковра.

Я подскакиваю словно ужаленный. Что-то кричу. Но тут же прихожу в себя и пытаюсь помочь Владимиру подняться с ковра. Он мотает головой, мычит, не сознавая происшедшего... Болельщики в восторге! Выскакивают на ковер, поднимают меня на плечи и несут в центр футбольного поля...

- Битва с Володией Гулюткиным

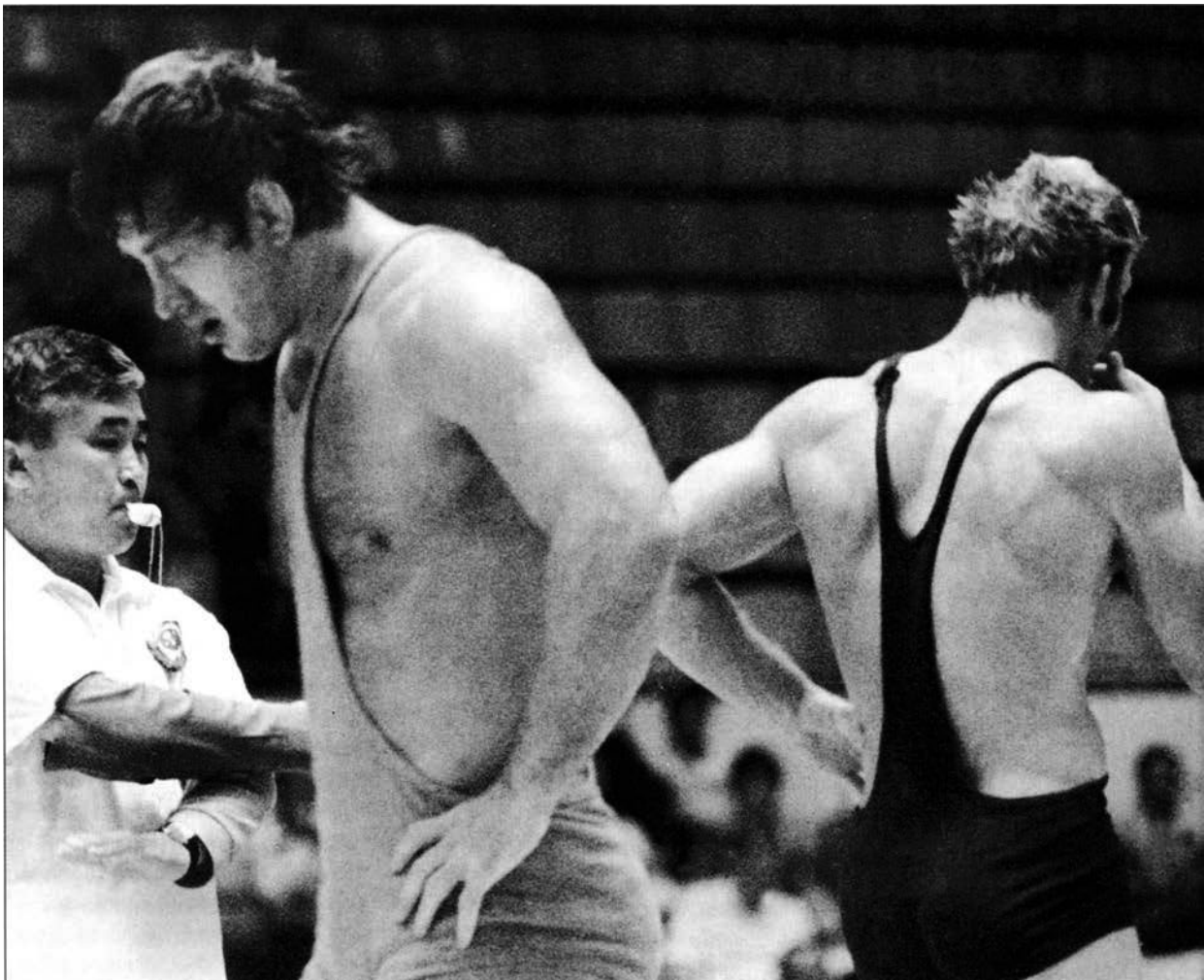
Слышу дружный крик:
— Муж-чи-на-а-а!..

Первое, о чем подумал: как будут радоваться Чарков, мой отец, братья... И особенно Дмитрий Георгиевич! Его ученик Иван Ярыгин — чемпион Советского Союза!

Вечером в гостинице сижу в окружении тренеров, ребят из нашей команды. Вспоминаем схватки, даем оценки победам и поражениям. А я все время вижу перед собой улыбающееся

лицо человека, который сделал из меня настоящего борца. Черт побери, как приятно слышать из уст других тренеров слова о том, что вот и в Красноярске появилась сильная борцовская школа. Школа Дмитрия Миндиашвили. Где он сейчас? Что он делает, мой учитель?

Теперь, когда готовится второе издание этой книги, я знаю ответы на те мои вопросы. Дмитрий Георгиевич написал свои воспоминания «На ковре жизни», и в них есть такой вот эпизод.

В московской гостинице

(Вспоминает Д. Г. Миндиашвили)

На соревнованиях 1969 года в Луганске Иван выиграл у сильнейших борцов страны и проиграл лишь выдающемуся борцу Владимиру Гулюткину. Иван занял не только весьма почетное для этого класса соревнований пятое место, но и получил звание мастера спорта международного класса. Я, конечно, радуюсь и тому и другому, но более всего словам опытейшего из тренеров Василия Николаевича Рыбалко.

— В будущем году, — сказал он, увидев Ивана в деле, — этот мальчик выиграет у всех и станет выдающимся борцом...

«В будущем году» означало Махачкалу, где должны были пройти соревнования на первенство Союза. Стоит ли говорить, как мне хотелось, чтобы пророчество Василия Николаевича сбылось?

И готовились мы к этому чемпионату с огромным душевным подъемом, мне казалось, сделали все возможное.

И вдруг... Сколько же таких «вдруг» бывает в спортивной жизни! И вдруг я узнаю, что включен в состав спортивной делегации, едущей в Болгарию. Первая моя заграничная командировка! И все же я готов отказаться от нее. Но Москва непреклонна: «Приказ есть приказ!»

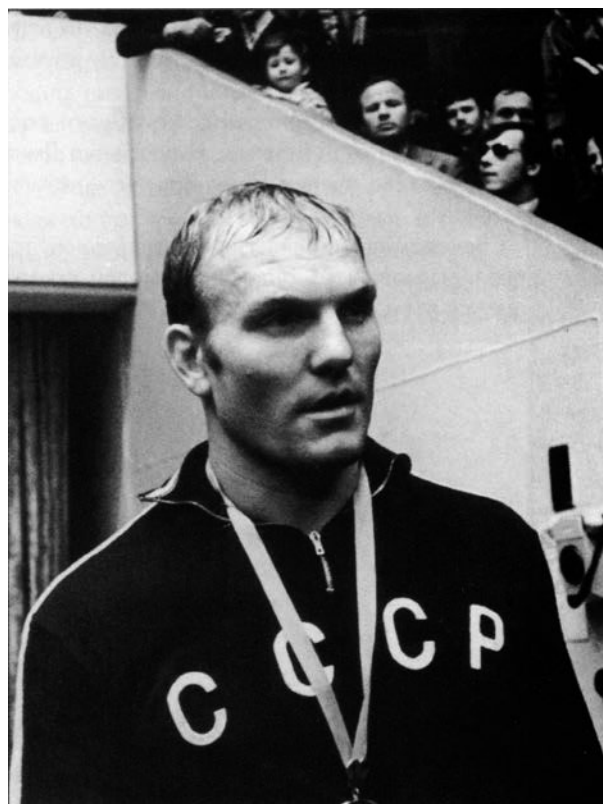
Уезжаю из Махачкалы, с предварительных сборов, в тревоге. Иван провожает меня в аэропорт.

— Ваня, ты уж здесь смотри...

В ответ слышу:

— Вы, Дмитрий Георгиевич, сильно-то не переживайте. Уж отборюсь...

С этим Ивановым «уж отборюсь» приезжаю в Москву. Все четыре дня беготни с выездными документами они звучат в моей голове. Последняя ночь перед отъездом. Мы, группа тренеров, усталые, вымотавшиеся, сидим в гостиничном номере,

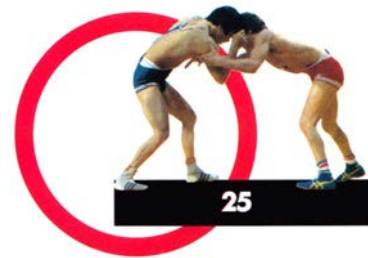
лениво перебрасываемся словами. О чем-то тихо щебечет радио. И вдруг до меня доходит: да это же последние известия. А значит, могут передать и спортивные новости...

— Тихо! — ору я.

И почти сразу начинает звучать сообщение из Махачкалы: «Чемпионом страны стал молодой спортсмен из Красноярска Иван Ярыгин...»

Что со мной случилось в следующую минуту, я знаю лишь из рассказов коллег.

«Мито, — говорили они, — в эту секунду ты заревел сильнее быка и прыгнул со стула выше зайца. А потом почему-то стал браниться такими словами, каких мы никогда от тебя не слышали. Но мы тебя прощаем, дорогой. Это ты от радости потерял контроль над собой...»

Уроки Айика

Случилось так, что ту же информацию по радио я услышал в поезде Махачкала — Москва. Победа в Дагестане решила вопрос, кому ехать на международный турнир в Болгарию. Тренерский совет решил послать меня. Из Махачкалы в Москву, где я должен был встретиться с Дмитрием Георгиевичем, ехал поездом. И вечером в «Спортивном дневнике» я услышал сообщение о закончившемся чемпионате страны по вольной борьбе. Слышу свою фамилию и невольно встаю по стойке «смирно». В купе никого нет, но мне кажется, что, если я выйду в коридор, все пассажиры уставятся на меня. От волнения, от расправивших меня чувств иду умываться. Вернувшись, надеваю костюм, галстук... Но больше из купе не выхожу. Сажу полночи, думаю о будущем.

Пусть читатель попробует понять мои чувства. Сбылась заветная мечта: я — чемпион страны. В душе необыкновенный подъем. Все на свете начинает казаться возможным: так сказать, нет таких крепостей... Потом будут другие победы, они поднимут меня даже на олимпийский пьедестал, но сейчас мне кажется, что ничего сравнимого с Махачкалой я не переживал.

Бесконечно счастливый, приезжаю в Москву. Из столицы лечу в Софию на турнир памяти замечательного болгарского борца Дана Колова. Тренеры сборной снова присматриваются ко мне. А я побеждаю, и с большим преимуществом, самых грозных «полутяжей»: болгарина Тодорова, венгра Чатари, монгола Баянмунха. Тренеры выносят свой вердикт: к чемпионату Европы готовиться Ярыгину.

Этот чемпионат 1970 года, который проводился в Берлине, стал моим третьим международным турниром. Я приехал на него в ранге чемпиона СССР. Я думал о том, как сейчас на меня будут реагировать зарубежные борцы. И как я на них.

Встреча с зарубежными соперниками вообще очень важный момент в становлении спортсмена. Здесь очень важно как можно скорей преодолеть комплекс неуверенности, внушить себе,

что не ты, а соперник должен тебя бояться.

Я знал немало способных борцов, которые так и не смогли преодолеть «барьер неуверенности». На всесоюзных соревнованиях такой спортсмен творит чудеса, легко обыгрывает самых виртуозных конкурентов, а выйдет на международный ковер — теряется, действует робко, скованно. Я не знаю, как назвать эту нередкую болезнь, но лекарство от нее знаю только одно — во всех случаях быть бойцом, стремиться подавить соперника своей волей к победе.

Впрочем, одной воли мало. Нужно, чтобы эта воля к победе была оснащена высочайшей техникой, разумной тактикой поединка. Об этом я думал после встречи с мастером экстра-класса знаменитым турецким пехлеваном Ахметом Айиком.

В Берлине мне довелось с ним встретиться в первый и, увы, в последний раз. В финале европейского чемпионата. Мне шел 22-й год, Айику было уже далеко за 30. Он прежде вставал на пути нашего выдающегося полутяжеловеса Шота Ломидзе, «отбирая» у него титулы чемпиона мира и Европы. А в Мехико — золотую олимпийскую медаль. Необыкновенно сильный и выносливый, он в 1965 году на чемпионате мира победил даже самого Александра Медведя. Правда, в Токио все же уступил ему «золото», хотя их личная схватка закончилась вничью.

Для Айика выступление в Берлине было последним. И он, естественно, мечтал уйти непобежденным. Об этом мечтают многие борцы, но для Айика этот чемпионат имел особое значение. Став хозяином ресторана, он решил, что свеженький титул чемпиона Европы будет не лишним для рекламы.

И вот мы на ковре. Я, естественно, осторожен. Айик каждым движением дает понять, что не умеет проигрывать. Сколько кошачьей мягкости, грациозности пумы, рациональности движений рыси, скрытого могущества льва в каждом движении этого стареющего богатыря! Я чувствую, что мог бы перевернуть трактор, но, когда вцепляюсь в руки Ахмета, какая-то

неведомая сила сковывает мои горячие мышцы.

Правила в то время были не очень строги к тем, кто вел выжидательный, разведывательный бой. Айик этим умело пользовался. В изнурительном по огромному напряжению поединке он взорвался единственный раз, и я, казалось бы, готовый к любым неожиданностям, все-таки прозевал этот гром с ясного неба — перевод в партер был хлесток, выполнен зло, дерзко. Айик отдал этому взрыву весь свой колоссальный опыт. Он заработал балл. А тут вскоре и кончилась встреча.

Тот поединок, пожалуй, и сделал меня борцом по большому счету. Я, молодой и азартный, не смог найти слабого места у своего сверхопытного соперника. Ни одного движения не проиграл мне Айик. Ни одного движения в борьбе за наиболее удачную для проведения приема позицию. В этой ситуации я потерял инициативу. И четко уяснил для себя, что никогда тактика выжидания, надежды на чужую ошибку не может принести удачу. Прояви я большую активность, продумай тщательнее план схватки — все сложилось бы по-другому.

Тренер в роли свата

Тот год оказался более чем важным в моей личной жизни. Летом мне дали квартиру в доме, где жил заместитель председателя краевого спорткомитета Петр Михайлович Токмаков. Он с семьей на шестом этаже, я — на девятом. На каникулы к его жене Галине приехала из Салавата ее сестра Наташа, симпатичная девочка, десятиклассница. Вечером Наташа выходила погулять во двор с племянником. Я в это время возвращался с тренировки. Мы чинно здоровались, при этом девочка с большими голубыми глазами бросала на меня заинтересованный взгляд. Наверняка Токмаков ей про меня рассказывал. Живет, дескать, в нашем доме чемпион Советского Союза.

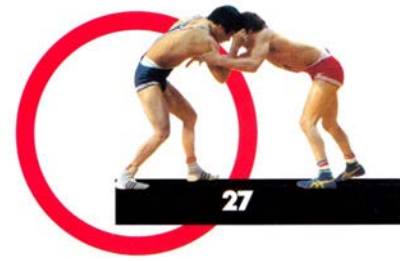
Как-то в выходной мы все вместе поехали в Дивногорск — посмотреть знаменитую плотину Красноярской ГЭС, покататься в Енисее. А вечером я пригласил Наташу в кино. На картину с символическим названием «Белый взрыв». По дороге домой Наташа сказала, что рано утром уезжает в Салават... Я решил ее проводить. И проспал! Примчался на вокзал за минуту до отправления поезда. Смотрю — в окне Наташка. Увидела ме-

ня и вдруг заплакала. Я только успел рукой махнуть...

Вернулся домой и сразу стал писать ей письмо. Словом, этот «Белый взрыв» почувствовал в себе. Тихая девчушка стала мне родной...

Переписка завязалась сразу такая пылкая, что я уже не мог ничего толком делать — одна в голове мысль: как повидать Наташу. В ноябре Миндиашвили повез сборную края на турнир в Салават. Я упрямился взять меня с собой: мол, соревнования надо посмотреть, соперников поизучать...

Приехали в Салават. Я сразу к невесте, как уже называл в своих мыслях Наташу. Дверь открыла ее сестра Танечка. Чувствую, знает, кто я такой. Радостно защебетала: «А Наташа в школе, посидите чуточку, я за ней сбегаю...». Я было застенялся, сказал, что зайду позже, но здесь Анна Афанасьевна, мама Наташи, вернулась из магазина и пригласила попить чайку. Видно, тоже обо мне была наслышана. Вскоре и «невеста» появилась. Мы убежали из дома, до ночи бродили по городу.

А на обратном пути рубанул, как в воду прыгнул: «Поедем, Наташка, в Красноярск, там и распишемся. А то здесь долгая волокита, да и родители противиться начнут».

Три дня спустя мы мчались на машине в аэропорт. В зале ожидания мой тренер с командой вылета ждут. Я Дмитрию Георгиевичу все начистоту и выложил. Вижу, огорчился мой наставник. Но, к нашему удивлению, отговаривать от женитьбы не стал. Поручил ребят другому тренеру, а мне сказал: «Все, Ваня, должно быть честь по чести. Возвращаемся в Салават, будем свататься...»

Вся та ночная поездка и то, что произошло в доме Наташи, у меня в памяти до мелочей. Но думаю, что читателю будет интересен взгляд третьего участника моей женитьбы, Дмитрия Георгиевича Миндишвили. Эпизод тот хорошо описан в его книге.

Петр и Галя Токмаковы вместе с командой приезжали в Салават — навестить родителей, и я не очень удивляюсь, увидев в аэропорту Наташу. Вот только почему Иван вдруг взял девушку за руку и ведет ко мне? Хрупкая Наташа едва поспевает за моим красавцем, но попыток к сопротивлению не делает. И вот явно решительно настроенный Иван и отворачивающаяся от моего взгляда Наташа передо мной. Я не успеваю рта открыть, как Иван, покраснев от смущения, произносит на одном дыхании:

— Дмитрий Георгиевич, Наташа летит со мной. Мы решили пожениться. Мы любим друг друга...

Первая мысль абсолютно эгоистичная: «Вот-вот, готовил тебя, вырастил чемпиона страны, не исключено, что и будущего чемпиона мира и даже Олимпийских игр, но пришла какая-то девчонка и увела... Если даже не из борьбы вообще — не тот у тебя характер, — то из Красноярска точно...»

Нужно сказать, что и в Салавате, как и в других городах, где мы бывали, охота за моим учеником шла свирепая. «И вот, пожалуйста, то, что не удалось тренерам, удалось этой красивой девочке...»

Чувствую себя обиженным, обойденным. Но смотрю на Наташу, вижу ее растерянное, ставшее абсолютно детским личико,

и обида исчезает, остается лишь недоумение:

— Наташа, ты ведь даже школу не закончила...

— Честное-пречестное, Дмитрий Георгиевич, закончу.

В Красноярске, вечернюю...

Становится чуточку легче. Значит, увозить Ивана в Салават она не собирается. Но тут же другая мысль:

— Постой, девочка, а родители о вашем решении знают?

Молчит Наташа. И Иван молчит.

Обращаюсь к Петру и Галине. Оказывается, и они ничего не знали.

— Как же вы могли, — возмущаюсь я, — увезли человека, как цыпленка какого-нибудь... Будто чемодан взяли...

Молчат.

— Нет, братцы, так не бывает. Надо ехать обратно, просить ее руки у родителей...

Петр и Галя возвращаться отказываются. Иван и Наташа смотрят на меня умоляющими глазами. Сейчас им больше всего на свете нужен человек, который поможет объясниться с родителями: заступник, ходатай, сват.

— Черт с вами, поехали! — команду я.

По дороге сидящие на заднем сиденье Иван и Наташа после долгого молчания выплескивают на меня историю своего знакомства.

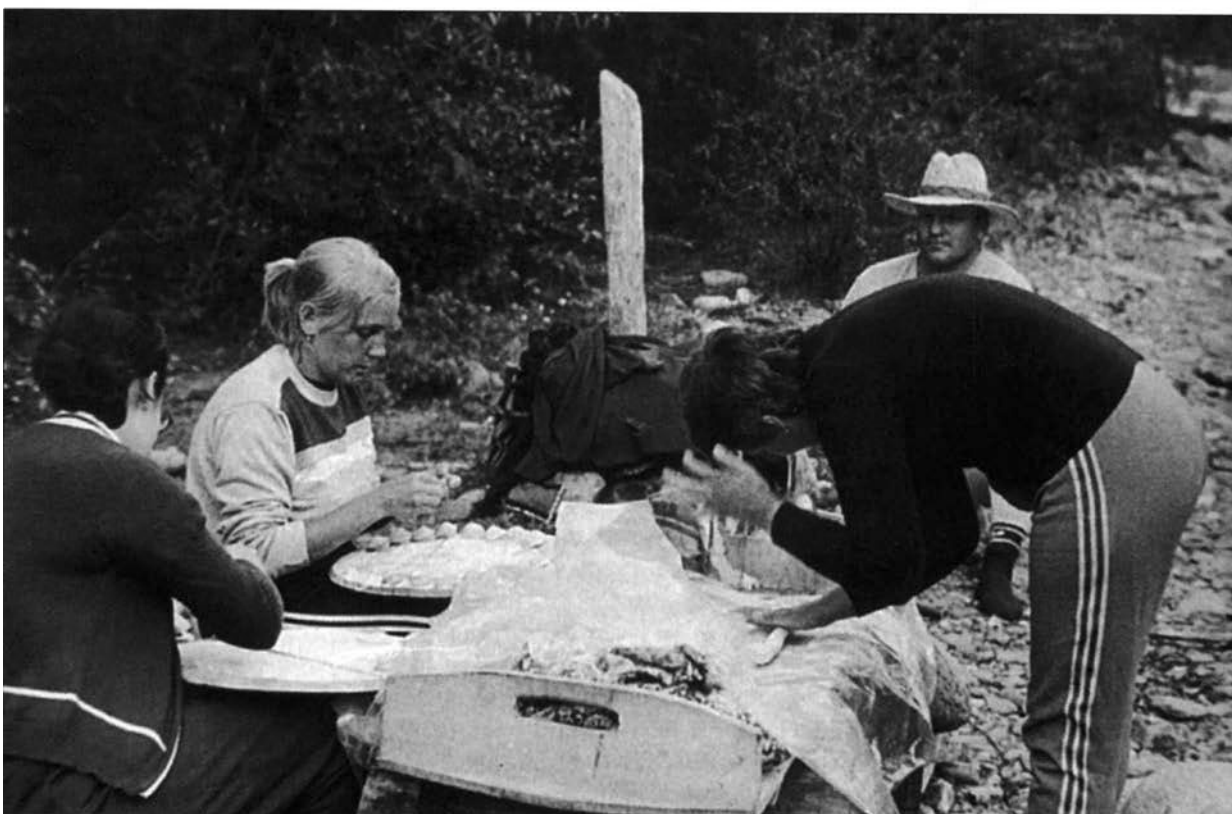
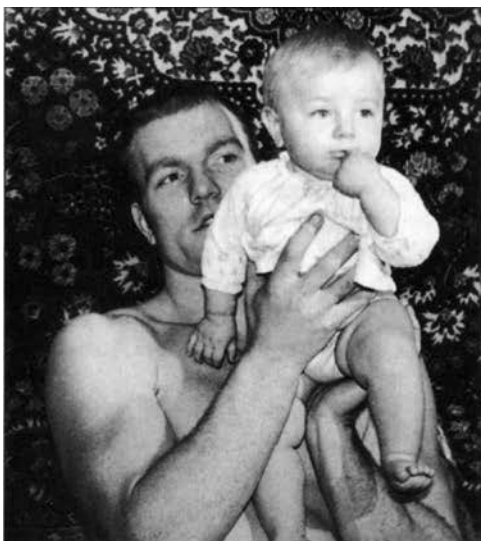
...Мы приехали к дому родителей Наташи, когда здесь уже давно спали. Не могу сказать, что мне было приятно стучать в дверь этого дома с вестью, которая вряд ли приведет хозяев в восторг. Тем более что весть эта должна прозвучать из уст чужого человека. Но что делать? За моей спиной взволнованное дыхание Наташи и Ивана. И мне, назвавшемуся груздем, ничего не остается, как лезть в кузов.

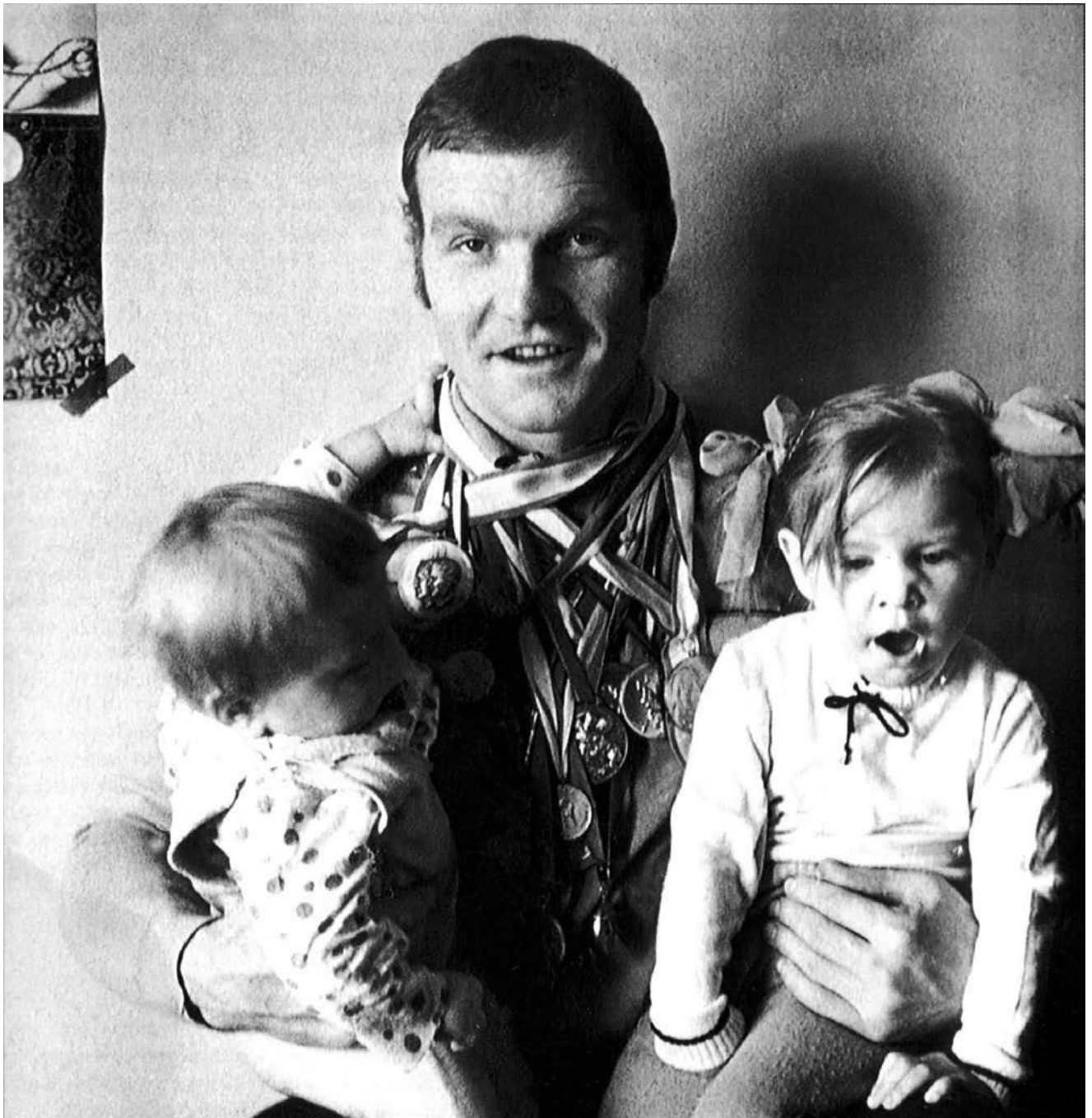
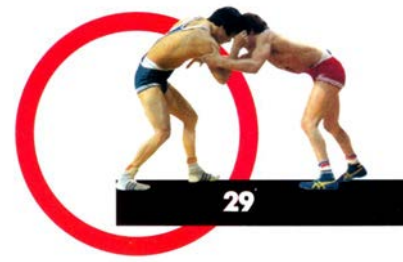
Стучусь.

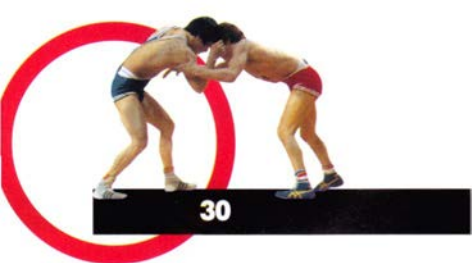
Что происходит дальше, описать трудно. Я прошу прощения у поднятых с постели мамы и папы. Отец смотрит явно неприязненно. Зато мать, похоже, не очень удивлена нашему вторжению... Начинаю с того, что в старину замуж выходили очень рано и это никого не удивляло. Браки были куда прочней нынешних.

- Самые любимые —
Анечка, Серезжка,
Наташа

Подойдя к этой теме, начинаю чувствовать себя уверенней. Я приветствую такие ранние браки, особенно у спортсменов. Во-первых, парень перестает рыскать в поисках женщины на час. Во-вторых, это не только упорядочение жизни. Это еще и жертвенность, и жажда успеха не только для себя, для собственного честолюбия, но и для семьи. Чтобы кто-то мог гордиться тобой, а сам ты почувствовал свою нужность кормильца-мужчины.

Я заканчиваю свой путаный, но искренний монолог. Однако лицо отца помягчало лишь чуть-чуть.

— Ты-то хоть знала? — бросает он жене.

Я понимаю, что сейчас не молодость Наташи, а именно это обстоятельство — поделилась ли дочь хоть с матерью, проявила ли уважение к родителям — для него важнее всего.

Жена опускает глаза:

— Ну, знала...

— А почему молчала? — И тут же, не дожидаясь ответа, поворачивается ко мне: — А ты, мил человек, ты-то хоть понимаешь, какую заботу берешь на себя? Нас-то рядом не будет, а меж молодыми бывает всякое...

Со всей возможной для грузина горячностью и одновременно почтительностью к старшему по возрасту уверяю его в том, что понимаю меру своей ответственности. А за Ивана ручаюсь, как за самого себя. И снова гну свое — предлагаю всем вместе подумать, как молодым жить дальше...

Выслушав мой очередной ораторский пассаж, отец наконец кивает головой и предлагает нам передохнуть с дороги, пока он «малость похозяйничает». Спустя час выясняется, что хозяин дома — труженик общепита, и нас уже не удивляет количество

разнообразных закусок и вин на столе и высочайшее качество главного блюда того ночного пиршества — жареного гуся с яблоками.

После праведных трудов я отдаю должное тому и другому, стараясь не думать о том, что ждет меня в Красноярске. Несовершеннолетняя Наташа готова жить без официальной регистрации. Ивану, влюбленному по уши, все предстоящие формальности до лампочки. Но я-то обещал родителям, что все будет как у людей, и что разрешение на брак добуду...

На следующий день прилетаем в Красноярск. Слава Богу, не надо заботиться о жилье: Иван, став чемпионом Союза, уже получил двухкомнатную квартиру.

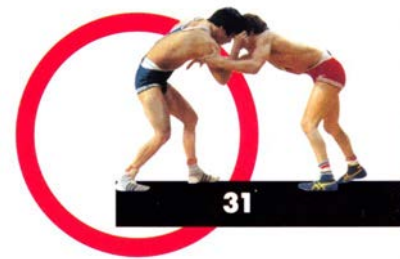
День спустя отправляюсь за разрешением на регистрацию брака к председателю Красноярского горисполкома А. И. Мореву. Прежде нам встречаться не приходилось. Знаю лишь, что мэр — мужик не простой: немногословный, упрямый. Скажет, как отрубит. Понимаю, что ключевая фигура во всем предстоящем разговоре — Иван. Первая мысль, которая придет в голову председателю, — не обманет ли парень 16-летнюю девушку, не бросит ли ее, наигравшись. Но я знаю не только Ивана. Знаю его семью: отца, мать, брата. Огромным уважением пользуется здесь мать — женщина поистине таежного, то есть сурового, но не на показ нежного характера. И я чувствую, что, рассказав о ней, смогу убедить Морева.

Но все оказывается не так просто. Выслушав меня, председатель соглашается дать разрешение, но при условии, что я напишу письменное поручительство. Морев смотрит на меня без улыбки, испытующе. Тут же в кабинете пишу официальное заявление на его имя и поручительство за Ивана...

Свадьба

Гуляет на ней свыше ста человек: родители и друзья, представители спорткомитета и даже крайкома партии. Но чемпион остается верным себе. Свой первый «шампанский» тост отказывается выпить. Шампанское ему заменяют мине-

ралкой. Нет, Ивана явно не отнесешь к числу тех выдающихся спортсменов, которые стремятся урвать от жизни все: и славу чемпиона, и хмельное застолье, и женское внимание.

Печальный семьдесят первый

Не случайно говорят, что жизнь похожа на матрас — она полосатая. За черной полосой следует белая, за белой — черная.

Не было счастливей меня на той свадьбе, о которой упомянул Дмитрий Георгиевич. Но вот началась семейная жизнь. Скажу прямо — нелегкая. Наташа школу рабочей молодежи заканчивает и еще по хозяйству хлопочет. Хотя маленькая, а семья. Ей помогать надо. А я днем готовлюсь к Кубку страны, а ночами сижу за учебниками: в августе поступил в Красноярский педагогический...

Чувствую, что выбился из формы. Но на Кубок ехать надо. Кроме того, на носу Спартакиада народов СССР. Это главное внутрисоюзное соревнование. От него многое зависит в моей дальнейшей судьбе.

Сборная России перед Спартакиадой собралась в Калуге. Съехался весь свет российских вольников: Юрий Шахмуратов, Загалав Абдулбеков, братья Насруллаевы, Анатолий Прокопчук, Володя Паршуков — богатырь из города с трудным названием Сыктывкар.

Со сборов — в Москву, где жара в тот год стояла просто одуряющая. Жарко было и в манеже братьев Знаменских, где проходил борцовский турнир.

В третьем поединке встречаюсь со знаменитым борцом из Грузии Шота Ломидзе.

В этой книжке я хочу рассказать о многих друзьях по сборной Союза. Конечно, не всех смогу упомянуть, иначе надо писать совсем другую книгу о сборной СССР.

Надеюсь, когда-нибудь кто-нибудь ее напишет. Но не могу не сказать о Шота. На мой взгляд, он наиболее полно отражает интернациональный характер нашей сборной. Если угодно, и ее социальный портрет.

Кроме того, Шота оставил свой индивидуальный, неповторимый след на мировом борцовском ковре. И я счастлив, что видел его выступления, боролся с ним, что мы были в одной команде.

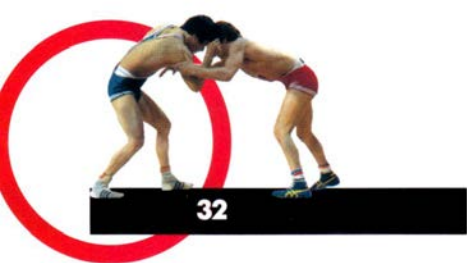
Последнюю свою медаль — медаль чемпиона страны — Шота Ломидзе выиграл, когда ему было уже 36 лет! Он был кумиром своих земляков: невозможно представить, какие волнующие проводы устроили ему тбилисцы, когда он решил протеститься с ковром.

Тринадцать лет выступал Шота за сборную Союза. Но торить дорогу в нее ему пришлось много лет. Только в год окончания сельскохозяйственного института Шота впервые выиграл золотую медаль чемпиона Союза. Шел 1964 год, и было ему 28 лет. Сейчас спортсмена в этом возрасте назвали бы ветераном и «бесперспективным». А Ломидзе в тот год только-только почувствовал в себе настоящую силу.

Четыре раза подряд доказывал Ломидзе свое преимущество на чемпионатах страны. Четвертая золотая медаль была самой весомой. Он заработал ее на Спартакиаде народов СССР в 1967 году.

Самым сильным в мире противником Шота был Ахмет Айик, о котором я уже упоминал. Первый поединок с турком закончился для Ломидзе успешно. Он завоевал звание чемпиона Европы 1966 года. Но на следующий год Айик успешно взял реванш. И на чемпионате Европы, и на чемпионате мира. Обидное поражение от того же соперника Шота потерпел и на Олимпиаде в Мехико...

Другой бы на его месте опустил руки: невезуха! И распротился бы с ковром. Но Шота и не думал сдаваться. Он жаждет до конца познать собственные возможности. Хотя товарищи по сборной постоянно удивлялись: когда Шота готовит себя к турнирам?

Ведь он влюблен в свою профессию агронома и более чем добросовестно готовится к ней.

И при этом сумел дважды стать чемпионом мира!

И вот Спартакиада 1971 года... Наш с Шота поединок. Нет, я не боялся знаменитого «полутяжа», но невольно стал осторожничать, решив провести атаку на последних секундах. Мои надежды не оправдались. Ничья. Но победу присуждают Ломидзе...

Во мне что-то надломилось. Я ведь думал, что неплохо подготавливался к этим соревнованиям... Особенно неловко было перед товарищами по сборной России. Команда у нас была удивительно дружная. На сборах мы даже постриглись все «под Котовского», чтобы походить друг на друга. На Спартакиаде болели за товарищей неистово. Во время схватки с Ломидзе я слышал, как кричали мои друзья, поддерживали меня. Но почему я так осторожничал? Довлек авторитет великого борца? Нет, мне, скорее, еще не хватало технических средств, чтобы осуществить атаку по заготовленному плану...

Впрочем, вернусь к Ломидзе. Бесстрашным был он бойцом. Умел быть «танком», все сметающим на своем пути. Умел быть тонким тактиком. Не раз получал призы за виртуозную технику.

И с ковра ушел, пожалуй, не потому, что почувствовал упадок сил. Шота на здоровье не жаловался. Просто к тому времени ему предложили должность директора консервного завода. Он принял ее. А директором, как известно, нельзя быть наполювину. Он уже не принадлежит себе, а принадлежит коллективу.

«А почему он не стал тренером? — спросит кое-кто. — Ведь спортсмен он был талантливейший».

Но разве большой спортсмен обязательно должен остаться на ковре? Особенно если чувствует в себе талант руководителя? А Ломидзе по-настоящему талантливый директор. Увлеченный своим делом. Его невозможно застать в своем кабинете. Он то пробивает и запускает в эксплуатацию новую линию, то пропадет в своем тресте, то ходит по цехам. Но Ломидзе-директор не убил в себе Ломидзе-спортсмена. Быт и разумный отдых

рабочего человека его заботят не меньше, чем увеличение выпуска продукции.

Директор Гардабанского консервного комбината и как член республиканской федерации борьбы, он делает все, чтобы этот вид спорта успешно развивался в районе.

А тренером Шота Григорьевич в известном смысле слова стал. На его примере воспитывалось не одно поколение борцов. Учился у него и я. Учился грамотно строить поединок, учился науке жаркого, бескомпромиссного боя. Учился тому, как надо относиться к поражениям. Ведь они у него были. Но истинный борец, он умеет выстоять, не махнуть рукой, не отказаться от поставленной цели. В этом я вижу истинное мужество человека, которому тоже надо учиться.

Но нет уже с нами Шота Ломидзе. Отказало сердце...

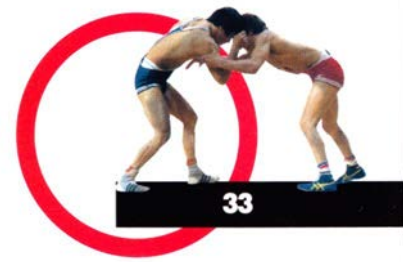
Я напоминал себе об этом мужестве и на той Спартакиаде 1971 года. Причины для этого были веские.

Проиграв Ломидзе, я продолжал выступать, но уже в группе «Б». И, как нарочно, там меня, порядком растрепавшегося, поджидал не кто иной, как Владимир Гулюткин, жаждавший реванша после Махачкалы. Я чувствовал в себе кипение сил и одновременно понимал, что реализовать их не смогу. Невольно думал о пропущенных зимой тренировках. И не мог себе простить этих пропусков, хотя и искал оправдания в том, что закрутили семейные заботы.

Усугубило мое и без того тяжелое состояние то, что в черную полосу вошел не один я. Ребята из команды буквально валились на ковре. Тренеры хватались за голову: что случилось — перетренировались или недотренировались? Даже блестящий Юрий Шахмурадов уступил молодому Левану Тедиашвили. Победил лишь один Загалав Абдулбеков.

Я отдал схватке все силы, но проиграл Гулюткину два балла. Позиционная борьба вымотала меня, и я пропустил его проходы в ноги.

Четвертое место... И российская сборная тоже на четвертом. Вот такое веселенькое совпадение...

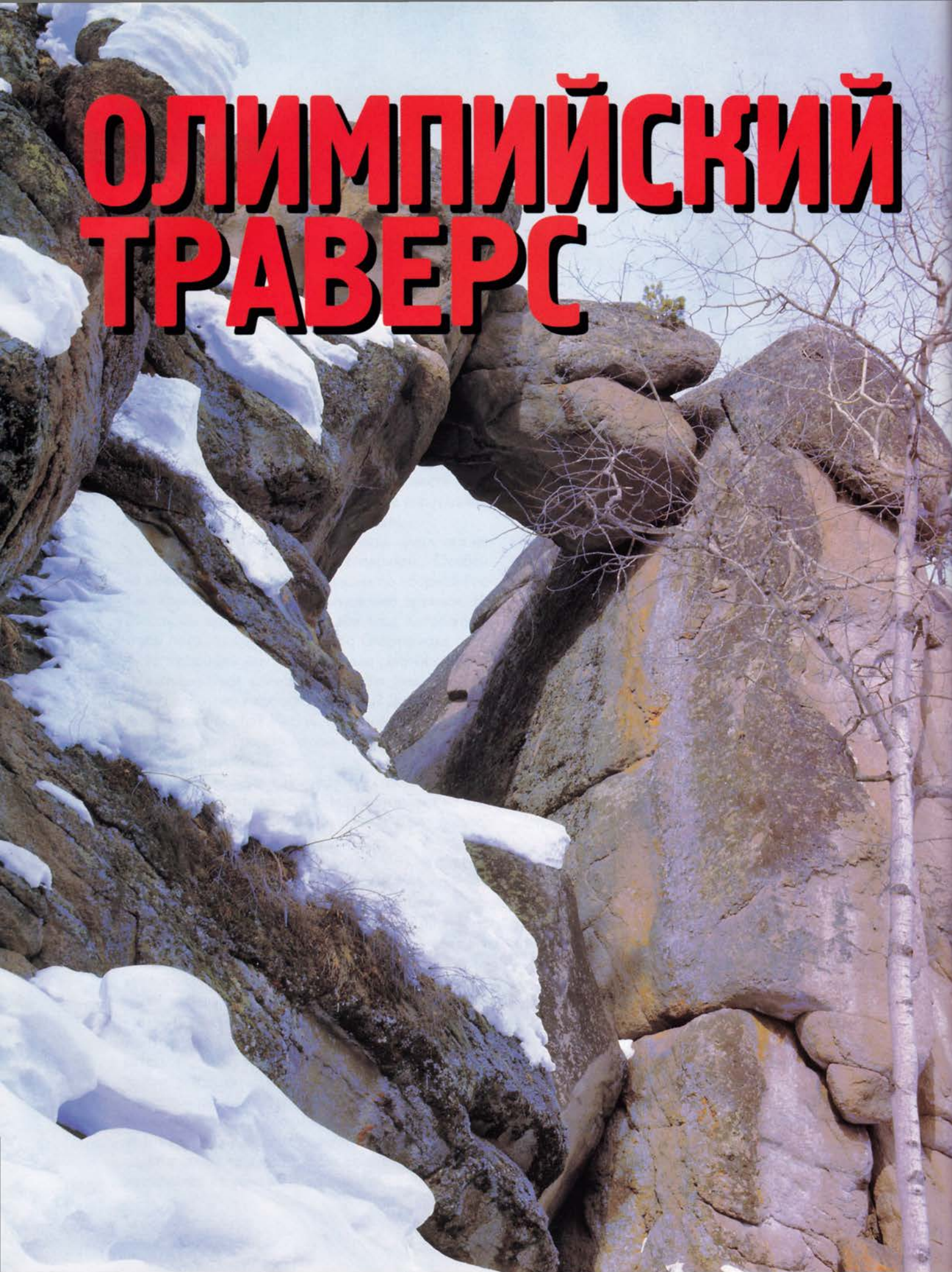

...Я смотрел на стоящих на пьедестале победителей Спартакиады в моем полутяжелом весе — Ломидзе, Гулюткин и Семен Лисафин из Минска. (У него, кстати, я выиграл. Но в то время правила были такие запутанные, что в силу каких-то «плюсов» Семен оказался на третьем месте).

Я смотрел и думал: сумею ли когда-нибудь стать таким же мудрым, как Шота, таким же волевым, как Загалав? Смогу ли доказать, что сильнее всех, техничнее, тактически грамотней? Словом, попаду ли когда-нибудь на Олимпиаду?

ОЛИМПИЙСКИЙ ТРАВЕРС

Нокаут? Нет, нокдаун

Вспоминая свои выступления на ковре, я вынужден констатировать, что поражений у меня было больше, чем побед. А значит, и скверных дней было более чем достаточно. Никуда не денешься — проигрыши больно бьют по самолюбию. Сидишь опустошенный в раздевалке и не сразу можешь понять, как случилось, что ты проиграл. Ведь готовился, увеличивал нагрузки, проливал ведра пота, а вот победить не смог.

Немало борцов, которые каждую неудачу на ковре воспринимают как жизненную катастрофу. Им требуется немало времени, чтобы взамен отчаянию пришла хорошая спортивная злость. Тяжелый кризис после Спартакиады пережил и я. Все вспоминалось, как еще совсем недавно меня представляли публике на соревнованиях: чемпион страны, серебряный призер европейского первенства. После таких представлений люди аплодировали, а соперники здоровались уважительно. И вот на тебе — четвертое место.

Словом, в Красноярск я возвращался сам не свой. Возвращался, выслушав немало горьких слов от руководителей российского спорта. Я не оправдывался. Ведь я и впрямь подвел их... В такие дни приходят мысли о своей бесперспективности, о том, что у тебя просто нет таланта... Теперь уж на чемпионат мира меня точно не возьмут. А олимпийские шансы мои вообще сомнительны. Кому нужен ненадежный борец в команде?

В Красноярске по приезде сторонюсь знакомых, боюсь расспросов, утешений. Чувствую апатию, даже страх перед тренировками. Не получаются на них даже давно отработанные броски.

А может, просто устал? Слишком «наелся» ковром перед Спартакиадой. Может, следует просто отдохнуть, попытаться восстановить душевное равновесие? Ну что ж, попробуем!..

И махнул в Сизую.

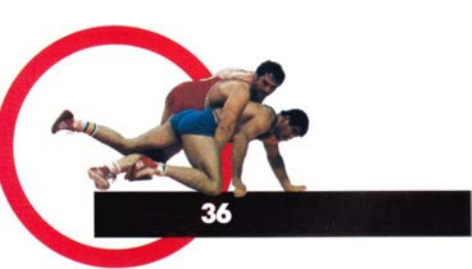
Собрали с отцом провиант. Взяли наши старенькие ружья и на рассвете ушли в тайгу. Правильно говорят: кто хоть раз на охоте побывал, тот уже ни на какие черноморские курорты не поедет.

Всего неделю спустя почувствовал — хочу тренироваться. Надыхался таежным воздухом, отдохнул морально и, когда вернулся в Красноярск, с удовольствием пошел в зал. Не думал даже, что за каких-то семь дней соскучусь по нему.

Закончились занятия. Дмитрий Георгиевич просит меня остаться для разговора. Запомнил я ту нашу беседу «на всю оставшуюся жизнь». Мой тренер не просто меня ободрял после поражения, не просто доказывал, что я чуть ли не единственная надежда сибиряков. Он, что называется, все «разложил по полочкам». Спартакиадой жизнь не кончается, говорил мой дорогой учитель. Впереди важнейшие международные турниры. Ближайший в Иране, в честь самого шаха. Там соберутся сильнейшие пехлеваны мира. Потом Болгария. И наконец, самый важный — тбилисский, который по традиции открывает победителю путь на чемпионат Европы. Вот сколько у меня шансов реабилитировать себя, доказать, что я достоин стать членом олимпийской сборной.

От его слов — а убеждать и психологически разогревать своих учеников Дмитрий Георгиевич всегда умел — от этих его слов я почувствовал новую уверенность в своих силах. И моя жизнь вошла в обычную колею. Ежедневные тренировки стали в ней главным делом. Я ощущал, что мои мускулы наливаются какой-то особой, еще не знакомой мне силой, чувствовал, что могу любого скрутить в тугую жгут.

Оказалось, что Спартакиада, такая неудачная, все-таки не повергла меня в нокаут. Это был нокдаун, который многому меня научил.

Перед Мюнхеном

Есть такое выражение: «кровь из носа». Оно равнозначно словам «чего бы то ни стоило», «любой ценой». Эти слова могли бы стать эпиграфом к моей жизни после Спартакиады. Но имели они и прямое значение. В один из решающих моментов моей спортивной судьбы кровь из носа и впрямь пошла... у моего дорогого тренера. Чуть позже я расскажу, как это случилось. А пока о тех международных турнирах, о которых говорил Миндиашвили.

Осенью 1971 года я поехал на турнир в Иран. По просьбе тренеров нашей сборной я выступал на нем не в своем полутяжелом весе. Я тогда еще не знал, что это обстоятельство сыграет впоследствии очень важную роль. Отборолся я хорошо: победил всех своих соперников. Радовался не только золотой медали, но и тому, что начал выполнять программу-минимум, которую мы с моим тренером задумали после Спартакиады. Правда, на том «шахском» турнире не было ни Гулуткина, ни Ломидзе. Впоследствии и это сработало на меня.

Зимой 1972 года несколько атлетов из нашей сборной приняли участие в международном турнире в Болгарии. Я и там выступил весьма прилично, опробовав наши с Миндиашвили домашние заготовки. Более всего мой тренер был доволен тем, что почти все победы я одержал досрочно...

Две победы (в Иране и Болгарии) вновь привлекли внимание остывших ко мне после Спартакиады красноярских журналистов. В газетах стали появляться интервью со мной. Однажды и Красноярское ТВ пригласило нас с тренером рассказать о соревнованиях в Болгарии. Сидеть в прямом эфире перед камерой — дело нелегкое, а для меня, тогдашнего еще, и совершенно непривычное. Я робел, чувствовал себя скованно. А Миндиашвили был как рыба в воде, ему уже было не привыкать, однако его монолог обо мне, в котором было много лестных слов, здорово меня смущал. Но Дмитрий Георгиевич нас-

только увлекся своим красочным рассказом, что, спеша поярче описать мои «подвиги», начал путать моих соперников. Мне это почему-то показалось жутко смешным. Еще секунда — и я разражусь таким смехом, который уже не остановить. Я сжал зубы и, должно быть, покраснел, как рак в кипятке. Миндиашвили вдруг посмотрел на меня и тоже стал расплываться в улыбке. Я почувствовал, что сейчас грянет его громоподобный смех. К счастью, комментатор мгновенно оценил ситуацию и в течение секунды закруглил беседу. Камеры отключились, и мы смогли дать волю чувствам, разразившись гомерическим смехом.

Я и сейчас, вспоминая болгарский турнир, невольно начинаю улыбаться: перед глазами встает то телевизионное интервью.

Впрочем, главное для нас испытание было впереди. Называлось оно Тбилисский международный. Здесь мне предстояло впервые после Спартакиады встретиться со своим главным соперником — Владимиром Гулуткиным. Предполагалось, что бороться придется еще и с Шота Ломидзе. Но тот заболел и на турнире отсутствовал, что, впрочем, не исключало его кандидатуры в сборную на чемпионат Европы. Ведь в 1971 году Шота стал чемпионом мира.

В Тбилиси я одержал победу над Гулуткиным. Но двери чемпионата Европы эта победа автоматически не открывала. Все понимали, что «Европа» — своеобразный пролог к Олимпиаде-72. И попасть на эту Олимпиаду мечтает не только Владимир, но и его тренер Арам Васильевич Ялтырян, один из самых непререкаемых авторитетов в вольной борьбе. А тот понимает, что моя возможная победа на европейском турнире резко снизит шансы его ученика.

Но я что мог уже сделать. Никто не оспаривает моей победы в Тбилиси. Дальнейшее зависит от тренерского совета, от дипломатичности и мудрости моего Миндиашвили.

- **Легенды борьбы —
Александр Медведь
и Иван Ярыгин**

Надежда на то, что ему не занимать ни того, ни другого.

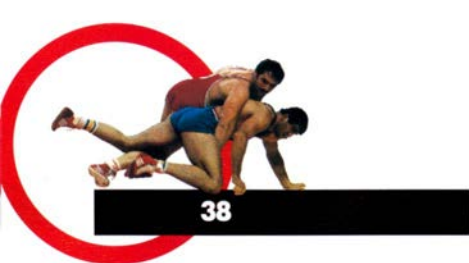
И на тренерском совете он отдает должное Гулюткину и Ломидзе. Но подчеркивает, что они — спортсмены проверенные, а вот Ярыгин, то есть я, хоть и талантлив, но в официальных международных встречах еще не обстрелян. И сие необходимо наверстать. Для блага всей сборной. Ведь в случае какой-либо беды с нашим великим Александром Медведем именно он, Ярыгин, может быстро перейти в тяжелую весовую категорию, заполнить образовавшуюся брешь. И заполнить весьма успешно. Ведь в Иране, напомнил Дмитрий Георгиевич, он, Ярыгин, стал победителем именно в этой категории. И наконец, говорил мой учитель, нельзя не учитывать и того

обстоятельства, что Ярыгин на десять лет моложе Гулюткина, а Ломидзе и того больше. Это значит, что тренерский совет должен сейчас задуматься о резерве.

Похоже, мысль о резерве пришла по душе главному тренеру сборной Болеславу Михайловичу Рыбалко. Но чтобы как-то смягчить ситуацию, тренерский совет назначил еще одну дополнительную схватку между мной и Гулюткиным. Я снова выиграл. Теперь общественное мнение было целиком на моей стороне.

В апреле наша команда отправилась в Польшу. Прилетели в Варшаву и сразу же из аэропорта на специальном автобусе поехали в город горняков Катовице, где и должен был проходить чемпионат Европы.

Капитаном команды избрали Александра Медведя. Последнее время он выступал мало. У него стало пошаливать сердце, и Сашу берегли, что давало повод зарубежной печати писать, что Медведь вряд ли дотянет до Мюнхена. Писали также, что если он даже выступит в Катовице, то непременно проиграет болгарину Осману Дуралиеву. А Медведь, как всегда, подшучивал над ребятами. Но вот капитан рассказывает какую-то байку, смеется и вдруг замолкает, задумавшись о чем-то своем. Неужели даже он в себе сомневается, этот уникальный атлет?

Ребята в команде собрались прекрасные. Еще во время сборов я подружился с махачкалинцем Арсеном Алахвердиевым, скромнягой-студентом строительного техникума. Понравился мне говорливый подвижный киевлянин Ваня Кулешов. Я откровенно старался сблизиться с Геннадием Страховым и Васей Казаховым. Эти ребята мыслили нестандартно, обладали житейской и всякой другой сметкой, с ними было интересно.

Никогда не предполагал, что в Польше, где европейский чемпионат проводился впервые, так любят вольную борьбу. Во время схваток Дворец спорта гудел, как разбуженный улей. Переполненный зрителями, он порой просто бесновался. Но надо отдать должное полякам — они болели вполне объективно, неплохо разбираясь в тонкостях разных приемов.

Разумеется, у них был и свой любимец — 22-летний Павел Курчевский, лидер в категории 90 килограммов. Красивый парень, прямо-таки киноартист. Впрочем, тепло встречали и наших борцов. И стартовали мы хорошо. Было приятно, что за нас болеют, аплодируют каждому удачному броску.

Волновался ли я в этот раз? Пожалуй, нет. Сразу почему-то пришла уверенность, что привезу домой золотую медаль. И даже участие в чемпионате таких известных мастеров, как болгарин Тодоров, турок Йилдрим, не лишало меня уверенности. Перед первой своей встречей заметно оживился и Медведь. Узнав, что соперником будет Вирделак из ГДР, Саша улыбнулся: «Что за новичок такой?» — и спокойно ушел в раздевалку. Начался поединок, и через пять минут не

мец был уже на лопатках. Уходя с ковра, Медведь мне подмигнул: теперь, дескать, твоя очередь.

«Вот так надо брать себя в руки», — подумал я, глядя на нашего капитана. Швейцарец Ютцеллер оказался рыхловатым, но цепким борцом. Я подошел к нему, подергал в разные стороны и сразу же подсек... И тут же бросил на ковер. «Туше!» А на табло замерла цифра 45 секунд. Хотелось улыбаться во весь рот. Но сдержал себя. Ребята бы не поняли. Ведь все видели, что швейцарец слабей меня.

Чемпионат шел своим чередом, по заведенному порядку. А вот погода менялась каждый день: то ливень, то сушь, то жара, то холод. Однажды даже Дед Мороз проснулся и спросонья, должно быть, вывалил на город мешок снега. Улицы покрылись белым пухом. Это в апреле-то...

К счастью, с нашей командой никаких неожиданностей не случилось. Хотя чем ближе к финалу, тем жарче разгорались страсти — и на трибунах, и на коврах. Советская сборная выступала уверенно, выбыло лишь два борца. А в день финала она заслуженно принимала поздравления от коллег — «классиков», приехавших в Катовице на чемпионат Европы по греко-римской борьбе. Нас было с чем поздравлять: семь золотых, одна серебряная — вот наш улов.

Болеслав Михайлович Рыбалко, главный тренер нашей сборной, радовался, как ребенок. Целовал нас, тормозил. Ребята, конечно же, радовались не меньше. И без того говорливый Ваня Кулешов давал интервью всем, кто подойдет, готов был рассказать любому: «Представляете, на разных турнирах я трижды проигрывал болгарину Савову, а здесь взял и победил его. А ведь он жутко верткий парень, этот Савов... Только и я не лыком шит, я весь наш поединок еще раньше в голове прокрутил. С учетом его особенностей, так сказать. Ох, и рычали же мы друг на друга, когда в клубке по коврам катались! А все кончилось — и никакой злости, обнялись, поцеловались, как братья...»

Даже Медведь в тот день разоткровенничался: «По правде говоря, боялся я одного Дуралиева. Он моложе, и потом в прошлом году на чемпионате мира хотя «золото» и присудили мне, схватка прошла вничью.

• **Я не Сабонис, но похож?**

И я видел — воспрял духом Осман, решил, что можно и выиграть у меня. И сейчас он этого очень хотел, чтобы поверить в себя. Да и тренеры ему нашептали, что Медведь выходя. А я пошел на него в открытую атаку. Он сразу же и опешил, не ожидал такой прыти и скис. Теперь на Олимпиаде Дуралиев будет меня бояться. А это очень важно, чтоб тебя боялись...»

Тишайший, скромнейший Руслан Плиев то и дело разглядывал свою медаль. Золотую! Ему было уже тридцать, работал завучем в спортивной школе в Орджоникидзе. Отец семейства... Руслана ни разу до этого не включали в сборную. Но он неожиданно хорошо проявил себя на Тбилисском международном турнире. И вот Катовице. Его успеху особенно радовался руководитель нашей делегации Аркадий Николаевич Ленц, начальник Управления единоборств Спорткомитета СССР. Он был прекрасным тренером, до этого великолепным борцом. Защитил кандидатскую. Мы его уважали за доброту, сердечность. Справедливый был человек. Увы, был. Аркадий Николаевич трагически погиб в автомобильной катастрофе в 1974 году.

На обратном пути в Москву, в самолете, Рыбалко много шутил, уверял нас, что в Мюнхене, на Олимпийских играх, мы выступим так же.

А Ваня Кулешов, раздобыв у стюардессы свежий номер «Советского спорта», зачитал нам заметку о том, как готовится к Олимпиаде американский тяжеловес Крис Тэйлор. Ваня при этом изо всех сил надувал щеки, изображая Криса. Но все равно похожим на него не стал. Тэйлор весил 180 килограммов при росте 195 сантиметров. Его считали главным соперником нашего Медведя. Из заметки мы узнали некоторые важные подробности. Наш «увалень» пробегал стометровку за 14 секунд, 25 раз подтягивался на перекладине, выталкивал ногами 340 килограммов. У Криса на счету было 184 победы, две ничьи и всего тринадцать поражений. «Но я поменял бы все эти победы на одну — олимпийскую над Александром Медведем», — заявил Тэйлор.

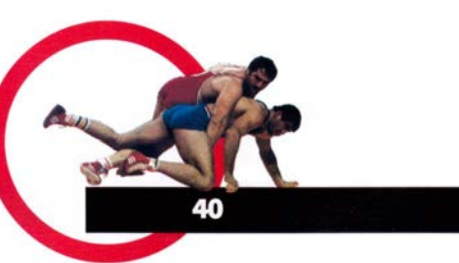
Мы ждали, что скажет Саша. И он сказал: «Так я же у него трижды выигрывал. Чего он хочет, этот малыш?» Салон грохнул хохотом.

Вместе со всеми смеялся и я. Смеялся и думал, попаду ли я на Олимпиаду? Я понимал, что Катовице — лишь первый шаг по дороге в Мюнхен. Впереди был Минск, чемпионат СССР.

...Снова тянулись бесконечные тренировки. Хочешь побеждать — умей трудиться. Трудись ты, трудится твой тренер. Притом тренер на два фронта. С тобой и на тех тренерских советах, где решается судьба его ученика. Второе не легче.

На сборах в Кисловодске, в завершение которых тренерский совет должен был решить, кому лететь на чемпионат Европы, мой дорогой Дмитрий Георгиевич пришел на этот совет после тренировки с полотенцем в руке. К концу трехчасового разговора оно, это полотенце, было красным от крови, которая неудержимо текла из его носа. Ничего подобного с ним прежде не случилось. То было следствием нервного напряжения, которым сопровождалось подобные совещания.

Несмотря на слова Рыбалко, что все мы поедем в Мюнхен, мне было ясно, что решающее значение будет иметь этот июньский чемпионат в Минске.

В Минск приехали 195 атлетов. Захватывающий получился чемпионат. Жаль, что его схватки были не засняты и нынешние молодые борцы не могут увидеть и оценить своих предшественников. Это была Борьба с большой буквы. Жаркая, бескомпромиссная. Никто не утаивал, не сохранял на следующий раз своих козырей. Слишком высока была цена победы — путевка на Олимпиаду.

Тогда одного Медведя освободили от чемпионата, решили дать ему отдохнуть, тем более что другого борца в тяжелом весе, сравнимого с Сашей, никто не знал.

Правда, уже второй раз на взрослом ковре выступал юный Сослан Андиев из Орджоникидзе. У двухметрового «баскетболиста» с застенчивой улыбкой на первый взгляд ничего не было богатырского. Но мы не могли понять, когда же этому юноше успели поставить такую великолепную технику?

К финалу в нашем полутяжелом весе Гулюткин и я продвигались одинаково уверенно. Позади остались и Николай Муханов, и Петр Фиясь, и Алексей Атаманов, и Роман Мосешвили. Но в решающей встрече я рискнул и потерял балл. Победа была присуждена Гулюткину.

Можно представить себе, сколько загадок задал этот факт тренерскому совету!

Сейчас, когда вышли в свет воспоминания моего тренера Дмитрия Георгиевича Миндиашвили, я и сам узнал некоторые подробности этого «Совета в Стайках», олимпийской базе под Минском.

Вот что пишет Дмитрий Георгиевич:

«...Члены тренерского совета, как это обычно бывало, выступили уже по разу, когда Аркадий Николаевич Ленц вдруг предложил:

— Давайте, товарищи, сделаем так: каждый напишет, сколько процентов на победу у Ярыгина и сколько у Гулюткина. И поставит подпись под своим прогнозом...

В сущности, Ленц воззвал к сугубо профессиональному и ответственному подходу к проблеме. Подпись под этой «арифметикой» рано или поздно должна была показать, насколько ее

владелец состоятелен как специалист.

И здесь-то тренерам пришлось отбросить все преходящее, личное, не имеющее прямого отношения к обсуждаемому вопросу. А результаты сказали сами за себя: Гулюткину давалось 96-98 процентов, Ярыгину — 98-99.

— О чем же мы спорим? — спросил Ленц. — Ведь если шансы человека даже на полпроцента выше, именно он и должен быть в сборной...»

(Думаю, что в тренерской арифметике главную роль сыграло то обстоятельство, что Владимир пропустил целый ряд международных стартов, а в тех, где принимал участие, проигрывал именно тем своим соперникам, с которыми должен был встретиться на Олимпиаде.)

«Хочу подчеркнуть, — пишет далее Дмитрий Георгиевич, — особую заслугу главного тренера сборной Болеслава Михайловича Рыбалко. Это его мнение убедило многих членов тренерского совета отдать предпочтение Ярыгину. Весьма существенную роль сыграла и поддержка великого борца Александра Медведя».

Однако, несмотря на то что «Совет в Стайках» сказал свое слово, сторонники Гулюткина не успокоились. В Спорткомитет СССР поступило письмо-протест из Киева, подписанное 64-мя известными украинскими спортсменами. Сам Первый секретарь ЦК КПУ товарищ Щербицкий позвонил Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Брежневу. В результате Рыбалко, Ленц и Миндиашвили были приглашены к председателю Спорткомитета товарищу Павлову.

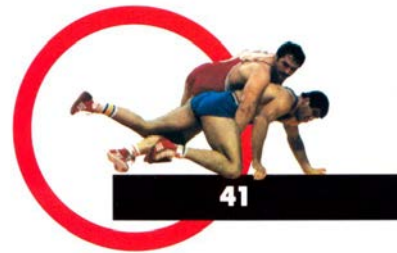
— Вы ручаетесь, — спросил приглашенных товарищ Павлов, — вы ручаетесь, что Ярыгин завоюет золотую медаль?

Удивленные такой постановкой вопроса, его собеседники благоразумно промолчали.

— Значит, ручаетесь, — истолковал это молчание Павлов. — Тогда пишите заявление о том, что, если Ярыгин проиграет, вы будете считать себя уволенными...

Кто мог головой поручиться, что я завоюю эту медаль? Ведь спорт есть спорт. Он тем и прекрасен, что полон неожиданностей. Но что было делать? Рыбалко, Ленц и Миндиашвили пишут требуемое заявление и подписываются...

Как бы там ни было, в начале августа 1972 года Болеслав

Рыбалко смог сделать свое предолимпийское заявление в прессе. В нем он давал оценку того, как подготовились к Олимпиаде борцы Японии, Ирана, Болгарии. Особенно выделил американскую сборную, которую назвал самой сильной за все времена. Подчеркнул, что Дэн Гейбл, братья Джон и Бен Петерсоны, Крис Тэйлор, Уэйн Уэллс, Лари Кристофф способны оказать серьезную конкуренцию нашим борцам.

В этой же статье Рыбалко назвал членов нашей сборной. Он писал: «Тренерскому совету было нелегко сделать выбор.

Чемпионат Европы открыл Алахвердиева и Кулешова, Плиева и Василя Сюльжина. С полным правом в Мюнхен могли поехать Шахмурадов и Гулюткин. Но было отдано предпочтение — после громких, многодневных споров — Левану Тедиашвили и Ивану Ярыгину. Они оказались лучше, на ковре действуют острее, быстрее. В условиях жесткого судейства это может сыграть свою положительную роль. В поединках на Олимпиаде не должно быть осторожности, выжидательной тактики. Только натиск должен принести успех».

Мюнхенский неофициальный

Что должен чувствовать дебютант Олимпийских игр? Наверное, страх, безумное волнение. А я, прилетев в Мюнхен и прислушиваясь к себе, вдруг обнаруживаю, что сильной дрожи не испытываю. Пожалуй, на чемпионате Европы волновался больше.

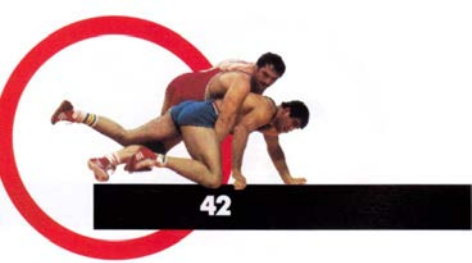
Сама же Олимпиада запомнилась мне лишь отдельными эпизодами, вспыхивающими в моей памяти как яркие, сочные слайды на белом экране. Ошибаются те, кто думает, что во время Олимпийских игр спортсмены только соревнуются, а по вечерам беззаботно танцуют. Увы, основное время по-прежнему занято тренировками, пусть не такими интенсивными, как дома, «всего» два раза в день. Вставали мы по-европейски рано — в 6 утра. Ложились поздно. Поэтому постоянно хотелось спать. И все-таки мы находили окошко, чтобы вырваться из Олимпийской деревни, побродить по Мюнхену.

Старинный город необыкновенно красив, но более всего нас поражали олимпийские объекты. От их необычных форм веяло чем-то космическим...

А вот церемония открытия Игр запомнилась страшной усталостью. Она проходила долго. Было нелегко стоять под палящим солнцем. Зато радостно было видеть во главе всей советской делегации представителя «вольников» — Александра Медведя. На вытянутой руке Саша нес наш алый флаг. Знаменосец смотрелся как символ всей сборной страны. Подумалось: значит, никто не сомневается в победе этого великого борца.

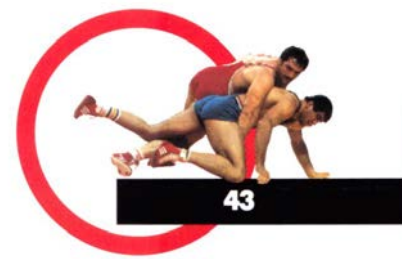
По вечерам из штаба делегации приносили письма и телеграммы. В каждом послании пожелание, а то и требование — «золота!» Особенно много телеграмм было из моей родной Сибири. Когда же борцовский турнир закончился, почту в наш адрес стали приносить мешками. Кто-то из журналистов подсчитал, что больше всего посланий с родины получил Иван Ярыгин — 117 писем и телеграмм. Я знал, что в Сибири борьбу любят, но такого не ждал.

Условия для выступления борцов были созданы просто отличные. Спорткомплекс, в котором проходил турнир, —

- Мюнхен. Первая олимпийская. Золотая!

- **Встреча в Красноярске.**
Ступень к славе

просторный, светлый. На арене — четыре желтых ковра, словно яичница-глазунья на голубой сковородке. Удобные для зрителей огромные электронные табло.

А в самом зале, бдительно охраняемом полицейскими, непрерывный шум и свист. И только полицейские стоят с каменными лицами, на которых ничего не прочтешь. Каждый смотрит в заданный сектор, не поворачиваясь в сторону ковров даже тогда, когда выступают свои, немцы.

Этих полицейских нельзя ни улестить, ни подкупить сувенирами. И Дмитрий Георгиевич, приехавший на Олимпиаду в качестве туриста, вынужден идти на обман: то чужой пропуск нацепит, то облачится в костюм сборной. Чтобы быть рядом со мной. Мой тренер — великий мастер завести ученика перед схваткой. Но здесь меня заводили и зрители. Буря страстей на трибунах говорила о том, что борьба их захватывает. А это для спортсмена лучший из возможных «допингов».

Повторюсь: особого волнения я не испытывал, был уверен в себе. Даже мысли не возникало, что могу кому-то проиграть. И первый поединок со швейцарцем Ютцеллером длился всего двадцать две секунды. Затем за две минуты положил на лопатки Бахмана из ГДР. Канадца Джонсона бросил на «туше» на первой минуте. Но чистую победу почему-то не засчитали. Через несколько секунд я свою «ошибку» исправил. Засчитали-таки «туше». Иранец Анвари сопротивлялся две минуты. Но после моей подсечки упал как сноп.

Пришлось постоянно делать над собой усилия, чтобы не расслабиться. Но мысль о том, что золотая медаль уже у меня в кармане, все равно лезла в голову. «Не думать об этом!» — приказывал я себе. Старался больше времени проводить в зале, во всю глотку поддерживал ребят. Благо выступали они превосходно, особенно Дмитриев, Абдулбеков, Тедиашвили.

В олимпийские дни должен был пройти конгресс Международной любительской федерации борьбы, которой исполнилось шестьдесят лет.

Нам, борцам, далеко не безразлично, кто возглавит нашу ФИЛА, какую политику будет проводить новый президент. И вот узнаем: конгресс состоялся, президентом избран югослав Милан Эрцеган. В своей «тронной речи»

он обещал сделать все возможное для популяризации борьбы в мире. Отличная весть!

А мне остается провести три поединка. Стараюсь не изменить своей линии. Всех соперников: монгола Баянмунха, венгра Чатари, болгарина Тодорова — кладу досрочно. Победа! Олимпийская, такая желанная!

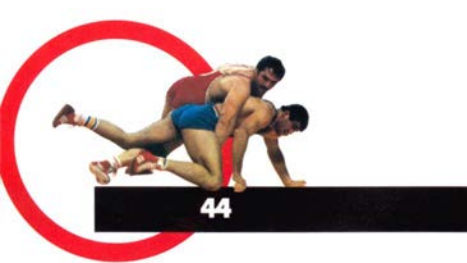
Конечно, со стороны она далась мне легко. Но в этой легкости, в моих стремительных атаках — пот и боль, годы тренировок. Мысль, настойчивость, изобретательность и вера в меня моего Миндиашвили.

(Кстати, он после последнего моего поединка истратил едва ли не все свои валютные наградные деньги: пошел по барам и угощал пивом и шнапсом всех присутствующих. Грузин!..)

Должен здесь упомянуть и о том, что в Мюнхене мне удалось установить неофициальный рекорд в борьбе: на семь схваток я из положенных 63 минут затратил всего 12. До меня ни одному атлету-олимпийцу не удавалось сделать подобное. Миндиашвили считает, что и не удастся...

Там, в Мюнхене, советские спортсмены завоевали 50 золотых медалей. Москва соответственно встречала нас: цветами в аэропорту, приемами, правительственными наградами... вдыхал осенний воздух столицы, но мыслями был уже дома — в Красноярске, в семье...

Великий Медведь

Главным героем той Мюнхенской Олимпиады стал Александр Медведь.

Как и предполагалось, в финале он встретился с Османом Дуралиевым. Болгарин тоже решил оставить ковер и тоже хотел сделать это красиво. Но красиво ушел Саша.

Осман при этом бился, как лев. Он пытался подмять Медведя, перевести его в партер. Обычно медлительный, болгарин преобразился. Глаза его пылали, движения стали быстрыми, он даже «швунговал», дергая туловище соперника в разные стороны, пытаясь расшатать его оборону и найти удобный для атаки момент.

Поистине на высшей точке вдохновения и решимости действовал Дуралиев. Но так же действовал и Медведь, для которого это было обычным стилем ведения поединка. Как ни старался Дуралиев, Саша все время опережал его на какую-то долю секунды. Едва болгарин начинает комбинацию с захватом руки и переводом в партер, как Саша отвечает молниеносной контратакой, проводит трехходовую комбинацию, и Осман проигрывает балл.

Немногие при этом знали, что Медведь не в лучшей своей форме, что он уже давно чувствует недомогание и держится из последних сил. Но великий борец никогда и никому не показывал своей усталости...

И вот, наконец, сирена. Она застигла Медведя в атаке. Саша вскидывает руки, потом встает на колени и целует ковер. Судья сводит борцов на середину, поднимает руку советского атлета. Медведь плачет, не стесняясь слез. Он обнимает Дуралиева, судью. Счастливый и растерянный, приветствует зрителей, кланяется, прикладывая руки к сердцу.

Он прощается с борьбой.

Десятки фото- и кинокамер нацелены объективами на советского спортсмена. Третья золотая олимпийская медаль!

стоя на пьедестале, Медведь разглядывает ее, целует. Теперь лицо его светится покоем и счастьем.

А я вспоминаю, как досталась ему его предыдущая медаль. Тогда в 1968 году в знойном Мехико Александр Медведь, которому все знатоки вольной борьбы заранее отдавали «золото», узнал, что есть соперник, с которым трудно бороться даже ему, четырехкратному чемпиону мира, победителю Токийской Олимпиады. Этот соперник — высота.

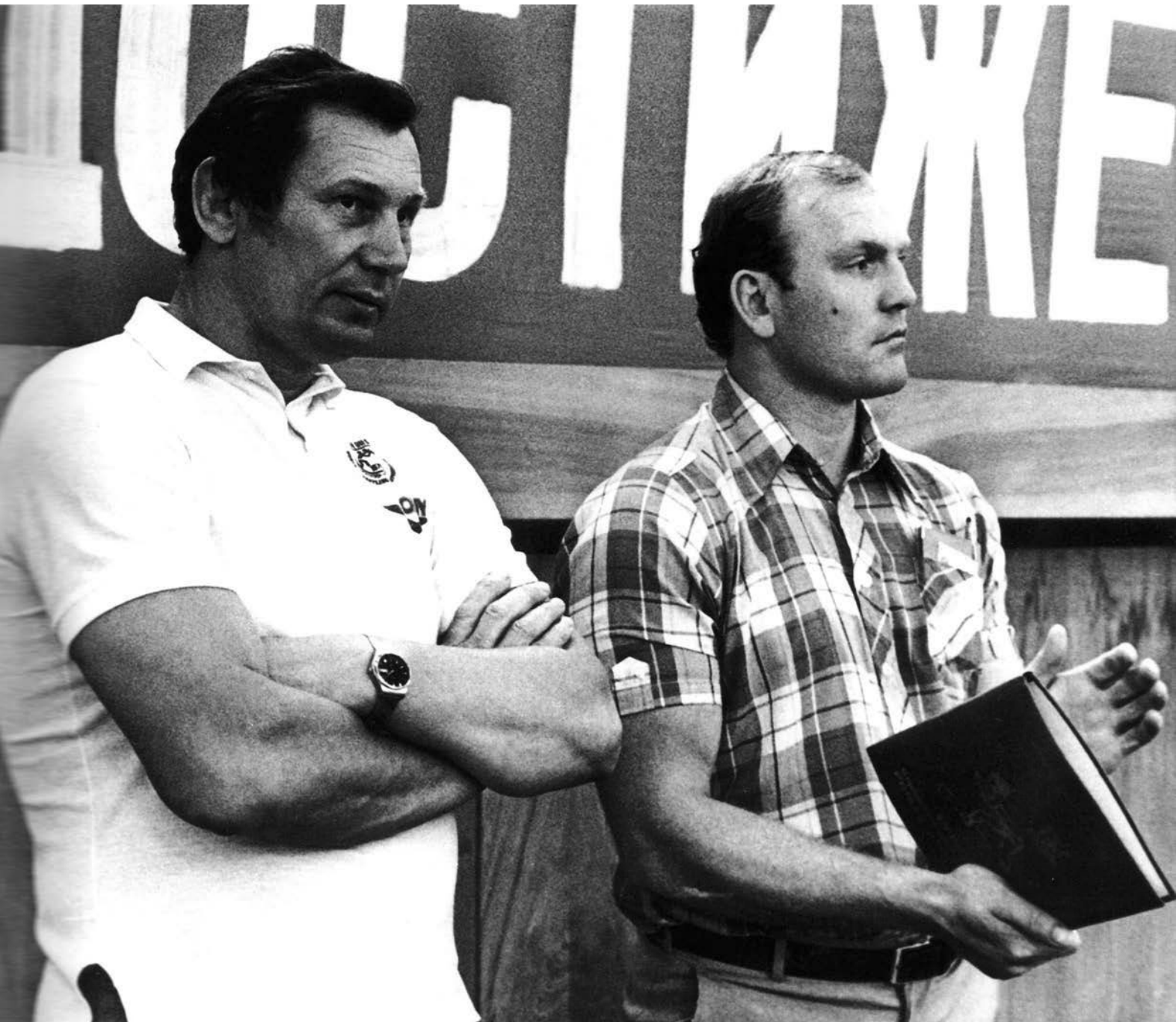
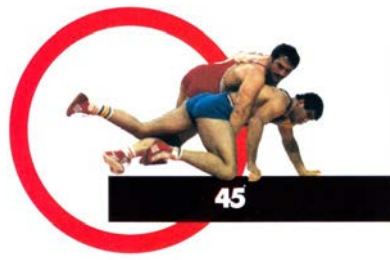
Мехико находится на высоте более двух тысяч метров над уровнем моря. Каждый, кто приезжает в этот город, испытывает кислородное голодание. Оно усиливается во много раз, когда человек выполняет большие физические нагрузки.

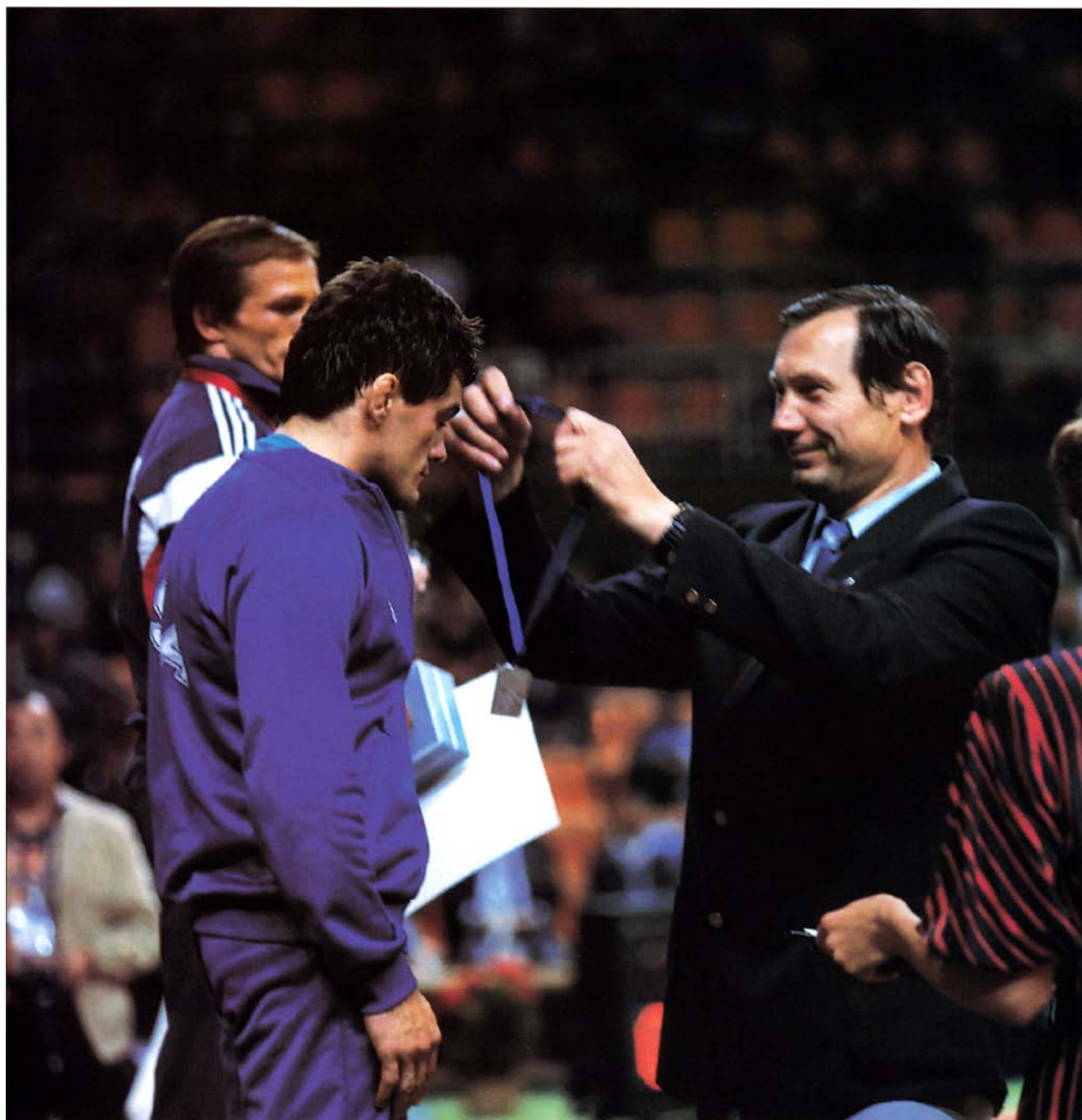
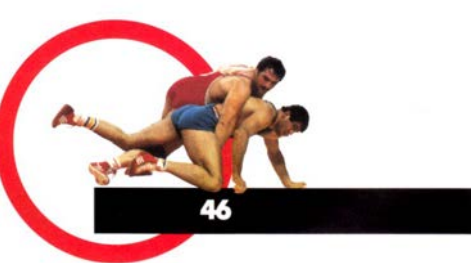
Когда Медведь закончил свою первую встречу в Мехико, он чуть не упал в изнеможении прямо на ковер. Конечно, всем атлетам было нелегко в высокогорном Мехико, но Медведь переносил высоту особенно тяжело. Поднялось давление. После той первой схватки понадобилось вмешательство врача. Врач заговорил о предынфарктном состоянии. Но Медведь заявил, что лучше умрет на ковре, чем откажется от дальнейших поединков.

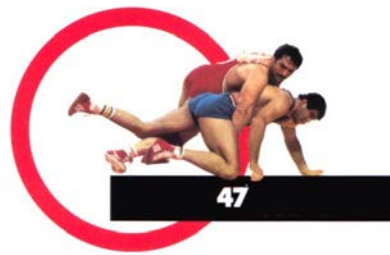
К последнему дню турнира его было не узнать: худой, с запавшими глазами. А соперник сам Вильфрид Дитрих — немец из ФРГ, чьи громких титулов не перечислить.

Медведь понимал, что этого старого волка никакими тактическими хитростями не проведешь. Нужно доказать свое превосходство умением и силой и сделать это так убедительно, чтобы ни у кого никаких сомнений не возникло. Первый период прошел в равной борьбе. Во втором Медведь усилил натиск.

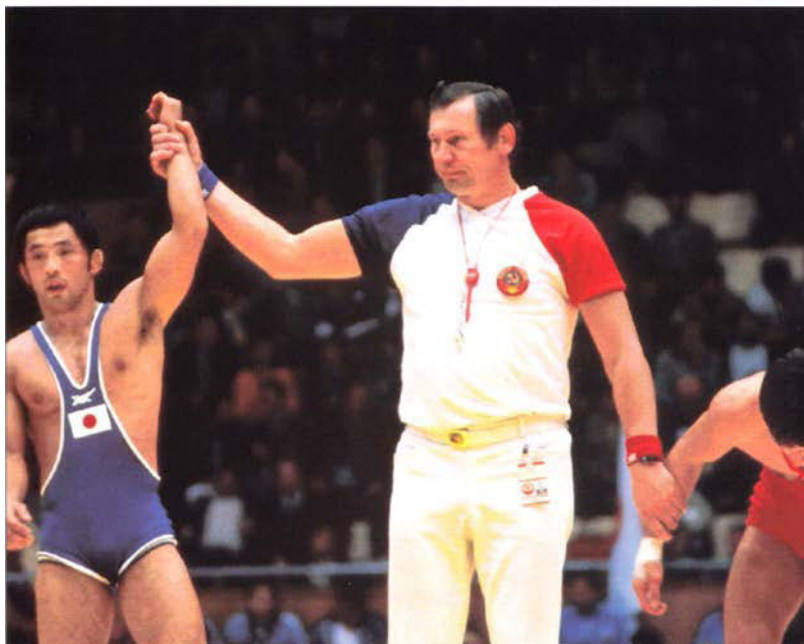
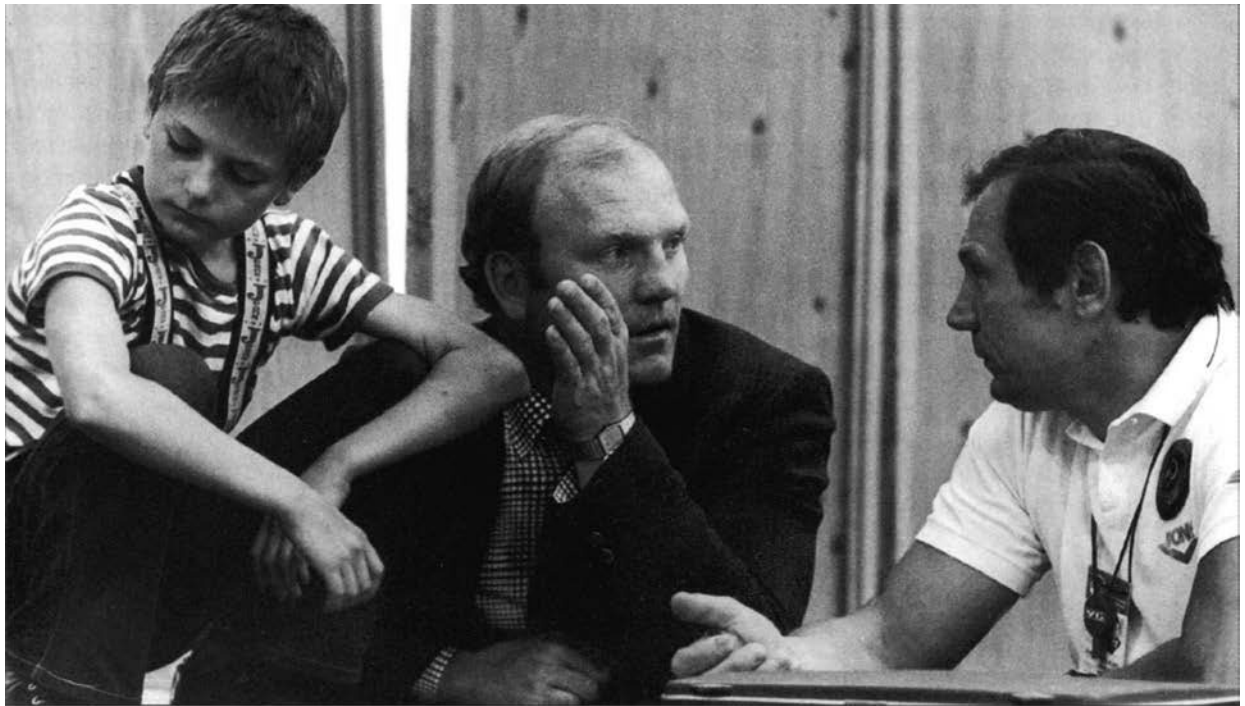
И вдруг тренеры нашей команды и ее члены, наблюдавшие за поединком, вскочили на ноги как по команде.

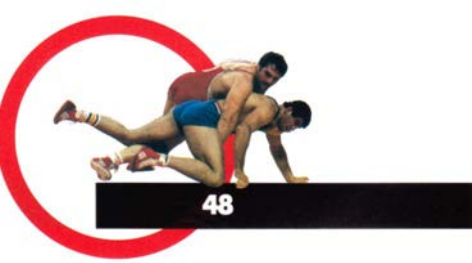

- Мой сын Сергей часто был со мной на сборах

Медведь, проводя очередную атаку, внезапно сморщился от боли, затряс рукой. И все увидели, что он вывихнул большой палец. Арбитр остановил поединок и жестом показал Медведю, что надо идти к врачу. Но Медведь только зло мотнул головой и на глазах у остановившего дыхание зала, изумленного Дитриха, не обращая внимания на чудовищную боль, сам вправил палец на место. Зрители, заполнившие огромный зал «Инсурхентес», поняв, что произошло на их глазах, замерли, потрясенные мужеством советского спортсмена.

После Мюнхенской Олимпиады прошло два месяца. 20 ноября мы приехали в Минск. ФИЛА к этому времени утвердила международный турнир на призы Медведя. И тысячи людей пришли проводить уходящего с большого ковра выдающегося спортсмена.

Слава у него была удивительная и абсолютно заслуженная. А сам Александр Васильевич был и в славе необыкновенно скромным, даже застенчивым. Как борец ничем особенно не выделяясь — поджарый, без чудовищных рельефных мышц, — он отличался необыкновенной выносливостью и быстротой проведения приемов. Вот и все как будто. А только выиграть у него не могли ни сверхтяжеловес, ни какой-нибудь Геракл, чудовищная сила которого была в руках.

Кстати, и вес борца колебался в пределах 105 — 110 килограммов при росте 191 сантиметр. И, между прочим, начал он выступать в полутяжелом весе. А когда впервые появился на чемпионате мира, соперники даже обрадовались — русские-то слабака привезли. В тот раз Медведь стал третьим. Но уже через год — первым. И первым остался...

А тогда в Минске тяжеловесы посадили Сашу на свои могучие плечи и совершили круг почета вдоль трибун Дворца спорта. Медведь не стеснялся слез. Мы, борцы, тоже. Было грустно: Медведь для нас, молодых, был одновременно и талисманом победы, и символом рыцарства и чести.

В день своих проводов с ковра Александр Васильевич мог с удовлетворением оглянуться на прожитое. Мог вспомнить Белую Церковь, что на Украине. Здесь он родился и рос. Здесь, старший сын в семье, помогал отцу и матери по хозяйству. Василий Зенькович был лесничим. Браконьеры бежали от него в страхе: ничего хорошего встреча с этим могучим и суровым мужиком им не сулила. Отец и сыновей своих держал в строгости, полагая, что и они обязаны трудиться.

Трудился Саша охотно, не меньше любил возиться с ребятами. Но кто против силача устоит? Сашка хоть пятерых в охапку сгребет да кучей друг на дружку повалит. Отец хоть и посмеивался, но не забывал и вовремя прикрикнуть: «А ну, Сашка, воды принеси! Да дровишек накопи побольше!»

А, в общем, жизнь у будущего чемпиона была нелегкой. Да и кто в послевоенные годы жил в большом достатке?

Саше было пятнадцать, когда слег Медведь-старший с большими ногами. Получил инвалидность. Кому помогать семье? Ясное дело — старшему сыну. И пошел Саша на завод. Одновременно в школу рабочей молодежи. Как ни трудно было, а записался еще и в секцию борьбы. В секции понравилось, одна беда — равных по силе соперников в секции не нашлось.

Зато в армии Медведю повезло. Командир — сам борец — выбрал молодого солдата в спарринг-партнеры. Заставлял бегать с ним кроссы, показывал приемы. Стал солдат выступать и на соревнованиях Белорусского военного округа. А в последний год службы попал даже на чемпионат страны и неожиданно для всех занял третье место.

После армии решил остаться в Минске. Поступил в пединститут. Под руководством тренеров Павла Васильевича Григорьева и Болеслава Михайловича Рыбалко борьбой стал заниматься серьезно. Было это в 1959 году. Тогда и начался его путь в большом спорте.

Я много раз видел Александра Медведя на разных соревнованиях. И каждый раз удивлялся, как этот застенчивый, с доброй улыбкой на лице человек преображается на ковре, становится хлестким, злым, упорным. Нет, он не рычит на соперника, не запугивает его страшными гримасами. Он сама сосредоточенность и целеустремленность.

Медведь был художником ковра, способным придумывать все новые и новые комбинации для атаки, для чистой победы. Да, жажда чистой победы была его страстью. Преимущество по баллам его не устраивало. Он жаждал «тушировать» соперника.

Честный, прямой до конца, он был беспощаден к проявлению слабости. Поэтому никто никогда не скажет, что этот человек схитрил на ковре, отдал кому-то победу. (Увы, бывали в борьбе и такие случаи.)

После ухода с ковра Александр Васильевич преподавал в Минском радиотехническом институте в должности доцента.

Потом заведовал кафедрой физического воспитания межвузовского спорта. Сейчас он председатель Федерации борьбы Белоруссии. Имел прекрасных учеников. Среди них Ваха Евлоев — победитель чемпионата Европы-84, Малхаз Мерманишвили — чемпион турнира «Дружба-84». В том же году к его советским орденам: Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» — добавился серебряный Олимпийский орден, которым Александра Медведя удостоил Между-

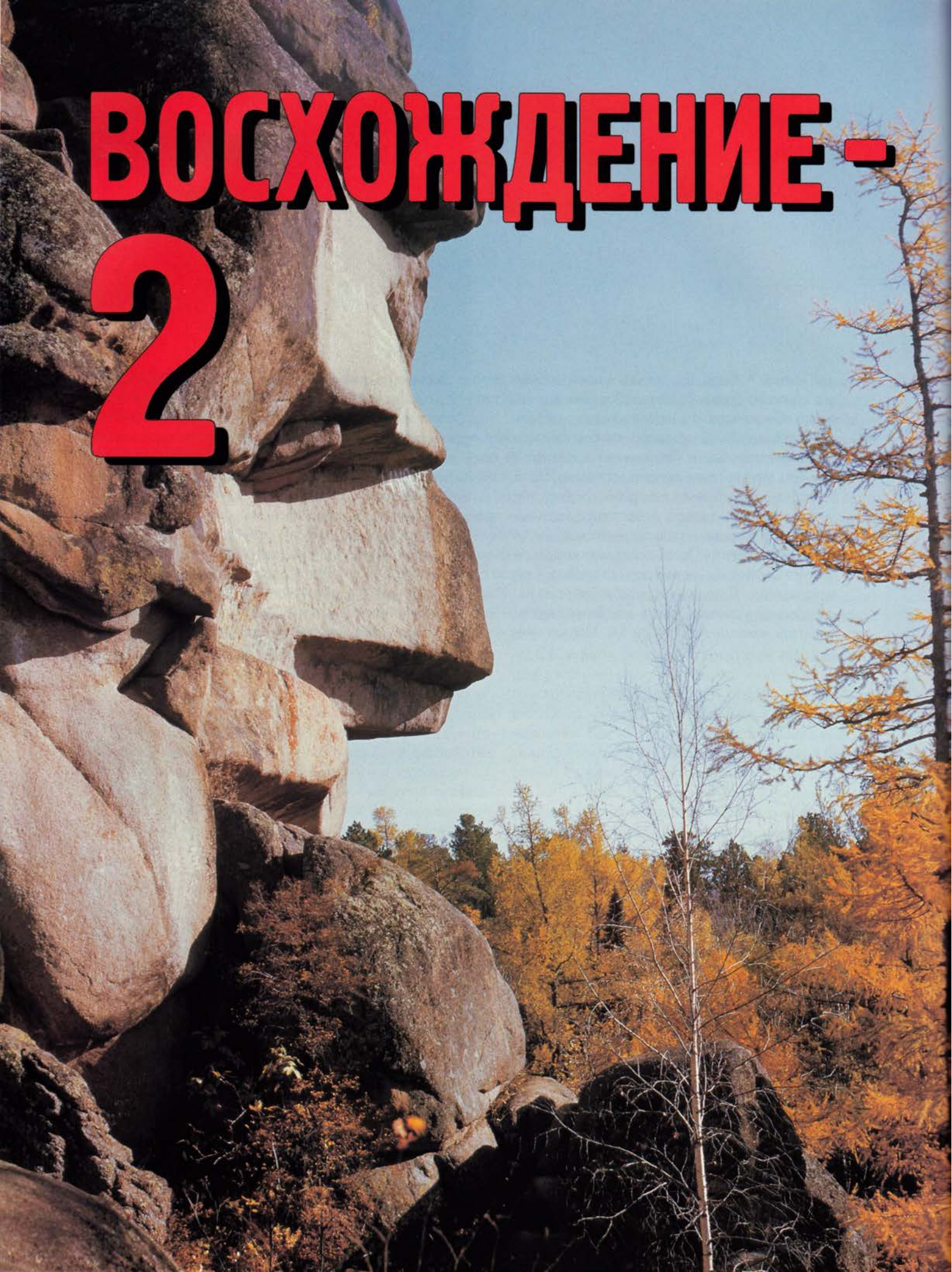
народный олимпийский комитет. ЮНЕСКО наградила его международным призом «За благородство в спорте».

Француз Жан Боротора, один из учредителей приза, прокомментировал эту награду так: «Мы никогда не присуждали приз «За благородство в спорте» за образцовую спортивную карьеру. И вот принято это решение. Советский борец, который добился выдающихся успехов, всегда выделялся своей корректностью, честностью и спортивным духом».

ВОСХОЖДЕНИЕ -

2

Мое открытие Америки

Говорят, одно из самых трудных испытаний для человека — испытание славой. К счастью, выражение типа «наш замечательный богатырь Ярыгин» мне всегда казалось противоестественным. Готов был сквозь землю провалиться, читая подобное в газетах или слыша по радио. Но вот я стал олимпийским чемпионом, и пришлось привыкать к тому, что люди радуются за своего земляка. Еще долго после Олимпиады я продолжал получать тысячи писем и открыток с поздравлениями. Писали в основном сибиряки и дальневосточники.

А нас с Миндиашвили, что называется, «затаскали» по разным спортивным вечерам, устным спортивным выпускам в институтах и на заводах. Теперь я понимаю, это было обычаем того времени — возносить человека, делать из него кумира. Постепенно я стал привыкать к громким словам в свой адрес, принимать их спокойно, будто и не обо мне речь. Были и неизбежные издержки: старались втереться в доверие, всякого рода «прилипапы» и жулики разных мастей. У этой породы какой-то особый нюх на возможность наживиться на чужой славе. К счастью, Бог и меня не обидел на интуицию, и разговор с такими людьми был у меня короткий.

Единственным местом, где я обретал душевный покой, была моя Сизая.

«Что нос задрал? Пойдем-ка в кузню», — каждое утро говорил отец. И я работал с утра и дотемна. И не только в кузне. Подновлял изгородь, пилил и колол дрова, ездил в леспромхоз за продуктами.

«Вот это по-нашему, — говорил отец. — Подумаешь, чемпион! Велика ли хитрость с твоей силицей людей мать...»

Господи, как же хорошо мне было в родном доме! Ночи напролет разговоры с братьями... Конечно, у меня и «Волга» появилась, и всякие заграничные шмотки. Но нет в нашем

роду завистников. Братья понимали, что все это не по щучьему велению, а по трудам. Понимали и радовались моим успехам.

Хорошо было дома, но Дмитрий Георгиевич с нетерпением ждал моего возвращения. Надо было спланировать выступления на разных турнирах. Не за горами был и чемпионат мира.

Миндиашвили сразу же обратил мое внимание на то, что в команде ГДР появился новый сильный борец — Харальд Бюттнер. Он дебютировал на чемпионате Европы весной 1973 года и сразу занял третье место, пропустив вперед лишь Гулюткина и венгра Чатари.

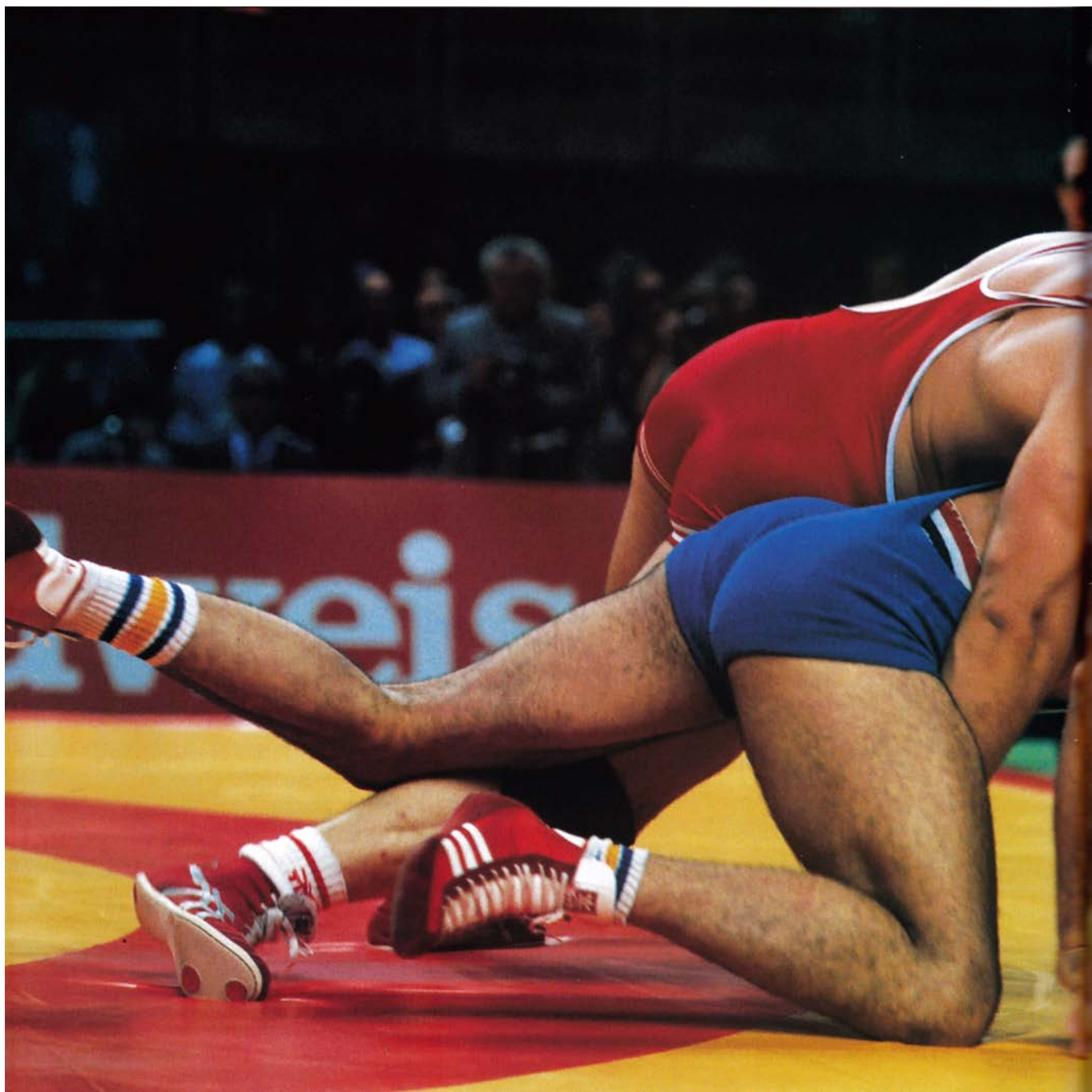
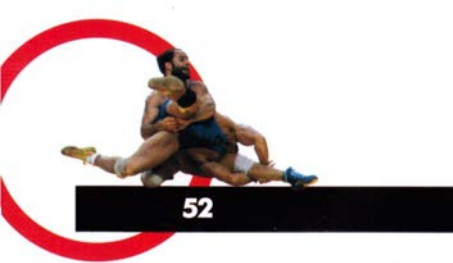
«За ним надо смотреть в оба, — предупреждал меня Дмитрий Георгиевич. — Чует мое сердце — конкурент серьезный...»

Мой тренер как в воду глядел: Бюттнер вышел на ковер надолго и причинял мне немало хлопот.

Той же весной 1973 года вторая сборная команда страны отправилась за океан, в США, в город Толидо, на первый в истории вольной борьбы лично-командный Кубок мира.

Я мечтал увидеть Америку и одновременно волновался: как она нас встретит? О борцах из Штатов представление уже имел по поединкам на Тбилисском турнире, наши регулярные товарищеские встречи начались еще в 1971 году. Другие ребята уже дважды перелетали океан. Но я-то там не был, поэтому с особым интересом слушал рассказы Болеслава Михайловича Рыбалко о стране, об американском характере, традициях, истории. Он уверял нас, что вольная борьба здесь так же популярна, как бейсбол, баскетбол, легкая атлетика. Борьба, говорил он, даже включена в систему школьного обучения, едва ли не обязательна в колледжах.

По тому, как встречали советскую команду, можно было убедиться, что рассказы нашего главного тренера не далеки

- Двукратный олимпийский чемпион Брюс Баумгартнер всегда в атаке

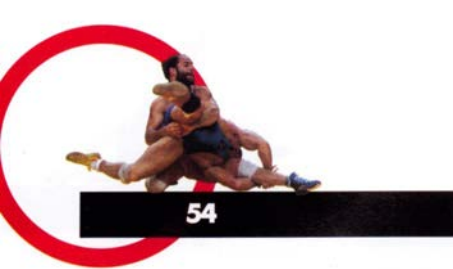

от истины. Мы сразу почувствовали доброжелательное отношение американских зрителей, повышенное внимание газетчиков, давали бесчисленные интервью. Особенно массивной атаки прессы удостоились Сослан Андиев и я — в Америке любят сильных людей.

Толидо — порт на озере Эри, город сталелитейной и автомобильной промышленности. Население не более полумиллиона. Город типичен для «одноэтажной Америки»: десяток высоких зданий в центре, а вокруг красивые, уютные коттеджи. На узких тротуарах — редкие прохожие. На каждом шагу «Макдональдсы», в которых сосиски с булочкой или сэндвич можно получить, не выходя из машины. Масса рестораничек, дискотек... Огромные темные коробки — это магазины, расположенные на специальных торговых площадях. Подальше от центра — мрачные кварталы с обшарпанными домами, с мусорными кучами прямо на улицах. В темных дворах мальчишки гоняют мяч. Здесь живут главным образом негры.

Четыре команды, приехавшие на Кубок мира, разместились в роскошном отеле «Шератон». Десятки помощников-волонтеров, в основном студенты местного университета, сопровождают нас на тренировки, в поездках на автобусе, во время прогулок, стараются выполнить любые наши просьбы. Многие ребята изучают русский язык, поэтому мы не испытывали трудностей с переводом во время общения с местными жителями. Куда бы мы ни приехали, нас сразу окружают улыбочивые американцы. Для болельщиков считается большой удачей заполучить русский сувенир — значок или вымпел. Признаюсь: я не ожидал такого доброжелательного отношения к нам. Думал: черт побери, откуда же идут разговоры о том, что американцы видят в русских врагов?

Председатель оргкомитета соревнований Джозеф Скальзо, член бюро Международной федерации борьбы, со своей неизменной трубкой, источающей ароматный запах дорогого табака, был целый день на виду, дипломатично утрясая мелкие конфликты и неувязки. Его милостивая дочка нацарапала два плакатика с приветствием участника турнира, их повесили во

Дворце спорта. Никаких других афиш о предстоящем Кубке мира в городе мы не видели, но все жители города, я подчеркиваю — все, знали о соревнованиях.

Один тренировочный ковер организаторы постелили прямо в отеле, освободив для этого небольшое кафе, и мы по утрам ходили в этот зальчик с цветами в кадках и крохотным бассейном тренироваться. Веселый тренер американцев Билл Уик каждое утро встречал нас громовым грузинским «Гамарджоба!». В прошлом году Билл побывал на турнире в Тбилиси.

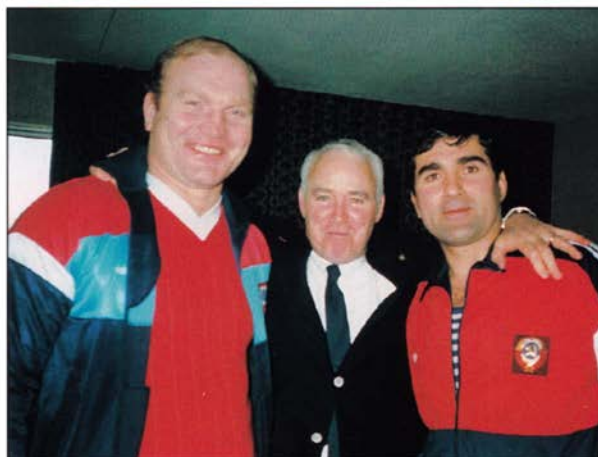
Дворец спорта расположен на территории университета — города в городе. Здесь прекрасные учебные корпуса, общежития, несколько стадионов, вместительные игровые залы, теннисные площадки. Здание самого университета старинное, построенное в готическом стиле в 1872 году. Обучаются здесь 18 тысяч студентов.

Два дня переполненный Дворец спорта был эпицентром вулканических страстей. Борьбу в Америке и впрямь любят, а за своих переживают даже с каким-то надрывом. По крайней мере, гул в зале стоял такой, что мы не слышали друг друга, приходилось кричать что есть силы в ухо. Но при этом каждый наш удачный прием, каждую выигранную нами схватку зрители встречали еще более оглушительными возгласами одобрения. Это не могло нас не вдохновлять.

На тренировках я познакомился с «полутяжем» из команды США Рассом Хелликсеном, добродушным парнем с голубыми глазами и копной светлых волос. Сила у него была, но техника хромала. Я охотно показывал ему свои броски, научил новому приему в партере. Мы сдружились за семь дней моего пребывания в Толидо. И много лет мне радостно было встречаться с Биллом на разных турнирах.

Вернувшись из Толидо, я рассказал Дмитрию Георгиевичу о Хелликсене, о том, что помогал ему освоить некоторые новые приемы. Рассказывая об этом, я вдруг уловил в глазах моего тренера странное выражение: некий сплав восхищения и досады. В конце концов, он пожал плечами и уронил укоризненно: «Эх, Ваня-Ваня...» Прошли годы, теперь, когда вышли в свет мемуары Дмитрия Георгиевича, я лучше пони маю, что его заботило. Этот добрый и во всем щедрый человек, когда речь заходила обо мне, о моем будущем, невольно становился осторожным. Вот что я прочел в его книге: «Пугала меня его открытость, когда речь шла о секретах борцовского мастерства.

- США. Я был там раз сто. И это всегда улыбки. Американцы на нас похожи. Или мы на них?

Не было у Ивана такого приема, наработанного в долгих мучительных тренировках, который он не был готов показать, отдать каждому желающему. И не только отдать, но и научить, в каких ситуациях им лучше пользоваться. В процессе таких показов он разрешал бросать себя, переводить в партер... Стратегически это неправильно, убеждал я Ивана. Гляди, как поступает Саша Медведь: вздохнуть не дает молодым борцам. Даже на тренировках не отдаст ни одного очка. А потому, что понимает: каждому лестно выиграть у олимпийского чемпиона

хотя бы на тренировке. Но выиграв на ней, молодой борец начинает мечтать победить и на соревнованиях. И та маленькая победа на тренировке его вдохновляет. Медведь учитывает такие психологические тонкости и делает все, чтобы сохранить представление о себе, как о непобедимом. «А ты? — упрекал я Ивана. — Ты сам приучаешь своих потенциальных соперников к мысли о том, что тебя можно победить...» Я говорил так, злясь на него и восхищаясь. А в ответ слышал неизменно: «А чо? Пусть парни учатся...»

Думая сейчас обо всем этом, я прихожу к выводу, что прав был все-таки я. Человек, если он человек, должен уметь не только брать, но и отдавать. Впрочем, и сам Дмитрий Георгиевич постоянно и на собственном примере учил меня этому.

Вернемся, однако, в Толидо.

В финал Кубка вышли сборные США и СССР.

Мы выиграли со счетом 7:3. И получили главный приз — почти метровую фигуру борца из серебра на красивой деревянной подставке. А победителям в личном первенстве вручили копии этой фигурки размером поменьше.

Толидо запомнился мне еще одним радостным событием. В этот город за океаном пришла телеграмма, извещавшая меня, что в далеком Красноярске сбылась еще одна моя мечта: Наташа родила сына! Я стал отцом двух детей: девочки и маль-

чика, и не было в эти дни человека, счастливее меня. Кубок мира стал как бы продолжением моей олимпийской победы. Он укрепил мою уверенность в своих силах в обстановке ажиотажа, почти стрессовых ситуациях. Ведь даже там, в Толидо, меня не оставляла мысль об июньском чемпионате страны. Впервые он должен был пройти в моем родном Красноярске.

Когда я вернулся домой, то увидел, что подготовка к этим соревнованиям уже идет полным ходом. Тревога не покидала меня: а вдруг проиграю кому-то на глазах своих земляков? Ведь спорт есть спорт: в нем все возможно. Волновался так, что в голову вдруг закралась подленькая мыслишка: а что, если «заболеть», ведь при неудаче я не переживу позора — олимпийский чемпион вдруг оказался не первым в родных стенах...

В стенах родных и чужих

Красноярск встретил участников чемпионата хлебом-солью и необычной для июня жарой. Ковры нас ждали на поле стадиона, который едва вместил всех болельщиков. Казалось, в Красноярск съехались любители вольной борьбы со всей Сибири. Не думал, не гадал, что их так много. Люди шли на футбол, как в самом Красноярске — на матчи хоккея с мячом, когда выступал многократный чемпион страны команда «Енисей». А кто-то говорит, что борьба теряет свою привлекательность!

Особые почести — человеку-легенде, трехкратному чемпиону Олимпийских игр Александру Медведю. Едва он прилетел в Красноярск, как ему преподнесли в подарок «тезку» — выловленного в тайге медвежонка. Мишке выделили персональную комнату в служебных помещениях стадиона. Здесь он ночевал, а вечером гулял по футбольному полю. Мальчишки закармли-

его конфетами, благо тогда они были дешевыми. «Хозяин тайги» до того обнаглел, что стал принимать только шоколад.

Журналисты называли эти соревнования не иначе, как «чемпионат звезд вольной борьбы». Блистательно выступали Роман Дмитриев, Загалав Абдулбеков, Руслан Ашуралиев, Леван Тедиашвили. Будущие знаменитости Владимир Юмин и Сослан Андиев здесь впервые выиграли золотые медали.

Дмитрий Георгиевич на этот раз переживал не только за меня, но и за нового своего ученика Виталия Токчинакова. Ведь красноярцам очень хотелось увидеть своих земляков с золотыми медалями. И Виталий первым из нас удовлетворил этот «социальный заказ».

Пришел, наконец, и мой час. Финал. Я снова встречаюсь со своим постоянным конкурентом Владимиром Гулюткиным.

Я понимаю, что просто не имею права уступить первое место. Проиграв, я предоставлю возможность злым языкам волю позлословить по поводу того, что и на Олимпиаду должен был ехать киевлянин, который даже в Красноярске доказал, что он классом выше...

Я и сейчас закрою глаза и вижу ту встречу. В ней я отдал всего себя без остатка. Ведь и Гулюткин великолепно подготовился к чемпионату, для него этот наш поединок не менее принципиальный, чем для меня. Мои мышцы были готовы лопнуть от напряжения. Мозг лихорадило. Солнце палило нещадно, и пот градом катился с нас обоих. Схватка шла к ничейному концу. Но для меня это было бы равносильно поражению.

«Еще немного! Еще! Точней! Еще точней! Не теряй контроль!» — билось в моих висках. Слышу истошный крик Миндиашвили, покрывающий рев трибун. В долю секунды улавливаю неверное движение соперника. Вхожу в обратный пояс, как домкратом подтягиваю тело вверх... Тужусь изо всех сил и... бросаю. Есть два балла!..

А тут и схватке конец...

Полчаса лежу в раздевалке. Как сквозь дрему, слышу голоса Дмитрия Георгиевича, Витальки Токчинакова. Никак не

• Ты сильнее, ты самый сильный! Вперед!

могу отойти от испытанного сверхнапряжения...

Каждый турнир — это еще одна проверка своих возможностей. Правда, на Универсиаде-73, проходившей в Москве два месяца спустя, таких грозных соперников, как Гулюткина, у меня не было. В студенческих командах других стран еще нет классных борцов. Но турнир есть турнир. Мы с Миндиашвили подготовили несколько новых бросков и проверяем их на живой соревновательной практике. Кое-что удалось, кое-что осталось про запас, но учитель доволен: победа делала меня первым кандидатом на участие в чемпионате мира.

...Тегеран, сентябрь 1973 года. Мое первое и, как оказалось, последнее мировое первенство.

Мехрабатский аэропорт гудит как улей. Кажется, здесь собрались представители всех национальностей Земли. Нас сажают в автобус вместе с другими борцами. Я прилипаю к окошку. Ярко освещенный проспект, несмотря на поздний час, мальчишки гоняют в футбол. Так увлеченно, будто и в помине нет мчащихся по проспекту автомобилей. К счастью, шоферы в таких местах снижают скорость...

Подкатываем к семиэтажному отелю «Интернешнл». Получаем ключи. Наконец я в своем номере. Открыл окно: почудилось, что я на вершине высокой горы, а город в долине, где мириады огней до самого горизонта.

Утром быстро завтракаем, получаем установку на день и выходим к автобусу. Снова влипаю в окошко. То шикарные проспекты, то узкие улочки, забытые автомобилями. Дорога напоминает горную — так медленно мы ползем круто вверх. Узнаем от водителя, что ночью было 30 градусов, сейчас уже 40. Правда, мы их не ощущаем — в автобусе включен кондиционер.

Вот стадион «Фаррах». Около стационарной трибуны на десятиметровой высоте натянут тент, под ним уложены три ковра. Три другие трибуны сборные, из дерева и металла. Они очень близко подступили к нашим коврам.

В тренировочном зале скопление борцов, десятки знакомых лиц. Где-то здесь и мои соперники.

В отель возвращаемся другим маршрутом — через центр. Короткая прогулка пешком. Магазины, банки, офисы. А за углом — развалюхи, жалкие лавчонки торговцев пряностями,

старыми вещами. То и дело встречаются ослы, запряженные в повозки.

На главных городских магистралях движение едва ли не броуновское. Светофоры здесь излишни, на них никто не реагирует. Можно простоять час на переходе и не дожидаться разрыва в потоке машин, едущих сплошняком, как вулканическая лава. Машины сталкиваются, наезжая друг на друга, но ругани не слышно: привыкли. И регулировщики — тоже. Им, как и водителям, лень обсуждать под палящим солнцем, кто прав, кто виноват.

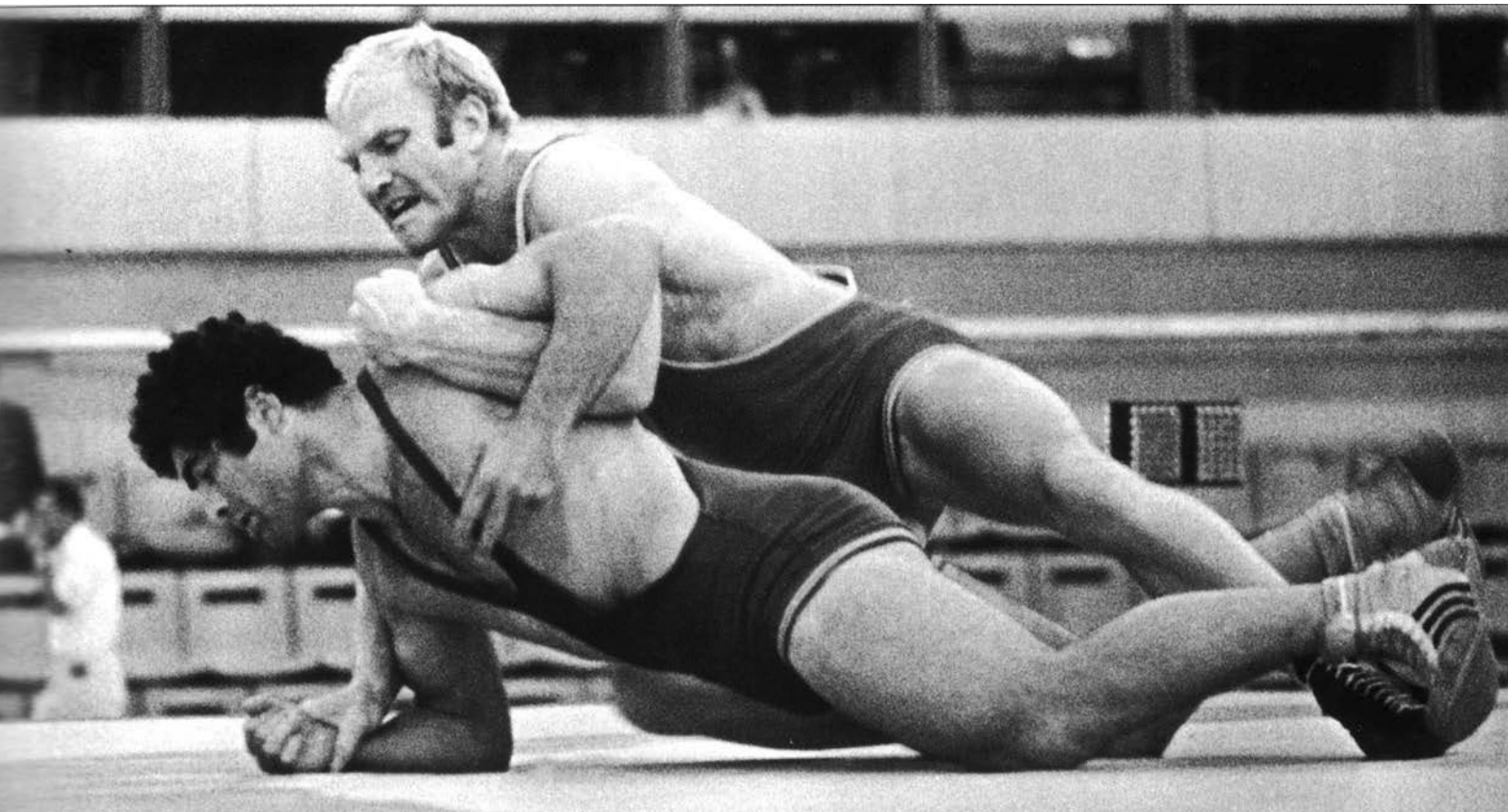
Побывали мы и на восточном базаре. Город в городе. Узкие проходы ведут куда-то вниз, в подземелье, а то вдруг превращаются в километры просторных улиц, каждая из которых отдана торговцам какого-либо товара.

Когда идешь по улице ковров, они у тебя под ногами — самые разные. Торговцы берут за руки, заставляют оценить мягкость или рисунки и впрямь красивейших в мире ковров.

Поворот направо — море света. Тысячи стеклянных будочек, все сплошь увешанных золотыми изделиями.

Еще поворот — ткани: тысячи рулонов забивают все пространство лавки, как толстые бревна в товарных вагонах. Весело, шумно, интересно...

И все-таки трудно отвлечься от мысли о чемпионате. Через три дня мы едем на его открытие. После шумного, красочного парада, после фанфар чемпионат мира по вольной и классической борьбе, по самбо объявляется открытым. Первыми начинаем мы, «вольники». В раздевалках, что под трибунами, невообразимо душно.

- **Тегеран-73. С Иваном Ярыгиным и Сосланом Андиевым всегда рядом был Сергей Андреевич Преображенский**

Выручают чумазые мальчишки, торгующие маленькими бутылочками кока-колы. Они лежат в тазах на льду, который здесь едва ли не на вес золота, поэтому цены на напитки высокие. Но мальчишки готовы отдать вам бутылочку за три-четыре значка. Они радостно крутятся вокруг богатырей, знают знаменитых в лицо, легко выговаривают наши непривычные фамилии.

На трибунах стадиона столпотворение. А ворота штурмуют еще тысячи болельщиков. Везде кордоны полицейских с короткими карабинами в руках. Пройти их трудно: вас проверяют тщательно, почти обыскивают, пристально вглядываются

в фото на карте участника. Духота чудовищная и под тентом. Табачный дым лезет в глаза, каждая схватка проходит под непрерывное скандирование. Страсти здесь накалены, пожалуй, посильней, чем в Толидо. Зрители свистят, топают ногами, трибуны того и гляди развалятся.

Маленький, толстенький, очень подвижный человек мечется от трибуны к трибуне, дует в какой-то музыкальный инструмент и дирижирует многотысячным хором, который напевает имена своих пехлеванов. Получается ритмично и оглушительно.

Но нет предела горю болельщиков, когда проигрывает иранский борец. Все на мгновение замолкает, и неожиданно злоеющая тишина переходит в многострадальный вой. Борца могут забросать апельсинами, пустыми бутылками. Иранец Горрами, чтобы избежать позора, не вышел на схватку с Леваном Тедиашили, который показывал на ковре чудеса.

После Мюнхена Леван налился мускулами, потяжелел, перешел в категорию до 90 килограммов. Но кошачья мягкость осталась. Побеждает легко. Только поединок с олимпийским чемпионом американцем Беном Петерсоном он проводит на пределе сил. Счет 14:12. И каждому ясно, какие великолепные атлеты встретились в этой схватке. Но никто еще не знает, что и в олимпийском Монреале Леван снова победит Бена.

Перед финалом мы собираемся в нашей тесной комнатенке под трибунами. Аркадий Николаевич Ленц обращается к нам:

— Вчера, ребята, вы пережили трудный вечер полуфиналов. Теперь все вы — обладатели медалей. Вопрос — какого достоинства? Остается последнее усилие. И вы его сделаете, я уверен. Главное — ни на секунду не теряйте внимания. Вспомните печальный опыт чемпионата Европы 1967 года по классической борьбе. Тогда в Минске все наши борцы попали в финал и ходили «гоголями», уверенные, что «золото» у них в кармане. А золотых медалей оказалось у них всего две. Помните об этом, ребята... Вы должны быть лучшими в мире!

А поздним вечером на стадионе «Фаррах» военный оркестр исполнял наш гимн. На пьедестале стояли Шахмурадов и Преоб-

• **Леван Тедиашвили**
перешел на сок

раженский с огромным кубком за командную победу.

Роману Дмитриеву, Загалаву Абдулбекову, Василию Сюльжину, Левану Тедиашвили, Сослану Андиеву и мне были вручены золотые медали. Иранцы тоже довольны — у них три чемпиона, такого успеха они не добивались уже много лет.

Мрачный, аскетичный Джавади все-таки переиграл нашего Арсена Алахвердиева и стал чемпионом мира в четвертый раз. Барзигяр одолел Руслана Ашуралиева, Фарахфаши — Володю Юмина... «Серебро» и у Насрулы Насрулаева.

Но как бы там ни было, впервые за время выступлений на мировых чемпионатах советская сборная завоевала шесть высших наград. И впервые все члены сборной оказались с медалями!

До двух часов ночи мы не могли покинуть стадион: не отпускали болельщики. На востоке есть поверье: если тебя поцелует сильный человек, то ты и сам вырастешь богатырем. И мальчишки друг за другом лезли к нам целоваться. За Сосланом Андиевым ходила толпа и кричала ему вслед: «Медведь! Медведь!» Саша Медведь много раз выступал на турнирах в Иране, стал кумиром знатоков вольной борьбы, и теперь болельщики в знак признания называли Сослана Медведем.

Понравилась и моя фамилия. Ребята бегали за значками. И если он оказывался советским, визжали от восторга, крича: «Ярыгин! Ярыгин!»

Безмерно усталые и безмерно счастливые ехали мы в отель. Только у Володи Юмина глаза были грустные. Его уговаривали, что для двадцатилетнего дебютанта и «бронза» большая удача, а он в отчаянии только руками махал.

Он проиграл Фарахфаши, но бился до последнего, упрекнуть его было не в чем. Разве в том, что свел вничью схватку с немцем Гиреем. Устал, к концу поединка едва держался на ногах. А все потому, что слишком переживал за ребят, яростно подсказывал — аж взмок от волнения, вот психологически и перегорел. Впрочем, Преображенский упрекал его, скорее, для профформы. Он был доволен нашим выступлением.

А Юрий Шахмурадов обнял Юмина и сказал: «Володька, я тебе точно говорю, ты на следующий год будешь чемпионом. Поверь». Юмин промолчал. И опять же никто тогда не знал, что Володька будет не только чемпионом мира, а даже четы-

рехкратным и еще к тому же завоеует золотую олимпийскую медаль в Монреале...

Обычно застенчивый, молчаливый, Вася Сюльжин вдруг разговорился: «Ребята, я прямо сам не свой от радости. Два раза на Европе был первым, но «чемпион мира» звучит посolidней, правда?»

На следующий день начинали свой турнир самбисты. Собралось их немного, и турнир должен был быть двухдневным. Вечером нам предстояло улететь, а утром мы решили все вместе сходить на восточный базар. Но на завтраке с донельзя озабоченным лицом появился Ленц:

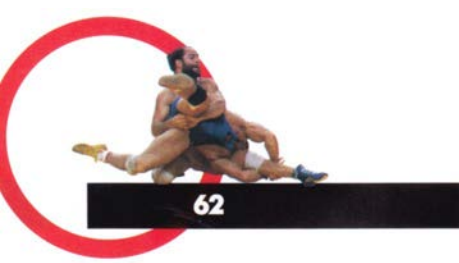
— Ребята, не прилетел самбист веса 90 килограммов. Леван, тебя просят выручить команду. Твой тренер не возражает. А ты?

— Какие могут быть разговоры, Аркадий Николаевич? — улыбнулся Леван. — Если личный тренер приказывает выступить, разве ученик может отказаться? Покажите мне этих самбистов, я их в пух и прах разделаю...

Мы знали, что Леван был чемпионом страны среди юношей по самбо. И, изменив свои планы, поехали на стадион.

На трибунах тишина. Половина мест пустует. Не прижилось пока самбо у иранцев. Наконец дождалась появления на ковре Тедиашвили. Облачили его в самбистскую белую куртку.

А он вроде в ней и родился — смеется, гримасы строит, увидел нас — подмигнул. Против него вышел борец из США, хотя и крепкий на вид, но робкий парень. Леван взял его за грудки и нашим приемом из вольной борьбы подсек, обхватив словно жгутами. Американец и охнуть не успел, как очутился на лопатках, а Леван лежит на нем и спокойно придерживает. В самбо этот прием называется удержание — за 30 секунд приносят чистую победу. После встречи Аркадий Николаевич

сделал Левану внушение: «Я понимаю, что ты сильнее всех, но прекрати свои шуточки — это все-таки чемпион мира».

Хотелось, конечно, поглядеть на нашего друга до финала. Но надо было лететь. И уже в Москве мы узнали, что девять наших самбистов получили золотые медали. Среди них и Леван Тедиашвили. Великолепно выступили и наши «классики» — у них было пять золотых, две серебряные и одна бронзовая медали.

Ничья приводит к ОТКРЫТИЮ

А теперь хочу представить читателям Загалава Абдулбекова, борца, собравшего едва ли не все мыслимые спортивные звания.

Он и заслуженный мастер спорта, и заслуженный тренер СССР, а еще — заслуженный работник просвещения своего родного Дагестана. Он — двукратный чемпион мира. Я вспоминаю об этом часто, потому что Загалав стал им одновременно со мной в Тегеране.

Вижу его по окончании турнира.

Небритый, с перебитым, как у боксера, носом, с повязкой на голове, он сидит, вытянув поврежденную в схватке ногу, и говорит Васе Суюлжину, ошалевшему от радости:

— Я так думаю, Вася, что на этой победе жизнь не кончается. Чемпион мира, конечно, почетно, и я, как и ты, радуюсь. Душа поет, о ноге забываю... Я вот сейчас своих стариков вспомнил, аул вспомнил. Знаешь, как все там будут счастливы! Какой праздник устроят! Мною гордиться будут, Дагестаном гордиться будут. Но, если хочешь знать, в жизни есть вещи важнее наших личных радостей и побед...

— Какие вещи, Загалав? — спрашивает Вася.

— А такие, что друзей человек должен иметь, — вот главное. И я сегодня в три раза счастливее от моей победы, что есть у меня такие надежные друзья...

И Загалав встал и, припадая на травмированную ногу, пошел каждого из нас по очереди обнимать. И у него, и у меня на глазах появились слезы.

Когда Загалав начинал в спорте и только мечтал о больших победах, его республика гордилась Али Алиевым, пятикратным чемпионом мира. Но Алиеву феноменально не везло на Олимпийских играх: выступая на трех из них, он ни разу не стал даже призером. Это было то роковое невезение, которое делает спорт труднопредсказуемым даже со стороны самых блистательных специалистов. А горная борцовская республика так жаждала иметь своего олимпийского чемпиона. Им стал Загалав.

На свой первый чемпионат СССР он поехал в ранге первоурядника. (Было это в 1966 году.) Здесь он стал чемпионом и мастером спорта. Подобный успех первоурядника случается не часто, и специалисты удивлялись: мальчишка побил признанных асов. Не удивлялся только его тренер Ар-

менак Аршакович Карапетян. «Конечно, мальчишка, — посмеивался он, — но дайте срок — будет орлом. Упорный парень и по крови природный борец...»

Правда, насчет «природного» тренер несколько преувеличивал. Может быть, в благодарность за то, что тощий, вихрастый Загалав Абдулбеков, приехав из своего родного аула Карата в Махачкалу, сразу попросился почему-то именно к нему — Карапетяну. Арменак Аршакович паренька устроил в школу-интернат, обул-одел. Только вот отношения с мальчишкой складывались как-то странно: с одной стороны, невероятно способный, на ковре злой, резкий, а с другой — никакого энтузиазма, в зал его не тянет. Приходилось отлавливать Загалава то у боксеров, то у волейболистов. У теннисистов — тоже. Тренируется вполсилы, а на первенстве России среди школьников валит своих соперников «одной левой».

И, похоже, даже самолюбия особого нет, ни к каким высотам не рвется. Но вдруг встреча Загалава с известным осетинским борцом Елканом Тедеевым заканчивается с ничейным счетом. И только тогда парня, наконец, осенило: борьба — вот его предназначение.

Пришел к Карапетяну:

— Неделю назад вы меня с сигаретой увидели, голову обещали оторвать. Больше курить не буду! И вина тоже не будет. Буду вкалывать, как Али Алиев. Слово даю!

И вот тогда-то и обнаружилось в Загалаве некое сверхупрямство и та бешеная энергия, что унаследована от своего народа, непрерывно защищавшего свою землю от набегов врагов. В истовой жажде победы Загалав то рассекал бровь,

то выбивал пальцы... Он постоянно ожидал от врачей страшного приговора: снимается со схватки из-за травмы. Вот и в Тегеране он боролся, терпя острую боль в ноге, с рассеченным лбом...

К травмам то и дело прибавлялась «небезуха». В этом отношении чемпионат мира 1969 года в аргентинском городе Мар-дель-Плата оказался для него особенно трагичным.

Загалав выиграл турнир. Радовался поздравлениям. Журналисты разнесли уже по всему миру весть о его победе. Но почему так долго, невозможно долго победителей в легком весе не приглашают взойти на пьедестал? Оказалось, что японцы, найдя какую-то зацепку в весьма несовершенных тогда правилах, требуют пересчитать штрафные очки. И, в конце концов, жюри выносит вердикт: на первом месте японец Морита, на втором иранец Саидабаси и только на третьем — Абдулбеков.

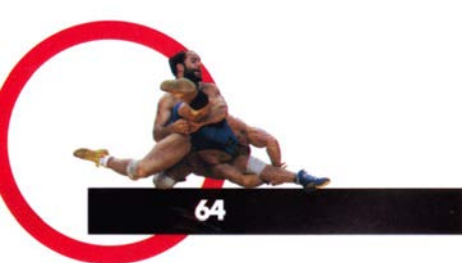
Загалав заплакал.

А в Москве во время встречи команды в аэропорту ответственный работник Спорткомитета СССР вдруг сообщает ему, что за победу на мировом чемпионате Абдулбекову присвоено звание заслуженного мастера спорта СССР.

— Это ошибка, — говорит Загалав. — Я только третий.

Немая сцена заканчивается

аплодисментами: Загалав прилюдно клянется, что все равно станет чемпионом мира.

А судьба, словно испытывая горца, делает так, что на первенстве страны его обходят сразу двое: Виктор Маркелов из Саранска и тбилисец Гиви Кварелашвили. На чемпионат мира в Канаду берут Гиви.

Теперь Загалаву надо доказать, кто есть кто, с самого начала. На всех первенствах и турнирах. При этом «выстрелить» в самый нужный, решающий момент. Спартакиада народов СССР — именно такой момент. И он становится чемпионом Спартакиады, что открывает ему снова путь на чемпионат мира в Софию. А здесь он уже без особого труда выигрывает заветное «золото».

Не только судьба — горячность Загалава шутила с ним горь-

кие шутки. На всю жизнь запомнил борец случай, происшедший с ним в ранней молодости. Полуфинал турнира. Несмотря на упорное сопротивление, счет баллов в поединке в пользу конкурента. Остается несколько секунд до конца схватки. В какой-то момент соперник поворачивается к Загалаву спиной, ожидая свистка арбитра к продолжению встречи. Абдулбеков, разгоряченный сложным поединком, вдруг резко проводит бросок.

Судьи недолго совещаются и дисквалифицируют Абдулбекова за нарушение правил.

И всю оставшуюся жизнь Загалав мучается от сознания того, что, хоть и неумышленно, в горячке, поступил нечестно. Ведь для него неправда, клевета, обман, ухищрения, мошенничество — самые страшные вещи на свете.

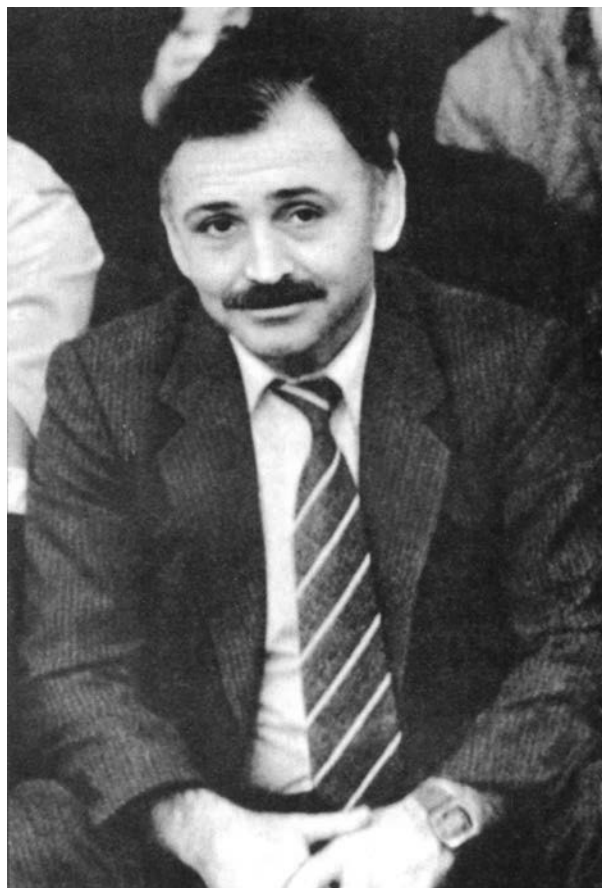
- **Загалав Абдулбеков - первый олимпийский чемпион Дагестана**

Поэтому и в команде Загалав всегда был тем парнем, которому доверяли разрешать все споры между борцами. Знали, что в его лице вершит суд сама Справедливость.

И сама Справедливость избрала его из немногих на олимпийских играх в Мюнхене, сделала, к радости всего Дагестана, олимпийским чемпионом.

Подобно тому, как решительно и бескомпромиссно он боролся, столь же бесповоротно он оставил борьбу... Без Загалава трудно было представить себе сборную страны, и Юрий Шахмурадов, главный тренер, пригласил его помогать готовить команду к мировым чемпионатам, а главное — к Олимпиаде в Москве...

Забот у него сейчас хватает. И все-таки Загалав старается как можно чаще бывать в родном ауле Карата. Любит встречаться с мудрыми стариками в папахах. Тех самых, которые прислали ему в олимпийский Мюнхен телеграмму: «Держись, Загалав, мы в тебя верим». А он верил в свой народ, в этих чинных стариков, в себя. В жизнь. Он не сумел рассказать об этой вере словами, когда победил в финальном поединке. Руки, ноги, все разгоряченное схваткой жилистое тело «выстрелило» этим рассказом, бросило его в лезгинку. Он танцевал прямо на ковре, сразу после того как была объявлена его победа. Миллионы телезрителей на всей планете увидели этот танец. Танец маленького горского народа, сумевшего дать миру олимпийского чемпиона.

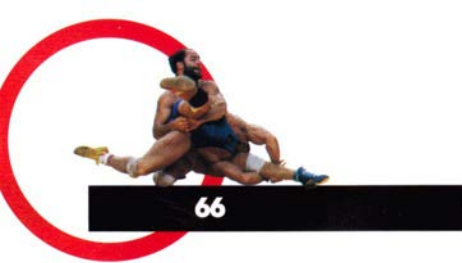

Черный год

1973 год был для меня годом побед и удач. Каким будет 1974-й, я не гадал: с какой стати ему быть другим? Разве Олимпийские игры в Мюнхене и чемпионат мира в Тегеране не подтвердили, что я сильнейший среди борцов моей весовой категории? А я — вот он, такой, как прежде. Увы, прошло время, и я понял, что такой, да не совсем.

Чемпионат Европы проводился в Мадриде, городе потрясающей красоты. Хотелось, чтобы дорога в зал, где проходи-

ли соревнования, никогда не кончалась, чтобы наш автобус плыл и плыл среди прекрасных старинных зданий, чтобы на нас неотрывно смотрели исполненные достоинства пожилые испанцы, чтобы жгучие испанки обстреливали нас глазами. Но в зале радости жизни стали для меня меркнуть. Слишком трудно для чемпиона мира и Олимпийских игр я пробивался в финал. На ковре действовал не уверенно, пропускал броски противников, не чувствовал силы в руках.

В финале меня ждал лидер команды ГДР Харальд Бюттнер. Здоровенный парень: гордая осанка, грудь атлета, мощная шея. Я подбадривал себя — одолею! Ведь год назад на первенстве мира президент Международной федерации борьбы Милан Эрцеган предложил мне: «Уложишь Бюттнера с «мельницы», буду считать, что ты победил, а в любом другом случае — считать не буду...» Я согласился и уложил таки немца своим коронным приемом — с «мельницы». Неужели сейчас с ним справлюсь? Не справился. Проиграл...

Себе, да и другим пытался объяснить эту неудачу тем, что к соревнованиям приболел. Но в глубине души знал: дело не в болезни, все значительно сложнее. Главное — я успокоился. Не без влияния «друзей» зародилась в голове мысль о некой своей исключительности. О том, что сила и умение даны мне самим Господом Богом и никуда все это не денется, даже если перестану тренироваться так, как делал это, готовясь к Олимпиаде. Раз так, думал я, почему бы не уделить больше внимания семье — жене и дочери?

Были и другие причины. Я увлекся общественной работой, и она тоже стала оправданием тому, что тренироваться я стал меньше. Избранный депутатом городского Совета Красноярска, я включился в работу комиссии по развитию физической культуры и спорта. Ко мне шли люди: где-то закрылась спортивная секция — просили помочь ее восстановить. Где-то не строят спортивную площадку — докажите, товарищ депутат, что она необходима. В одном из микрорайонов домоуправление не желает залить каток — надо убедить кого-то, что без катка дети будут болтаться на улице...

Я не мог отказать в подобных просьбах. Писал, звонил, сам ездил по объектам. Эта работа затягивала. По-своему она была полезной и интересной, но для действующего спортсмена — губительна. Признаюсь, что я не хотел этого понимать, хотя о последствиях догадывался.

Мой тренер Дмитрий Георгиевич Миндиашвили нервничал. Вел со мной трудные разговоры. Но мне казалось, что он

преувеличивает опасность. Соревнования в Мадриде показали, что он был прав. Но понял я это не сразу. Привыкнув к победам, я думал только о том, как бы скорее реабилитировать себя, доказать всем, что поражение на чемпионате Европы — случайность.

По заведенному порядку после «Европы» следует чемпионат Союза. Готовился я к нему в Красноярске, решив не ехать на сборы. Хотел убить двух зайцев: самому подготовиться и помочь Наташе. Видел, как ей нелегко. Дочери Аннушке не было еще трех лет. И папа, чтобы помочь маме, уже давно научился ее пеленать, стирать пеленки. Ко всему прочему, я и впрямь ухитрился заболеть: пищевое отравление. Начал катастрофически худеть, потерял восемь килограммов. Миндиашвили пичкал меня лекарствами, и только перед самыми соревнованиями я почувствовал себя лучше. А Дмитрий Георгиевич вроде и не рад. Он еще после Мадрида, узнав о моем страстном желании отыграться, говорил, что выступать на Союзе мне не следует. Не надо торопиться после поражения, надо делать выводы, надо работать... Но я ничего слышать не хотел. Я был уверен, что с сегодняшней моей злостью разложу всех.

Увы, прав оказался мой мудрый тренер. В Уфе, на чемпионате страны, я занял... пятое место. Впереди оказались мой земляк Алеша Исаев, киевлянин Коля Муханов, тбилисец Малхаз Цнобиладзе, Эльбрус Икаев из Орджоникидзе...

Более жестокого удара по моему самолюбию я не испытывал. Тем более что стало ясно: на сентябрьский чемпионат мира в Стамбуле я уже не попаду. Впрочем, Бог с ним, с чемпионатом. Что мне сейчас делать? Как жить дальше?

Трудно было идти с этим вопросом к Миндиашвили, который убеждал меня не торопиться, уговаривал вернуть себя на прежние рельсы. Трудно, но больше идти не к кому... И я пошел, хотя понимал, что в чем-то обидел моего друга и наставника, человека, которому я обязан едва ли не всем, чего достиг.

Дмитрий Георгиевич не считал нужным быть деликатным.
— Вот что я скажу тебе, Иван, — буркнул он, нахмурясь. — Ты в спорте достиг всего, чего я в свое время достичь не смог. Был чемпионом страны и мира. Навсегда останешься олимпийским чемпионом. Теперь ты можешь спокойно закруглиться...

— Да вы чего? — не выдержал я.

— А что я еще могу тебе сказать? Тренироваться, как прежде, ты не желаешь. В душе считаешь, что можешь обойтись без тренера. И друг тебе тоже не очень нужен. Вон сколько у тебя было доброхотов-друзей...

Я думал, что мой тренер не во всем справедлив, что и впрямь были у меня объективные обстоятельства. Но возражать не стал...

— Но если ты считаешь, что я тебе все-таки нужен, учти, — говорил мой наставник, — учти, слушать дядю Мито тебе придется так, как слушал в самом начале. Согласен — начнем по новой. Не согласен, будь здоров...

Я продолжал молчать. Без слов было ясно, что согласен.

Закончился тот наш горький и трудный для нас обоих разговор тем, что тренер посоветовал мне на месячишко поехать в тайгу, к маме. Миндиашвили знал, что мне нужно...

Истоки

Здесь, наверное, будет уместно рассказать о моей семье. Об отце и матери, о братьях и сестрах. Я уверен, что человека невозможно понять, не зная о том, какого он рода-племени. А я, как всякий автор, более всего хочу быть понятым моим читателем.

Я родился в селе Усть-Камзас, что в Кемеровской области, в Горной Шории. Вскоре семья переехала в Туву, в поселок Усть-Уюг. Это в 80 километрах от Кызыла, столицы Тувы, в самом центре Азии. Отец стал работать кузнецом в геологической партии. Я любил бывать в его кузне и в меру своих ребячьих сил помогал папе. Нравились мне и геологи — люди веселые, любители пошутить и спеть под гитару.

Однажды отец услышал о Саяно-Шушенской ГЭС. Человек по натуре беспокойный, он решил перебраться на эту стройку века. Мать вначале ворчала. Но уж очень красочно расписывал отец прелести тайги и Енисея, поселок, где нам предстоит жить, и дом, большой дом, который он построит для семьи...

Так мы попали в Сизюю. Отец снова стал работать кузнецом, но об обещанном доме не забывал. С помощью рабочих леспромхоза мы-таки поставили солидный сруб...

Семья, как видите, рабочая, трудовая. И не было ничего

необычного в том, что еще до поступления в абаканскую школу шоферов и я успел поработать в Якутии у газонефтедобыдчиков. Там, на Севере, пришлось не сладко. Приехав зимой, сразу попал в 50-градусные морозы, да еще с ветерком. Делал все, что приказывали: строил домики для жилья, кашеварил, таскал тяжеленные ящики с геологическим оборудованием. Вышкомонтажником не только числился, но и лазил на пятидесятиметровую высоту — закручивать гайки. Руки-ноги обмораживал, сбивал в кровь ладони. Теперь горжусь тем, что целых три вышки в районе поселка Кызыл-сыр — это и мой труд. А вообще-то, год такой работы — память на всю жизнь. Память ума и тела, с юности натренированного на огромные физические нагрузки.

Семья у нас большая. Но все мы, братья и сестры, давно разлетелись по стране. И только в день рождения мамы стараемся непременно побывать в Сизой. А мама, Евдокия Павловна, надевает ради такого случая свое лучшее платье, прикалывает орден «Мать-героиня» и, счастливая, что мы с ней, улыбается, приглашает нас за стол...

Приезжает старший брат Николай, мастер буровой установки. Сейчас живет он неподалеку — в селе Знаменка

Минусинского района. Имеет уже трех внуков.

С двумя своими ребяташками и с мужем Анатолием Деругой приезжает сестра Галина. Она — учительница, а муж — доктор физико-математических наук, работает в Красноярском академгородке.

А Сашка, который младше меня на два года, прилетает на самолете. С Крайнего Севера. Сашка мечтал стать борцом, как и я. Выступал в категории 90 килограммов, был даже чемпионом страны среди молодежи. Но одолели травмы, и стал Сашка профессиональным охотником. Жизнь, говорит, дово-

лен. Вместе с женой, бухгалтером на рыбзаводе, растит сына.

Две мои сестры живут с мамой. Надя — мастер строительного участка на Саяно-Шушенской ГЭС, а Люба — учительница русского языка. Люба преподает в школе поселка Майна. У обеих по двое детей.

Любимцы семьи — наши близнецы Коля и Люда. Они родились в 1958 году и замкнули собой нашу «десятку». Люда закончила строительный факультет Красноярского политехнического, а Коля, как и Сашка, стал охотником. Только живет в Бурятии, соболей в тайге бьет. Парень крепкий, добрый, да

- **Мама Евдокия Павловна и Наташа**

вот пока не женат... И должно быть, не скоро женится. Привык к одиночеству.

Весело за нашим семейным праздничным столом. Но и без грусти не обходится. Мама и сестры не могут вспомнить без слез двух моих старших братьев.

Гена работал мотористом на катере. Однажды, было это еще в Туве, катер его занесло на пороги, пробило камнями обшивку и на полной скорости суденышко перевернулось. Никто не спасся...

А Василий был знатным шофером. На своем «БелАЗе» во-

зил огромные камни для строительства плотины Саяно-Шушенской ГЭС. В дождь, непогоду, сорвался его грузовик в Енисей...

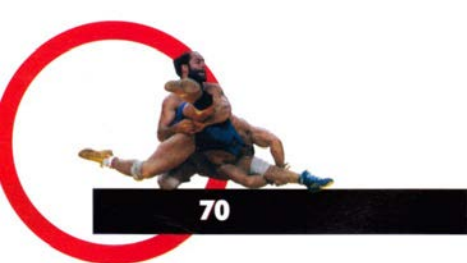
Конечно, вспоминаем мы и отца Сергея Николаевича. Прошел он всю Великую Отечественную. Не мальчишкой начал — тридцатилетним мужиком. И вспоминать о тех фронтовых годах не любил. Стану расспрашивать его о боях, о наградах, а он только и скажет: «Чтоб ее, проклятой, больше не было!»

Знаю только, что отец отступал с боями до самой Волги. А потом в должности адъютанта командира сибирского полка освобождал Украину, Польшу, Венгрию.

У отца было много боевых медалей. Только не сохранили мы их. Не понимая ценности этих наград, таскали их из деревянной шкатулочки на улицу. Тяжелые кругляши были незаменимы для игры в «расшибалочку».

А вот письма с фронта — ветхие, уже прозрачные от времени треугольники сохранились. Мама сберегла. Ведь почти в каждом письме отец вспоминает, как они с мамой нашли друг друга в Горной Шории. Папа подался туда на золотые прииски, но нашел большую, чем золото, драгоценность — свою Евдокию...

• Чемпион Европы
Владимир Паршуков

Черный год

(Продолжение)

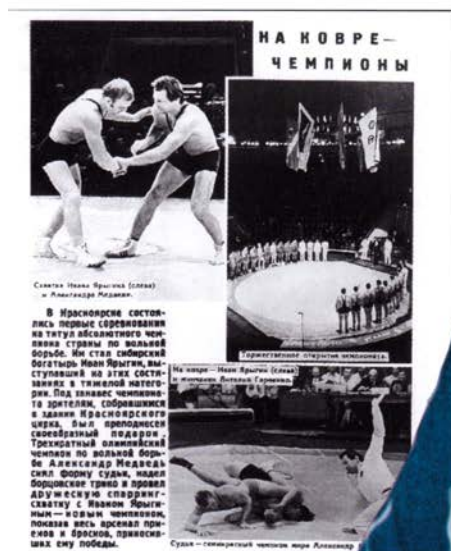
Как мы и договорились с Миндиашвили, ровно через месяц я вернулся из Сизой и прямо с корабля на бал. «Бал» был особый — красноярцы решили провести чемпионат на звание абсолютного чемпиона Союза. Такие соревнования в стране проводились впервые. Мои земляки, стремясь сделать его максимально зрелищным, решили провести его в новом здании цирка и на основе того борцовского ритуала, который был разработан еще незабвенным «дядей Ваней» Лебедевым. Были приглашены самые знаменитые борцы: «полутяжи» и тяжеловесы. Ведь выяснение отношений между ними и должно было назвать самого сильного. Среди приехавших на чемпионат были чемпионы Европы и Союза Владимир Паршуков из Сыктывкара, Борис Бигаев из Киева и другие мастера большого ковра. Я приехал из тайги в самый канун тренировки. Вот как вспоминает этот чемпионат Дмитрий Георгиевич:

«Не проведя ни одной тренировки, Иван вдруг сказал: «Я буду бороться!» Я дал согласие: человек отдохнул,

почувствовал свежесть и силу, а главное, соскучился по борьбе.

Боже мой, как же он боролся на том чемпионате! Даже мне он порой казался юным богом, который, сойдя на землю, способен играючи сделать все, что задумает. Здесь, в родном Красноярске, Иван Ярыгин стал первым абсолютным чемпионом страны, одолев не только борцов своей весовой категории, но и тяжеловесов. А я был столь же абсолютно счастлив победой Ивана. Тогда-то и понял — отныне нашему «роману» уже ничто не угрожает: ни победы, ни поражения».

В своих воспоминаниях мой учитель «романом» называл наши с ним непростые отношения того черного года. Но надо сказать, что нас обоих ждали еще многие испытания.

• Владимир Гулюткин —
всегда соперник № 1

Снова Гулюткин

Кончился тот чертовый 74-й, и мы с Миндиашвили в полную силу стали готовиться ко второй нашей Олимпиаде. Той, что должна была через полтора года состояться в Монреале. По-прежнему моим главным соперником в борьбе за олимпийскую путевку оставался Гулюткин. Конечно, за оставшееся время мог появиться и какой-нибудь самородок. Но пока мы думали о моем вечном сопернике из Киева.

Начало 1975 года складывалось вполне удачно. Я уверенно выступил на международном турнире в Тбилиси и попал в сборную, направляющуюся на майский чемпионат Европы в ФРГ, в Людвигсхафен.

Здесь все у меня шло нормально. До встречи с Бюттнером. С ним «неувязочка» все-таки вышла. На предыдущих поединках я действовал раскованно, чувствуя, что для своих соперников я противник более чем опасный. А с Бюттнером бой не сложился. То ли память о прошлом поражении на меня давила, то ли судьи были пристрастны, только получил я три предупреждения за недостаточную активность и схватка осталась за Харальдом. Но тот, однако, оказался не в лучшей форме и последующие две схватки проиграл. Даже в призы не попал. Я же, проиграв только ему, стал чемпионом.

И снова передо мной открылись большие перспективы. И главное, возможность попасть на чемпионат мира, который ФИЛА решила провести на этот раз в Минске. Да еще сразу по трем видам борьбы: греко-римской, вольной и самбо.

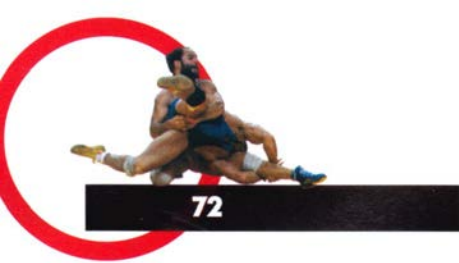
Но, чтобы попасть на этот чемпионат, надо было, как о том объявил главный тренер сборной Юрий Шахмурадов, «всего лишь» победить на Спартакиаде народов СССР. Как бы там ни было, из ФРГ мы с Миндиашвили ринулись окрыленные победой. Мы были уверены, что Спартакиада мне по зубам, и стали готовиться к ней с большим подъемом.

Перед отъездом в Киев, где должна была пройти Спарта-

киада, подвели итог нашей работы. Стометровка — 11 секунд, отжимание от пола — 120 раз и более. Лазание по канату на пятиметровую высоту на одних лишь руках — 15 раз без передышки. Плюс мой «ярыгинский», как его окрестил Миндиашвили, марафон: еженедельный бег от Красноярска до деревни Слизово. Туда и обратно 52 километра. В общем, «сдайся враг, замри и ляг!». Но не тут-то было.

Неприятные неожиданности начались с первой минуты моего приезда в столицу Украины. В гостинице встречаю Леву Тедиашвили. Не успели обняться, как он сообщает: «Я, между прочим, в полутьжи перешел. Не возражаешь?» И подмигнул насмешливо. Я опешил: вот это номер! Вот тебе, Иван, и соперник номер один, о котором ты не думал, не гадал. Но виду не подал, растерянность скрыл. Пообещал даже Леве «туше»

в первой же встрече. А он в ответ: «Вах-вах, да я тут всех вас разложу. Разве вы полутяжи?» И скалит зубы в обаятельнейшей своей улыбке.

А во Дворце спорта обстановка еще та! Руководители команд все сплошь психуют, бегают с бумажками, подсчитывают очки. Ради этих очков бывали случаи, когда борца из слабой команды уговаривали «лечь», чтобы фаворит не трагил напрасно силы. Меня это всегда возмущало, готов был руки скрутить этим махинаторам от спорта. Правда, было апелляционное жюри, которое бдительно следило за поединками, результаты «договорных» схваток отменялись, виновные наказывались. Но нервная обстановка в Киеве заражала борцов, требовала от них огромного расхода психической энергии.

И все-таки такие ребята, как Анатолий Харитонюк из Киева, Володя Юмин, Арсен Алахвердиев и Магомед Арацилов из Махачкалы, москвич Анатолий Прокопчук, выступили прекрасно. В категории 90 килограммов впервые обратил на себя внимание застенчивый хлопец из Донецкой области Илья Мате. Никто тогда не мог предполагать, что именно он через пять лет преградит дорогу к олимпийскому пьедесталу сильнейшим атлетам и сам станет олимпийским чемпионом.

Блистательно прошли турнир Сослан Андиев и воспитанник якутской школы борьбы Павел Пинигин.

А ваш покорный слуга... Он довольно быстро продвигался к финалу. Быстро и уверенно. И он по сей день не может понять, как и почему «отдал» один балл Гулюткину. Миндиашвили в этот момент прямо-таки взвыл как от боли. И выскочил из зала...

Все конечно, подумал я, судьба начисто отвернулась от меня. Так, не встретившись даже с Леваном, я оказался на третьем месте: груз штрафных очков потянул меня вниз.

«Позор! Позор!» — говорил я себе, стоя на нижней ступеньке пьедестала.

— Домой! — резко сказал мой тренер, едва я сошел с нее. Закрыв глаза, мучаясь, терзаясь, едва сдерживая слезы, сидел я в самолете. Там же принял решение бросить борьбу: нервы не выдержали.

Спасли меня, как спасали и прежде, тайга и охота.

• Итак, предстоит большая охота

Месяц с братом Сашкой бродили мы по тайге. Завалили медведя и двух маралов.

Обросший, худой, но в нормальном настроении прилетел в Красноярск. Миндиашвили спросил:

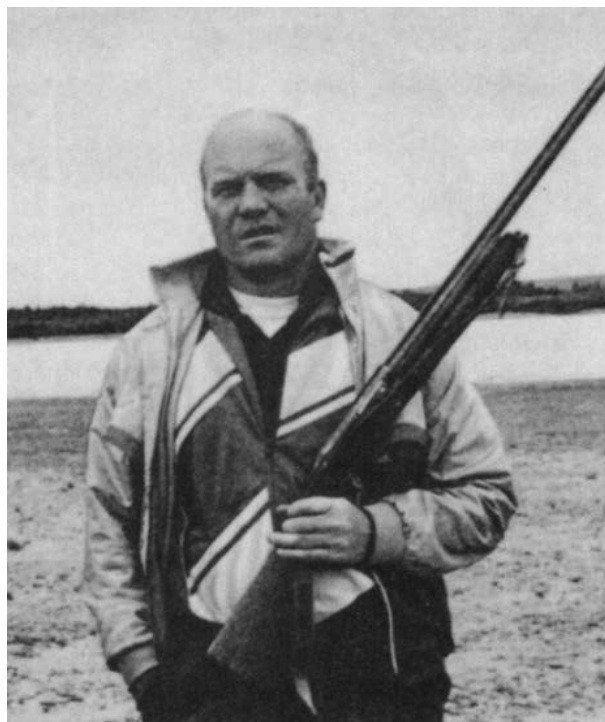
— Что делать собираешься, Иван?

— Пошли в зал — соскучился...

И мы поехали в наш зал.

Перед чемпионатом мира нас вызвали на сбор. Проходил он в Стайках под Минском, на нашей традиционной базе. Тренировался усердно и с радостью, хотя тренерский совет уже решил: в полутяжелом весе на чемпионате мира выступит Гулюткин.

Естественно, я с напряжением следил за ходом этих соревнований. Но думаю, что о них лучше расскажет Володя Голубев. Он вел репортаж с того чемпионата и был свидетелем всех его перипетий.

В. Голубев

Уроки Минска

Для начала скажу: советские атлеты завоевали в общей сложности 20 золотых, 6 серебряных и 1 бронзовую медали.

Эти цифры — свидетельство триумфа наших борцов. Они вселяли надежды.

А теперь из моего журналистского блокнота:

«В кровь разбитое лицо Володи Юмина. Блуждающий взгляд. Раскрытый рот. Слипшиеся волосы. Он сжимает кулак, и вены на руке вздуваются, словно река в половодье.

Юра Мосин, массажист, поблескивая стеклами очков в тонкой оправе, кружит вокруг Юмина и не решается протянуть ему начатую бутылку боржомом. Он никак не похож на массажиста, этот Юра Мосин, — мягкие руки, мягкая фигура, интеллигентное лицо. Ну, прямо студент какого-нибудь элитарного вуза или профессорский сынок.

Володя на глазах теряет голову. Стонет от злости и отчаяния. Но я уже знаю: минут через 20 он отойдет, и спокойствие вернется к нему. Такой уж характер. Да и сам он еще мальчишка: всего 22 года. Впрочем, мне нравится его непосредственность.

Он рано остался без родителей. Попал в детдом где-то на Урале. Потом оказался в городе Каспийске. Устроился на завод слесарем-инструментальщиком. Там его и нашел тренер по вольной борьбе общества «Труд» Кадыр Пирсаидов. Взял в свою группу, заменил отца, помогал во всем.

«Сколько раз наши тренеры нам твердили, — рассказывал мне Юмин, — поединок кончается только по сигналу судьи. Если ты ведешь в счете и думаешь, что победа у тебя в кармане, соперник непременно накажет тебя за самоуверенность. Я всегда придерживался этого правила. В Тегеране был мой дебют. Я не знал конкурентов, не представлял себе всей сложности выступлений на турнире такого высокого ранга. Там «золото» от меня уплыло. Но спустя год, в Стамбуле, я почувствовал себя совсем иначе. Все было знакомо, понятно, что

и к золотой медали я шел прямым путем. На нее и обменял «бронзу» Тегерана.

Но Шахмурадов предупреждал меня, что здесь, в Минске, будет труднее. У японцев в моей категории появился очень сильный парень. И «Советский спорт» писал, что Масаи Араи — «тайное оружие» Японии. Так оно и было: с первых схваток мне стало ясно — вот он мой главный соперник в борьбе за «золото».

Жребий распорядился так, что мы с ним сошлись только в полуфинале. Оба не имели штрафных очков. Значит, победитель встречи становится чемпионом. Предыдущие схватки, мне кажется, я провел нормально, как и положено прошлогоднему чемпиону мира. И на поединок с Масаи вышел в боевом настроении, хотя все время помнил слова моего секунданта Хасана Хутбеева, тренера сборной России, что японец на ковре умеет все и ухо надо держать востро.

Так оно и было. Встреча складывалась тяжело. Первый период японец выиграл со счетом 3:2. Жесткий, цепкий парень. Я чувствовал, что он постепенно опережает меня, значит, физически подготовлен отлично. Во второй трехминутке я прибавил в скорости, сравнял счет, а японец получил предупреждение за пассивность. Я продолжал атаковать, соперник — обороняться. Я почувствовал, что до конца схватки осталось несколько секунд. Значит, вот она — победа! Вот тут-то я и забыл тренерский наказ: «до свистка судьи!». Забыл и уплатил за него. Араи мгновенно прошел в ноги, посадил меня, заработав два балла. Я же до этого выиграл у него только балл. А японец не отпускает. Краем глаза вижу табло, на котором с бешеной скоростью мелькают цифры... И вот они замерли. Все кончено, время схватки истекло.

Никогда не прощу себе оплошности, которая обошлась мне в золотую медаль. Конечно, «серебро» неудачей не назовешь. Но это не для меня. Если доверят выступить на Олимпиаде,

• **Юрий Шахмурадов —
тренер экстра-класса**

честное слово, сумею доказать себе и тренерам, что умею бороться до конца...»

Напомню, что в Минске соревновались «классики», «вольники» и самбисты. Их общая победа была более чем внушительной. Борцы же вольного стиля завоевали на этом чемпионате 4 золотые, 3 серебряные, 1 бронзовую медали. Только два члена сборной остались за чертой призеров, а в целом она в девятый раз отметила командную победу.

Но прежде были достижения и повесомее. Поэтому кое у кого появилось чувство неудовлетворенности, хотя «вольники» в своем постоянном негласном соревновании с «классиками» их и опередили. Я попытался вызвать на откровенный разговор Болеслава Михайловича Рыбалко. Обыкновенно готовый к шутке, веселый, он на этот раз был задумчив и отрешенно серьезен. Вот что он сказал: «Четыре чемпиона в команде — это, пожалуй, шаг назад по сравнению с другими чемпионатами. И, наверное, есть объяснение, почему так случилось. Объяснение, но не оправдание.

Борцы вольного стиля явно прогрессируют, в том числе и наша сборная. Но, похоже, что некоторые наши ребята заранее решили, что медали у них в кармане. И хотя предыдущие соревнования и позволяли так думать, самоуверенность и шапкозакидательство всегда очень опасны. Пожалуй, не было учтено нами и то волнение, которое удваивается в родных стенах. Вот Вася Сьюлжин, горячо поддерживаемый земляками, буквально сгорел на наших

глазах, и ничего нельзя было поделать. Впрочем, может, это и неплохо, что кое-кто получил холодный душ. Соперники без боя наград не отдают. А здесь к тому же мы убедились, что болгары, американцы, монголы не стоят на месте, ищут свои пути, изобретают новинки на ковре. Следовательно, и нам нельзя почивать на лаврах. Тем более что резервы у нас есть. Есть и надежда на олимпийский реванш. Казалось, Саше Медведю трудно, почти невозможно найти замену. Но оказалось, что за его спиной уже вырос Сослан Андиев. Ему только 22 года, но я очень верю в него. А Леван Тедиашвили? Он уже четвертый раз признан лучшим на мировом ковре. Уверен, что он может успешно выступить и на своей второй Олимпиаде».

...Опустился занавес грандиозного спектакля, где актеры разных национальностей блистательно сыграли свои роли. Я долго сидел в полутемной комнатке Дворца спорта, где расположился пресс-центр, и окошко которой выходило в зрительный зал. Телетайп отстучал, мои ежедневные репортажи в редакцию «Советского спорта» были уже переданы. Наступила опустошенность, усталость. Казалось, пережитых эмоций хватит на век. Я думал о том, как важно пропагандировать этот прекрасный вид спорта — борьбу. Вид мужественный и для настоящих мужчин.

Замолчали заключительные фанфары, погасли прожектора. Медали уложены в коробочки. Чемпионат позади. А впереди был Монреаль...»

Впереди Монреаль

Все эти минские дни я мысленно был на ковре. Я «сражался» со своими конкурентами. Примеривался к ним на будущее. Ведь я не сдался. Тем более что золотую медаль на этом чемпионате завоевал не Гулюткин, а старина Баянмунх из Монголии. Известно, что в спорте все непредсказуемо. Так было и на этот раз. И почему бы этой непредсказуемости не

обернуться моей путевкой в Монреаль?

Эта мечта-надежда о второй Олимпиаде родилась у Миндиашвили. Он никогда ее не терял, начиная с Мюнхена. Точнее с того дня, когда мы за победу получили правительственные награды. Он твердил о Монреале непрестанно, и постепенно этот город стал моей навязчивой идеей.

- Сослан Андиев
все растет и растет...
- И снова Толидо. На участке
фермера. Или колхозника?

Как уже знает читатель, чаще всего по моей собственной вине заветная наша с тренером цель то приближалась, то удалялась от нас, то вовсе исчезала из поля зрения. И, кажется, только Дмитрий Георгиевич видел этот город сквозь туман и

Он поступал так, как требовали того интересы его команды. Команды страны. И только мой Миндиашвили не переставал горячиться. Со свойственной ему экспансивностью он порой до хрипоты доказывал тренерскому совету, что «ориен-

мрак моих поражений. Но теперь, после Минска, вопрос о кандидатуре атлета полутяжелого веса в олимпийскую команду снова встал со всей остротой. Кто достоин? Кто не подведет?

В первую очередь, Шахмурадову предстояло ответить на эти вопросы, и он взялся меня проверять со всех сторон.

Горько, но таков спорт: сколько бы ни было титулов у спортсмена, сколько бы раз он ни доказывал свою надежность, но достаточно одной осечки — и главный тренер уже вглядывается в новые лица. Это равно относилось и ко мне, и к моему основному конкуренту — Володе Гулюткину.

И ни один из нас не имел права обижаться, обвинять в чем-то Юрия Аванесовича.

тироваться в год Олимпиады надо только на Ярыгина.

Он даже историю брал на вооружение, вспоминал войну и сибиряков, которые спасли Москву. Но и его яркое красноречие требовало осмысления, серьезных раздумий главного тренера. Впрочем, Дмитрий Георгиевич и сам это понимал. И его яркие монологи о сибир-

ряках относились скорей к психологической подготовке: моей и тренерского совета.

Камнем преткновения был для меня Бюттнер, который имел две победы надо мной. А что если, он и есть тот психологический барьер, одолеть который сибиряк Ярыгин не в состоянии? — вот что особо беспокоило тренеров сборной. Словами здесь убедить было нельзя. Оставалось только успешными выступлениями доказать, что никакого психологического барьера для сибиряка Ярыгина не существует.

Первой вехой на пути в Монреаль был Кубок мира. И в конце марта 1976 года я в составе группы наших борцов в четвертый раз отправился в США, в Толидо, где по традиции проводились эти престижные соревнования. До начала турнира мы, как и прежде, должны были провести товарищеские встречи в разных городах страны. Год Олимпиады делает эти встречи особо волнующими для американцев. Против нас выставляют сильнейших борцов, стремясь проверить кандидатов в сборную США. В некоторых весовых категориях мы видим талантливых, самобытных ребят. Но в целом наша команда сильнее. Мы побеждаем во всех встречах, в том числе и в финале Кубка мира, одолев не только американскую команду, но и сборные Ирана и Канады.

Радуемся нашим успехам. Удивлены и рады отношению к нам американцев. Времена нелегкие, в газетах нагнетаются антисоветские настроения, дуют зловещие ветры «холодной войны», а простые люди словно не замечают этого: встречают советских искренними объятиями, добрыми улыбками.

Мы постоянно слышим: «Вы такие же, как мы. Что нам мешает жить в мире?» Повторю: все это приятно поражало. Неприятно удивили лишь красноярские газетчики. По приезде домой я в одном из интервью рассказал все, как было на самом деле. Открыл газету, а там не только ничего моего нет, но еще приписано то, чего я не говорил: будто в Америке свирепствует безработица, а сами американцы недолюбливают людей из-за «железного занавеса». Чертовщина какая-то! Попытался возмутиться, но мне популярно объяснили, что так надо. Для меня главным итогом Кубка мира были победы во

всех поединках. Следствием их стала радость, которая светилась в темных глазах Шахмурадова, когда он встречался со мной. Похоже, главный тренер снова начинал верить в меня.

Моя догадка подтвердилась, когда Шахмурадов без колебаний выставил меня на чемпионат Европы. Я понимал, что здесь мне необходимо не просто выиграть, но выступить так, чтобы отпали любые колебания относительно моей кандидатуры в олимпийскую сборную. Я не мог допустить никаких осечек. И я вспоминал такой же чемпионат в Катовице. Ты должен, говорил я себе, повторить в Ленинграде тот же стремительный путь наверх, что и тогда.

Ленинградский чемпионат Европы по своей структуре был не совсем обычным: соревнования проходили не только по вольной, но и классической борьбе, по самбо. Организовать подобные соревнования непросто. Но хозяева оказались на высоте. Дворец спорта «Юбилейный» не пустовал, зрителей было много. А выступать в полном зале — особое удовольствие.

И здесь я вынужден сделать небольшое отступление. Оно связано с тем, что на моих глазах из года в год, от соревнования к соревнованиям и в нашей стране, и во всем мире явно возрастал интерес к борьбе как виду спорта. Думаю, здесь немалая заслуга руководителей Международной любительской федерации борьбы и ее президента Милана Эрцегана.

Скажу хоть коротко об этом человеке, который в борцовском мире пользуется непререкаемым авторитетом и большим уважением.

Родом Эрцеган из маленького югославского города Зренянин. Борьбой увлекся в 17 лет. А вот прозанимался ею всего один год: получил травму, которая приковала его к постели. Но парень не сдавался, справился с болезнью, решил поступить даже в тренерскую школу. Только медкомиссия его забраковала.

Тогда Милан пошел в педагогическое училище, стал учителем младших классов в сельской школе.

Во время освободительной войны с фашистами Эрцеган становится командиром партизанского отряда. За смелость и

отвагу был удостоен высокой боевой награды. В партизанском отряде Эрцеган стал коммунистом.

После войны он — генеральный секретарь Македонского спортивного союза. Затем долгое время возглавляет научно-исследовательский институт спорта, пишет учебники. В 36 лет Эрцегана избирают генеральным секретарем Всеюгославского союза спорта. Тогда же он становится председателем Федерации борьбы Югославии.

Образованнейший человек, знающий в совершенстве десять языков, Милан Эрцеган в 1966 году избирается генеральным секретарем ФИЛА, в 1972 — президентом.

По его идеям и разработкам меняются и совершенствуются правила борьбы, направленные на то, чтобы усилить зрелищность этого вида спорта, его авторитет в мире. По его же инициативе советские научные работники разработали правила соревнований для детей младшего возраста.

За годы президентства Эрцегана борьба стала действительно популярной в мире. ФИЛА сейчас объединяет 125 национальных федераций.

Но в Ленинграде мы еще боролись по старым правилам — по три периода в каждой схватке. Как я и задумал, мне они не понадобились — эти три периода: во многом удалось повторить свой собственный рекорд, установленный на Мюнхенской Олимпиаде. Все поединки я заканчивал до финального свистка арбитра и на все победы истратил всего четыре минуты. Удалось в самом начале поединка тушировать чехословацкого мастера Дрозду, болгарина Костава, Цинглера из ГДР и турка Гючлю.

Журналисты в те дни писали, что Ярыгин выступает с ураганным натиском. Я и сам чувствовал, что пришла необыкновенная свежесть движений, полная раскрепощенность. Было необыкновенно радостно ощущать свою силу.

К сожалению, Бюттнер, мой основной соперник, в Ленинград не приехал. Но тренеры настолько поверили в меня, что даже освободили от майского чемпионата страны в Одессе — решили дать отдохнуть после двух сверхважных турниров.

И все было, как прежде: возвращение в Красноярск, поездка в Сизую, свидание с матерью и отцом, недельное скитание по тайге, рыбалка, охота.

Затем предолимпийский тренировочный сбор. Прошел он

- 1994 год. Москва. Матч века по греко-римской борьбе. Милан Эрцеган открывает турнир

на редкость плодотворно. Олимпийцам помогли те ребята, которые считались вторым или третьим номером.

Моими спарринг-партнерами стали Асланбек Бисултанов,

занявший первое место в Одессе, — молодой, сильный парень из Грозного, и мой закадычный друг Леха Атаманов. Леха выиграл в Одессе серебряную медаль и радовался, как

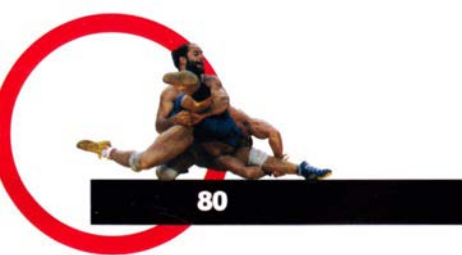
ребенок. А тем, что я включен в олимпийскую команду, похоже, даже гордился.

...Настал конец июля. Дыхание приближающейся Олимпиады чувствуется во всем: в нерве последних тренировок, в заботах портных, подгоняющих на нас новенькие наши формы, в прощальных телефонных разговорах с женами, у кого они есть, с родными. И вот он — последний предотъездный день. Красная площадь. Мавзолей В. И. Ленина и могила Неизвестного солдата, где колонна олимпийцев возлагает цветы. Клятва верности олимпийским идеалам, клятва выступить так, чтобы оправдать доверие Родины.

Как давно и как недавно это было. Сегодня, когда снят Пост № 1 у Мавзолея и от этого он кажется заброшенным и сиротским, когда так много изменилось в нашем отношении к прошлому, все эти клятвы кому-то кажутся настолько «показушными» и оттого ненужными, что сам начинаешь верить, будто были это зряшные затеи. Но вспоминаешь свои чувства тех лет, ту особую приподнятость, когда ты надевал впервые майку или куртку с четырьмя буквами СССР, и думаешь: нет, зряшным делом все эти церемонии не были. Конечно, мы только люди, и каждый хотел показать себя стране и миру, хотел, чтобы им гордились близкие: друзья, родные, товарищи по работе. Но никуда не денешься — вместе с этими, в общем-то, обычными человеческими чувствами жило в нас и нечто большее — гордость за свою могучую страну, за наш советский спорт, за то, что именно тебе выпала честь представлять их перед всем миром. Никогда и нигде не испытывал я в такой мере свою причастность к этим буквам «СССР», не осознавал себя в такой мере частицей своего народа.

Сегодня на форме наших лучших спортсменов вышито прекрасное слово «Россия». Но никуда не денешься и от сознания того, что этому дорогому и любимому слову еще предстоит стать в глазах болельщиков планеты равнозначным «СССР».

- Наш красноярский "мухач" Алексей Шумаков — олимпийский чемпион

В первой схватке — Бюттнер

«Вольники» и дзюдоисты вылетели с последней группой, когда Игры уже прошли свой апогей и близились к завершению. Конечно, было жаль, что мы не участвовали в церемонии открытия, но радовало нас, что снова борцу — Николаю Балбошину — выпала честь пронести по стадиону алый флаг нашей страны.

Синие, тихо урчащие автобусы ежедневно возили нас по широкой авеню Шербрук в олимпийский парк «Мезонев», где были расположены большинство спортивных арен. Они же по вечерам, откликаясь на нашу просьбу, доставляли нас в центр Монреаля.

А центр — это 20-25-этажные дома, всегда многолюдная торговая улица Сан-Катарин, и вдруг перед тобой вырастает буро-серое здание — знаменитый «Форум», где играют еще более знаменитые асы НХЛ. Непривычно, что здесь Дворец спорта — не в стороне от оживленных городских трасс, как у нас, а в самом их центре и, не стесняясь ничего, зазывает прохожих.

Все ново, необычно, но, по правде говоря, нам не до этих вещей. Мы волнуемся. Прекрасно выступили наши ребята — представители других видов спорта. Медали сыпались так, что повара не успевали дарить пышные торты победителям. А мы сгораем от ревности: у классиков, о негласном соревновании с которыми я уже упоминал, семь золотых медалей. Среди победителей, между прочим, и наш красноярец Алеша Шумаков.

При встрече поднимаю его на руки, подкидываю вверх — он ведь сорокавосемьюшник, наш Леха. Молодчага! — кричу ему, — не уронил чести богатырского нашего края! И Володю Чебоксарова обнял, у него «серебро», и он тоже наш, сибирский, родом из Тюмени. Поздравляю парней от всего сердца, но на душе кошки скребут: а каким ты, ты сам, Ярыгин, окажешься сибиряком?

Господи, как же тяжело ожидание, особенно тогда, когда другие, близкие, знакомые тебе люди, свою роль уже сыграли, и сыграли отлично! Скорей бы в бой! Ломаем друг друга на последних тренировках, аж косточки хрустят. Но жажда борьбы не проходит. Это хорошо: значит, ты в пике формы. А тренеры бес-покоятся — не перегорите, ребята, не

сожгите себя до начала... И вот оно начало.

В огромном зале прохладно, а ковер кажется раскаленной сковородкой. Каждый из нас выходит на него с одним желанием — отдать всего себя поединку. Отдать до конца, без остатка.

Можете представить себе мои чувства, когда я узнаю, что жребий подарил мне в первой же схватке Харальда Бюттнера! Ну, в финале, в полуфинале, на худой конец во втором или третьем поединке, а то сразу — в самое пекло.

Боялся ли я Харальда, которому проиграл дважды на чемпионатах Европы? Нет, не от страха сердце екнуло, даже ла-

дони вспотели... А от того, что я тут же представил себе, как я у него... выигрываю. Ведь мы с Дмитрием Георгиевичем долго готовились именно к этой третьей встрече с немецким борцом. Все продумали, прежние схватки просто наизусть выучили. По полочкам разложили. И хотя в спорте конечный результат непредсказуем, мы были уверены — на этот раз победа будет за нами.

...Обстановка знакомая: свист, крики, трещотки. А вот Бюттнер выскакивает на ковер бледнее бледного. Это в нем что-то новое. Но понять можно: сколько лет он — все на подступах к главным вершинам. Европейскую одолел, а вот на мировую не поднялся. Может быть, покорится Олимп?

А пока его трясет от возбуждения. Тренер, сжимая в руках синее полотенце, что-то жарко шепчет ему. Бюттнер замирает, смотрит в одну точку. Представляю, как он внушает себе: «Ты выиграл у Ярыгина. Два раза. Два! Два!!! Он плохо защищается от прохода в ноги. Плохо! Помни об этом!»

А у меня в ушах звенят, бухают медным колоколом рублевые фразы Миндишвили: «Ты должен его разорвать! Ты должен всех здесь разорвать! Ты меня слышишь? Разорвать! Ты для чего сюда приехал? Победить! Только победить... Только! Только!..»

(Не подумайте, что мой тренер со своим «разорвать» — человек кроважидный. Просто в борьбе есть такое выражение. Оно означает — выиграть убедительно, чисто, с несомненным преимуществом).

Бюттнер сразу пытается пройти в ноги. В вольной борьбе — самый распространенный прием. Ведь если ты захватил одну ногу противника, считай, один балл у тебя в кармане: скачущего на одной ноге не очень трудно подсесть.

Да, пройти в ногу — вот что он должен был сделать с самого начала. Но я знаю, помню об этом и не подхожу близко. Потом сгибаюсь, закрываю узкую лазейку между моей грудью и ковром. Бюттнер, похоже, растерялся, начинает догадываться, что я готов к этой встрече, знаю, что он пытается сделать. И вдруг он входит в клинч. Делает обвив, бросок через бедро. Так вот его секретная заготовка! Усилим рук я гашу

инерцию движения и с полседом сбиваю Бюттнера в партер. Есть балл!

До сих пор помню каждый свой прием, каждую секунду того поединка. Я действовал резко, с опережением. Арбитр то и дело вскидывал вверх руку с растопыренными пальцами. В третьем периоде счет уже 13:2. Победа! Победа с явным преимуществом! И над самым опасным для меня соперником!

Миндишвили пляшет у ковра. Шахмурадов улыбается. Публика неистовствует — ей по душе такие острые встречи.

Дальше все идет, как по маслу: аргентинец Верник, чех Дрозд, болгарин Костов, стареющий монгол Баянмунх...

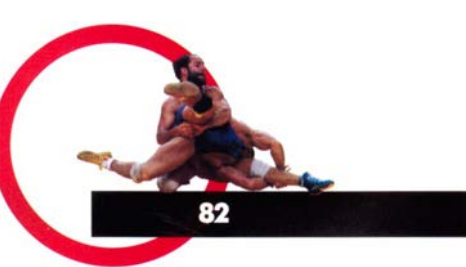
И вот финал. Американец Расс Хелликсен, конечно, не подарок. Виделся я с ним на ковре не однажды и ни разу не уступил. Этого белокурого плотного гиганта я учил хитростям борьбы и на Кубке мира, и во время товарищеских встреч в городах США. Мы с ним по-настоящему подружились. Но в этой финальной встрече я пожалел, что был слишком щедр с ним. Расс оказался способнейшим учеником. Я шел в атаку и видел самого себя словно в зеркальном отображении: Хелликсен не думал отступать, он, как и я, постоянно бросался вперед и делал мои излюбленные броски.

Трудно поверить, но встреча наша закончилась с феноменальным счетом: 19:13.

Мы стояли мокрые как мыши, повиснув на плечах друг друга. Судья пытался нас разнять, чтобы объявить мою победу, но сил у него не хватило...

Моя золотая медаль была уже четвертой в нашей команде. До меня в ранге олимпийских чемпионов уже побывали Володя Юмин, Паша Пинигин, Сослан Андиев. Серебряные медали получили Рома Дмитриев, Саша Иванов, Витя Новожилов.

31 июня в 22 часа по монреальскому времени завершился последний наш поединок: Левана Тедишвили с американцем Беном Петерсоном. Исключительно сильно подготовленный Бен в Мюнхене уже поднимался на высшую ступень пьедестала в категории 90 кг. Естественно, как и я, он мечтал повторить свой успех. И его схватка с Леваном была такой же

- **Виктор Новожилов,
Иван Ярыгин, врач
Виктор Ломадзе, Сергей
Андиев — брат Сослана,
Павел Пинигин**

«каскадной», как наша с Рассом. Но Леван все-таки переигрывал американца во всех острых ситуациях. В общем, то обстоятельство, что наш Тедиашвили перебрался в весовую категорию американца, оказалось для последнего роковым. Советский спортсмен отобрал у него «золото».

Это была наша пятая золотая награда.

А потом случилось такое, чего я не забуду до конца своих дней. На общем собрании советской делегации было решено, что на торжестве закрытия Игр знамя нашей страны понесет Ярыгин. Я растерялся, покраснел... Какая честь выпала на мою долю!

Потом понял — не мне честь, а отечественной школе борьбы. Признаюсь: никогда я так не волновался, как в те ми-

нуты, когда нес по олимпийскому стадиону древко с красным полотнищем.

Должен сказать, что вся обстановка вокруг Монреальской Олимпиады не могла не усилить мое волнение. Дело прошлое, но должен напомнить, что на этой Олимпиаде активней, чем обычно, против советских работали зарубежные спецслужбы и различные общественные комитеты. В адрес советских спортсменов порой звучали угрозы. Хуже угроз были предсказания газет, что половина нашей команды останется в Канаде, «выбрав свободу». Перед самым парадом закрытия анонимный звонок уведомил нас: появитесь на стадионе — будем стрелять. Руководству делегации пришлось связываться с Москвой, чтобы получить разрешение вывести спортсме-

• Орденосцы

нов на парад. К счастью, предупреждение оказалось блефом...

А в Москве нам была устроена грандиозная встреча. От волнения слезы наворачивались на глаза. Мы прятали наши лица в охапках цветов. Мне пришлось выступать на митинге. Помню самое важное, что сказал тогда. Сказал от всего сердца:

— Мы ощущали дыхание Родины...

А в сентябре, открыв в одно прекрасное утро газету, я увидел Указ Президиума Верховного Совета СССР, в нем знакомые фамилии: Ю. А. Шахмурадов — орден Дружбы на-

родов, Д. Г. Миндишвили — орден «Знак Почета», Л. К. Те-
дишвили — орден Ленина и И. С. Ярыгин — орден Ленина.

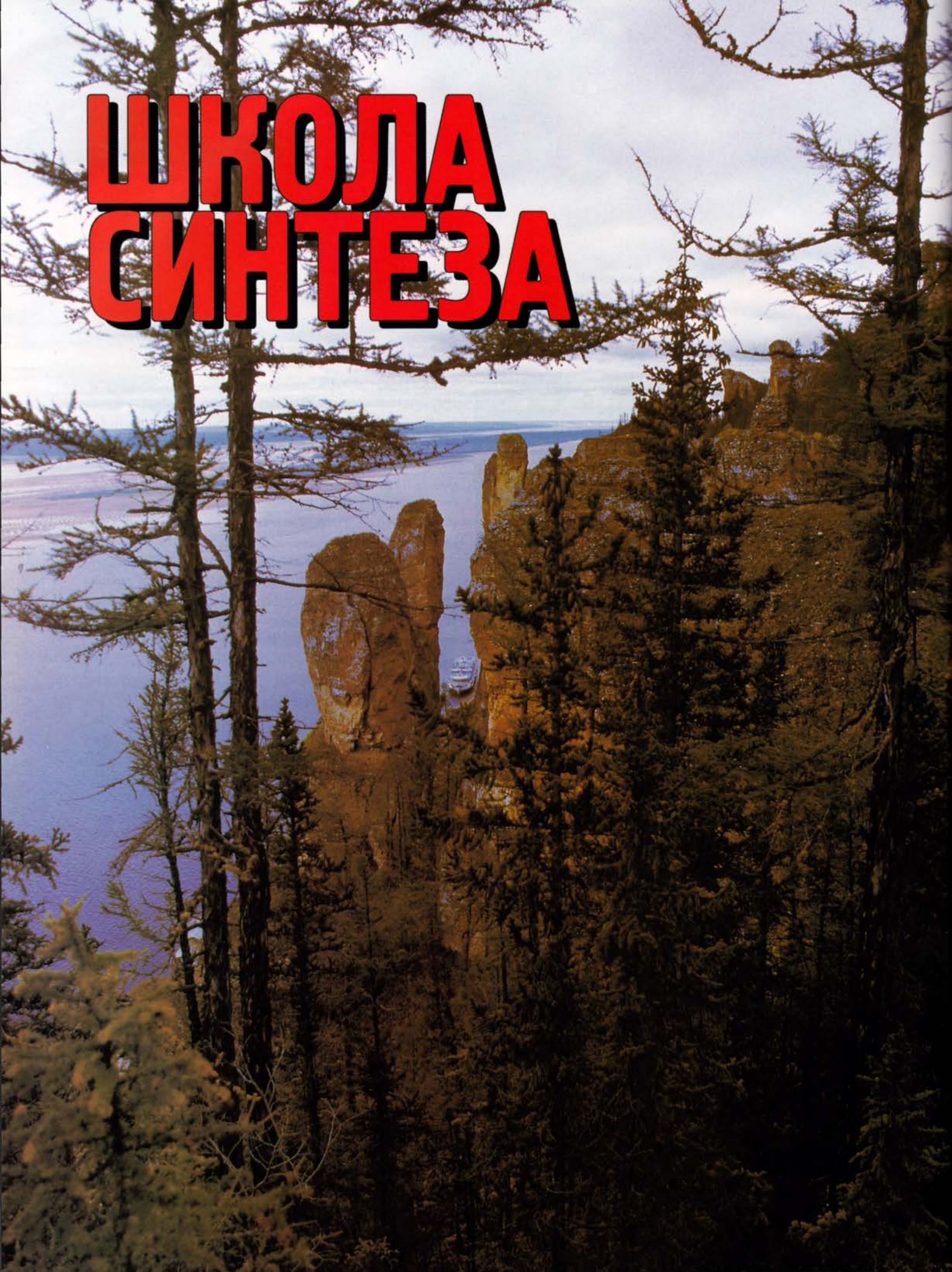
Высшая в то время награда страны вновь обратила мои мысли к Мюнхену и Монреалю, в конечном счете, к самому себе. Чтобы взойти на каждую из этих вершин, мне понадобилось преодолеть что-то в себе, переступить через «не могу». Особенно Монреаль. Точнее, дорога к нему, по которой мне пришлось сотворить невозможное — доказать тренерам сборной, что несмотря на все предшествующие неудачи, в решающий момент я не подведу.

Добиваясь включения в сборную, я ставил на карту не только свой борцовский авторитет, но и авторитет чисто человеческий, что куда важнее. «Можете не сомневаться, — говорил я Юрию Шахмурадову, — я буду олимпийским чемпионом». Это риск, но риск обоснованный: я чувствовал, что пройдя испытания славой и бесславием, мы с моим тренером стали мудрей, настойчивей, беспощадней к себе и друг другу. И это не могло не принести свои плоды. И я был счастлив, когда уже после Монреаля Шахмурадов отметил именно эту мою черту, угадал главное: «Иван Ярыгин на решающем этапе подготовки к Олимпиаде показал пример САМОЗАБВЕННОЙ отдачи. Он поразил нас самоотверженным отношением к тренировкам. Именно это и обеспечило ему новую значительную победу».

Я и сегодня благодарен Юрию Аванесовичу за эту его отгадку.

ШКОЛА СИНТЕЗА

Тайное оружие

И Шахмурадову там, в Монреале, и мне во многих других городах, когда сменил его на поприще главного тренера сборной, постоянно задавали один вопрос: «Чем объяснить феноменальные успехи советской команды борцов вольного стиля?»

На протяжении нескольких лет иностранцы видели разные причины нашего преимущества на мировом ковре. Они говорили о богатом арсенале приемов, о новых методах шлифовки скоростно-силовых качеств борцов и т.д. Но когда в 1987 году во французском городке Клермон-Ферран наша сборная на очередном мировом первенстве победила в 21-й раз подряд, и на пресс-конференции я услышал от испанского журналиста все тот же знакомый вопрос, я ответил на него так же, как Шахмурадов 10 лет назад: «Попытайтесь, господа, понять то, что мы считаем главным. Советская школа вольной борьбы сложилась как творческий синтез тех национальных видов единоборств, которые характерны для многих народов нашей страны».

Конечно, вольная борьба зародилась в США и благодаря им она была включена в программу III Олимпийских игр. В этом плане приоритет американцев бесспорен. Но бесспорно и то, что техническая оснащенность советской команды с самого начала превосходила не только оснащенность американцев, но и других команд. В чем же здесь секрет? Даже неспециалисту ясно, что один и тот же прием или бросок можно исполнить по-разному. Эффект очень часто достигается тогда, когда борец пользуется некими неизвестными сопернику

«нюансами»: может чуть по-другому подсесть, чуть иначе, чем принято, подвернуться или рвануть за руку, искуснее выполнить зацеп или обвив ноги. Эти тонкости умные борцы и тренеры находили в таких вариантах вольной борьбы, как грузинская «чидаоба», якутский «хапсагай», армянский «кох», азербайджанский «гюреш», узбекский «куреш», осетинская «хъабыс хает». Наши борцы — представители разных народов — не только впитывали в себя, как говорится, с «молоком матери» особенности национальной борьбы, но, тренируясь вместе с борцами других национальностей, передавали им свои секреты. То же делали и тренеры.

Превосходный знаток «чидаобы» Дмитрий Георгиевич Миндиашвили лично меня научил очень многому, ценному, что было в этой борьбе.

Не случайно известный спортивный комментатор Котэ Махарадзе, ведя репортаж об одной из моих схваток, заметил, что я сибиряк, замешанный на грузинских приправах. Это было верно и точно: к этому времени я уже неплохо работал ногами, что составляет один из «секретов» грузинской борьбы.

Чтобы объяснить читателю, как и из чего складывалась советская школа борьбы, в чем причины успеха этой школы на международной спортивной арене, мы с Владимиром Голубевым решили рассказать в этой книжке о борцовских центрах страны, о некоторых выдающихся борцах и тренерах. Слово Голубеву, который немало поездил по так называемой «провинции» и имел возможность присмотреться к ней.

Борцовская карта Дагестана

Вольная борьба — любовь и страсть этой горной республики. Лучшие ее борцы — кумиры взрослых и детей. О первом олимпийской чемпионе из Дагестана Загалаве Абдулбекове мы уже рассказали. Сейчас рассказ о человеке, которого называют горным орлом Дагестана. Об Али Алиеве.

Да, именно так — горный орел — называют в республике мужчин, прославивших Дагестан на борцовском ковре. Али Алиев был первым, кто это сделал.

Человек, с одной стороны, счастливый, с другой, драматической судьбы, он первым из дагестанских пехлеванов стал чемпионом мира. Четырежды после этого еще удостоивался такого звания. Пока он выступал на большом ковре, ему не было равных в мире. И никто не сомневался в том, что национальный герой маленькой горной республики когда-нибудь возьмет самый большой спортивный приз — станет олимпийским чемпионом. Но как же несправедливо складывается порой спортивная судьба человека! Али Алиев трижды стартовал на Олимпиадах (Рим, Токио, Мехико) и трижды оставался даже за чертой призеров. Право же, можно было говорить о каком-то злом роке, который преследовал этого смелого и могучего джигита.

Но как ни печалились его земляки, Алиев оставался их кумиром всегда. Честный и скромный, он не испытывал головокружения от успехов, но не опускал рук и при неудачах. Он стойко нес нелегкое бремя чемпиона, которому время от времени катастрофически не везло.

Помню его последнее выступление на чемпионате страны. Это был памятный день и для Ивана Ярыгина: он впервые по-

- Али Алиев — пятикратный чемпион мира

ложил на широкую ладонь небольшой кругляш желтого металла! Такую же медаль взвесил в руке и Али Алиев. С той только разницей, что у него она была девятой! Но великие знатоки и поклонники вольной борьбы, махачкалинцы, одинаково горячо приветствовали и полюбившегося им сибирского богатыря, и своего земляка из селения Чох...

Я помню и слезы на глазах старцев в каракулевых папахах, когда они провожали несравненного Али из спорта. И не только из спорта. Али Алиев, который, несмотря на безумную

борцовскую загрузку, сумел окончить медицинский институт, был приглашен работать в Москву. Для способного и трудолюбивого врача здесь открывалась прекрасная перспектива: защита диссертации, работа хирурга.

И Алиев уехал. Но в один прекрасный для Дагестана день понял, что не может жить далеко от родного края. И вернулся в Махачкалу. Здесь ему, кандидату медицинских наук, предложили возглавить кафедру хирургии мединститута.

Нашел ли он себя в медицине, как нашел себя в борьбе? Его коллеги во время моей командировки в Махачкалу отзывались об Али Зуркарнаевиче Алиеве как о прекрасном специалисте, честном и требовательном руководителе.

Я с удовольствием принял приглашение посмотреть его хозяйство — вторую городскую больницу, главврачом которой он был всего лишь несколько месяцев. Мы ходили по «хозяйству», по стареньким коридорам, заглядывали в палаты, в операционные, и Алиев с присущей ему страстностью рассказывал о закупке нового импортного оборудования, о планах реконструкции здания, об операциях, которые начнут делать в его больнице в самое ближайшее время...

А вечером я заглянул в городской парк, в борцовскую школу «Урожая». Я знал, что Алиев все эти годы тренировал Руслана Ашуралиева, который стал двукратным чемпионом мира, бронзовым призером Мюнхенской Олимпиады. И все-таки после экскурсии по больнице был немало удивлен: при чудовищной загруженности как врача, о каких тренировках может быть речь?

Но для Алиева вечера в зале борьбы — это своеобразный отдых. В тренерском костюме он казался не менее увлеченным, чем в белом халате. Был также деловит, собран, азартен. Восемьдесят мальчишек в его группе. Ничего удивительного, что за два часа тренер стал мокрым: ни минуты не посидел на скамейке, все время показывал и отрабатывал с ребятами приемы.

Но это еще не все: оказалось, еще и по утрам тренер

Алиев, до того как превратиться в Алиева-главврача, проводит занятия со своими воспитанниками на берегу Каспия. Ребята играют в футбол, бросают камни на дальность, борются до изнеможения на песке. Все это называется у Алиева всего лишь «разминкой»...

Помимо мальчишек, Алиев занимался тогда еще и с Магедханом Арациловым, скромным парнем с умными глазами — студентом мединститута. Алиев рассказывал, что пришел он к нему нескладным, худющим мальчишкой и другие тренеры советовали не тратить на этого нескладеныша силы — все равно из такого материала ничего не вылепишь. Но у Алиева железный принцип — не отчислять из группы даже слабых. Наоборот, уделять им чуть больше внимания. И под его руководством нескладеныш вырос в мускулистого, жилистого борца, который, дебютируя на взрослых соревнованиях, сразу же стал победителем Спартакиады народов СССР 1975 года. Знаток, глядя на этого борца, однако, морщились — дескать, техника исполнения бросков не отшлифована. Возможно, так оно и было. Но было и другое — огромная сила и выносливость. И воля. Магомед научился в группе Алиева лучше других бегать кроссы, научился терпеть в изматывающих душу и тело схватках. И не было ничего удивительного, что бывший нескладеныш в 1978 году стал чемпионом мира. А в 1980-м чуть-чуть не достиг самой вершины: досталось ему «всего лишь» олимпийское «серебро».

...Вернусь в то утро на берегу Каспийского моря. После алиевской «разминки» звучит новая зычная команда. Кросс! Алиев бежит впереди всех по песку, затем сворачивает направо на набережную и дальше — в горы. Два часа длится эта утренняя «пробежка», и Алиев все время впереди...

Где истоки любви всех жителей Дагестана к борьбе? Как, в каких условиях зажигаются звезды большого ковра?

Я думаю, что частично нашел ответы на эти вопросы во время поездки по селам Дагестана. Сопровождавший меня Юсуп Юсупов, тогдашний председатель сельского спортивного

общества, объяснил: «Все наши борцы — из горных селений. Алиев родился в селе Чох, братья Насруллаевы — в Тарки, Арацилов — в Чародинском районе. И мы, естественно, ищем новые таланты именно в горных, отдаленных селах».

Наша поездка стала своеобразной иллюстрацией к этому тезису. Приехали в Кизилюрт. Познакомились с двумя тренерами сельской школы борьбы — Гамзатом Султанмурадовым и Дадой Гаджиевым. В небольшом аккуратно побеленном домике у них занимаются 90(!) мальчишек. Маты, сшитые друг с другом и заменяющие ковры. Низкий потолок. Тусклые лампы под ним. Хоромами это не назовешь. Но тренеры знают: со временем появится настоящий спортивный зал — были бы только первые результаты.

...Еще рассказали тренеры, что здесь пять общеобразовательных школ. И каждый пацаненок в этих школах мечтает «попасть в борьбу». Когда осенью звучит по местному радио сообщение, что начинается набор в секции борьбы, буквально туча мальчишек сбегается к залу. Принять всех нет никакой возможности. Как же быть? Устраивают открытое первенство, но здесь обнаруживается, что все «абитуриенты» умеют бороться...

Мне это интересно и радостно, но мои собеседники хотят, чтобы я почувствовал сложность ситуации, когда не только они, но и уважаемые отцы этих мальчишек — знатоки в борьбе, и никак нельзя ошибиться в выборе.

Мы сидим за столом, в полной мере воплощающим знаменитое кавказское гостеприимство. Сидим до глубокой ночи, беседуя о настоящем и будущем школы. Их энтузиазм заразителен. И я уже вместе с ними планирую, как сломать стенку в бывших мастерских и постелить здесь целых два новых ковра, как сделать душ, посадить по дороге в новую школу тенистую аллею, а вдоль нее развесить портреты знаменитых борцов Дагестана...

Приходит время расставания, и я сожалею, что оно настало так быстро. Эти люди за несколько часов стали мне родными и близкими. Они поделились со мной своими заботами, горестями и сокровенными мыслями, и я уже знаю, как повезло их мальчишкам. По тому, как один из репортеров рассказал

- Руслан Ашуралиев — из Дагестана, Павел Пинигин — из Якутии

о своем столетнем дедушке, живущем в далеком ауле, но все еще страстном охотнике и знатоке борьбы, на зубок знающем всех знаменитых борцов, по тому, как другой поведал мне о своей нелегкой судьбе, скитаниях, поиске своего места в жизни, а третий оказался страстным путешественником, — по всему этому я догадываюсь, что помимо борьбы эти люди способны научить своих воспитанников правильной, честной жизни.

В машине я вспоминаю еще об одной встрече. В районном центре Сергокалы я познакомился с тренером Рашидом Рашидовым. Он покорила меня не только скромностью, но и каким-то особо настороженным отношением к своим дорогим мальчишкам. Рассказывая о них, он весь светился от счастья: «Ах, какой у меня мальчик есть. Прямо удивительный мальчик. Борец-мальчик. Уж поверьте мне». И сопровождающий меня Юсупов доверительно шептал: «Если Рашид сказал, ему надо верить. Лично я ему очень верю. Ведь один из учеников Рашида Руслан Караев стал призером чемпионатов Европы. Сейчас в Махачкале тренируется...»

Человек из Чурапчи

Если советская школа вольной борьбы синтезировала лучшие качества национальных единоборств, то сборная СССР была живым воплощением этой школы, подлинным интернационалом талантов. В ней были грузины и украинцы, русские и белорусы, буряты и аварцы, чеченцы, якуты и осетины...

Один из моих очень близких друзей якут Роман Дмитриев — чемпион Мюнхена, Тегерана, серебряный призер Монреаля. Он был первым представителем якутской школы борьбы в сборной. А вскоре эта школа дала Пашу Пинигина, Сашу Иванова, братьев Христофоровых, Колю Неустроева, Васю Гоголева.

Всех их воспитал один удивительный человек — Дмитрий Петрович Коркин. Окончив именитый Ленинградский педагогический институт им. Герцена, Коркин стал учительствовать в своем родном селе Чурапча. Не только знаменитый знаток борьбы, но и великий подвижник, он смог превратить свою школу-интернат в детско-юношескую спортивную школу. Талантливые мальчишки со всей Якутии становились ее учениками. Работая в невероятно трудных условиях, тренируя ребят в зальчике, в котором одновременно могли тренироваться не более десятка учеников, он смог создать известную на весь борцовский мир якутскую чурапчинскую школу вольной борьбы. Школу чемпионов.

Я не раз бывал и в Якутске, и в Чурапче, в других городах этого алмазного края. Думается, что я понял необыкновенную популярность Дмитрия Петровича в своем народе. Он первый в полную меру оценил возможности национальной борьбы «хапсагай». Он увидел в ней одно из выражений талантливости своего народа. И народ был ему за это благодарен, отдавал Коркину на огранку своих самых талантливых сыновей. А их в каждом поселке — великое множество. К сожалению, ни школа в Чурапче, ни школа высшего спортивного мас-

терства в столице республики не могут переварить всех их. В Якутии пошли по пути создания филиалов этих школ в самых далеких поселениях. Здесь идет постоянный отбор юных дарований для дальнейшего обучения в центральной спортшколе в Якутске.

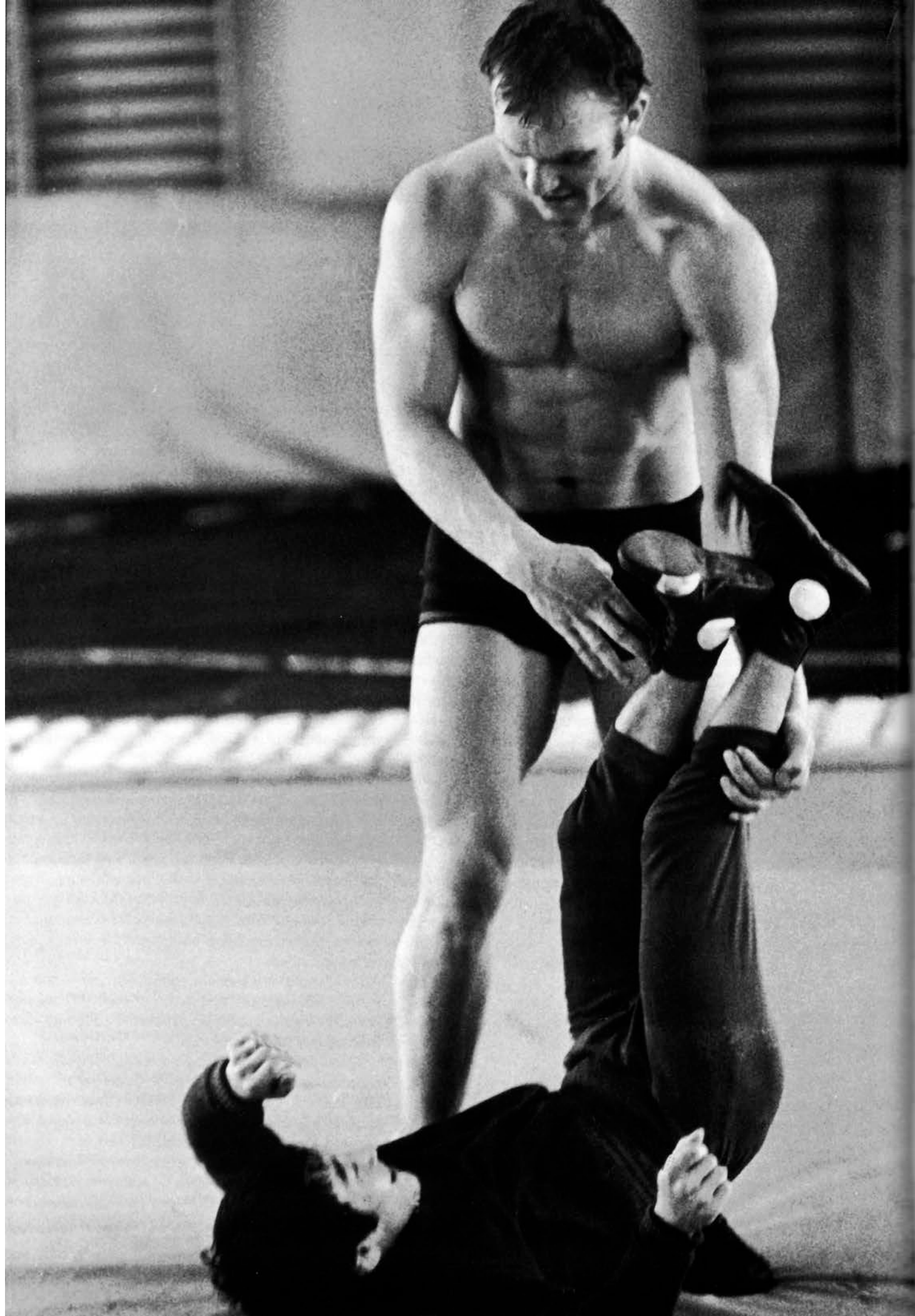
В какой глубинке открываются такие филиалы, можно судить по тому, как добирались до одного из них, что в селе Майя. Чтобы не зависеть от погоды, мы выбрали не вертолет, а автомобиль. Перебрались на правый берег широководной Лены. На мощном пароме шли для этого 25 километров наискосок. Ветер свирепствовал такой, будто стремился снять с нас скальпы.

С парома — на пыльную с большими кучами галечника по обочине дорожку. Ухабы и ямы на ней такие, что, кажется, будто в шторм плывешь на утлом суденышке по морю. Привычный как будто еще в своей Сибири к разным дорогам, здесь я не выдержал — взмолился остановиться, чтобы размять ноги. Через пять минут пулей влетел обратно в «Москвич» — мириады комаров атаковали меня со всех сторон. Попутчики рассмеялись: это вам, Иван Сергеевич, даже не ваша Сибирь.

Нас встретил почетный эскорт мотоциклистов. Чумазые мальчуганы запросто гоняли на мощных «ИЖах». А вот и плакат на деревянном заборе: «Всех приглашаем на спартакиаду!»

Ради этой спартакиады по национальным видам спорта мы и приехали в Майю. Сюда же за многие сотни верст — из Черского, даже из Тикси приехали участники и зрители. Кое-кто добирался в Майю почти неделю — на оленях, катерах, попутках. Ничего удивительного: ведь Якутия — это четыре Франции.

Понравились мне «кыллы» — прыжки с разбега на одной ноге. Какую же крепкую, тренированную ногу надо иметь, чтобы за одиннадцать прыжков улететь на сорок метров.

• "Мухач" Роман Дмитриев — мой любимчик

В Якутии — вот где тренерам по легкой атлетике следовало бы искать будущих мастеров тройного прыжка!

Стрельба из лука, бег, поднятие гирь и, конечно же, «хапсагай». Схватки идут бурно, стремительно. Дотронется соперник после броска или подсечки любой частью тела к земле — проиграл. В «хапсагае» нужна особая увертливость, особая устойчивость. Не случайно Роман Дмитриев и Павел Пинигин даже среди членов сборной выделялись этими качествами.

Естественно, заглянули мы и в сельскую борцовскую школу. Деревянный дом, два ковра. Мальчишки возятся на них без передышки, будто не уставая. Тренер Василий Уваров жалуется: «Всех не можем принять: места не хватает...» Работает он недавно, мечтает вырастить своего Дмитриева. А что? Вот Егор Санников уже «мастера» выполнил... Так что все впереди...

В небольшом селе есть даже свой спортивный музей. Создал его бывший учитель физкультуры Иннокентий Тихонович Васильев. Он же автор уникального исследовательского труда — описание 134 якутских национальных игр. А в музее редчайшие экспонаты: старинные лыжи и коньки, чудом сохранившийся плакат первой Всесоюзной спартакиады аж 1928 года!

Иннокентий Тихонович с благоговением достает шахматную доску. На ней автограф Анатолия Карпова. Побывал чемпион мира в этом селе, не оставил без внимания гордость жителей Майи — музей спорта!

В Майе я много думал о жизни Дмитрия Петровича Коркина. Все-таки удивительно много может сделать даже один человек, если он одержим своим делом, своей мечтой. Сердце сжималось от боли при мысли, что очень мало лет было отпущено Дмитрию Петровичу. Тяжкая, неизлечимая болезнь настигла его. Он знал о ней и все сокрушался, что некому передать дело своей жизни. Больным переехал в Якутск, тренировал, сколько хватало сил, детей, и все присматривался — кого оставить своим преемником?

К счастью, нашёлся-таки такой человек. Бросил Роман Дмитриев Москву, вернулся в родные края. Вместе с Николаем Неустроевым горячо взялся продолжать дело Коркина. Стал искать способных ребят, организовал ежегодный юношеский турнир... Прошло время, и вот уже снова в сборной страны появился якут. Василий Гоголев много раз побеждал на чемпионатах страны, трижды был лучшим на европейском первенстве...

“Претензии” Чечни

На весенний чемпионат Европы 1977 года в моем весе был послан Асланбек Бисултанов из Грозного, занявший первое место на чемпионате страны 1976 года. Я настроился было выступить на европейском первенстве, а мне говорят: «Погоди, нам перспективных ребят обстрелять надо. У тебя задача другая — Кубок мира в Толедо».

Чего греха таить, не без ревности следил я за выступлением Асланбека. Но не подкачал усатый Бисултанов — завоевал «золото», оставив турку Гючлю «серебро», а «моему» Бюттнеру и вовсе «бронзу». А меня грознец настроил на весьма решительный лад в Толедо. Боролся я на Кубке мира

жестко, даже с вызовом. И американца Гарольда Смита сумел «тушировать» через 27 секунд после начала схватки. Местная газета даже написала по этому поводу: «Ярыгин установил мировой рекорд Кубка мира по самой короткой схватке».

Это была моя четвертая победа в личных соревнованиях Кубка. Конечно же, было приятно.

Однако поджидало меня другое, оказавшееся более трудным испытание — чемпионат страны, который на этот раз проходил в моем Красноярске. Земляки радовались этому обстоятельству — трибуны забивали до отказа. Боюсь, что я в эту чашу радости обронил несколько горьких капель разочарований.

92

Не сумел я выиграть у молодого чеченца Бисултанова. Не только хитрее, но и быстрее меня он оказался. Я думал, что за меня «отомстит» дружок мой Лева Тедишвили, но и его переиграл настырный Асланбек.

Вообще, Красноярск в немалой степени огорчил нас, «старичков». Я под грузом штрафных очков опустился на пятое место, хотя и выиграл у молодого «полутяжа» из Донецка Ильи Мате. А тот взял и победил самого Тедишвили. Для нас — огорчение, но представляете, сколько удовольствия доставили поединки полутяжеловесов болельщикам? Ведь неожиданно-

сти — то, ради чего многие и ходят на борьбу. Словом, на чемпионат мира послали Бисултанова. Он победил и там, и его победа окончательно утвердила авторитет школы борьбы тогдашней Чечено-Ингушетии и главного тренера этой школы Дэги Багаева. Прошло два года, и уже другой его ученик, Хасан Орцуев, стал чемпионом мира 1979 года, а Салман Хасимиков сумел четырежды завоевать это звание в тяжелом весе!

Я попросил Владимира Голубева рассказать о Багаеве. Он не раз бывал в Грозном, встречался с Дэги Имрановичем. Ему и слово.

Дэги — значит “сердце”

Интересный он человек, этот Багаев. Кипуч, как извергающийся вулкан. При этом прекрасный семьянин, отец четверых детей. Живет, разрываясь между домом и спортивным залом. Здесь, в зале, он с утра до вечера. Порой и обедать забывает. А ночами, когда все уснут, ведет дневники, делает наброски к книге. Однажды поставив себе цель воспитать чемпионов мира, он, и добившись ее, не успокоился. Не во имя личной славы — а во славу своего народа.

В моем блокноте его рассказ во время долгой нашей беседы у домашнего очага. По-моему, рассказ этот — подлинная исповедь тренера и одновременно урок для тех, кто решил стать на этот трудный путь.

«Когда я в 1966 году вернулся после учебы в Грозный, бор-

цовские секции были разрознены, во многом предоставлены сами себе. Чувствуя в себе огромную и нерастратченную энергию, я брался за все: помогал своим коллегам, тренировал разные группы... Работал черт знает как много, а удовлетворения — никакого. Аллах знает, как сложилась бы моя тренерская судьба, если бы однажды заслуженный тренер СССР Болеслав Рыбалко мне не сказал: «Только тогда разберешься, что к чему в нашей работе, когда начнешь с новичков. Важно самому воспитать мастера. А сразу тренировать взрослых — дело пустое, бесперспективное...»

И осенью того же года я стал искать и набирать ребятшек. Кстати, этим занимаюсь каждый сезон — очень нужная и полезная для тренера черновая работа.

Я спал и видел этих моих новобранцев будущими чемпионами мира. Молодому тренеру это очень важно — поставить перед собой большую цель. Кое-кто из молодых думает: надо поскорей воспитать чемпиона города, области, подготовить побольше мастеров спорта. У меня сразу же определилась мечта повыше — готовлю своих пацанов в... сборную страны.

А начал я с бухгалтерии. Завел досье на сильнейших борцов мира. По справочникам, книгам, из других самых разных источников узнавал, какова сила каждого, скоростная выносливость, какими приемами чаще всего пользуется? Эти качества великих атлетов и стали теми «параметрами», к которым я вел своих ребят через дни, месяцы, годы занятий.

Но чтобы действительно «вести», надо очень много знать. Это очень серьезная проблема — знания тренера. Есть у него то, что он получил в учебном заведении. Есть почерпнутое из книг и статей. Но не надо стесняться учиться у своих многоопытных коллег. Я от души благодарен своим учителям, которые щедро делились со мной знаниями. Это и Петр Федорович Матушак, и Алексей Захарович Катулин, и, конечно же, Рыбалко, и Александр Михайлович Дякин, в свое время возглавлявшие сборную страны. И даже крупнейший знаток классической борьбы Вячеслав Петрович Кожарский, и тот мне во многом помог.

Бери то, что тебе дают. Но бери не для того, чтобы копировать, а применять творчески. Шаблон — вот что самое губительное в работе тренера. Я это вовремя понял и старался сам придумывать упражнения, целые недельные циклы таких отличных друг от друга упражнений.

Каких надо подбирать ребят? Лично я предпочитаю мальчишек из сельских районов. Пришел к выводу, что дети, выросшие на воздухе, испытывавшие с ранних лет большие трудовые нагрузки, значительно выносливее городских.

К примеру, только из села Старая Сунжа вышли чемпионы мира Асланбек Бисултанов и четырехкратный обладатель этого титула Салман Хасимиков. В селе Шатой провели свое детство чемпион мира Хасан Орцуев и чемпион России Магомед Уциев, в селе Гехи родился Руслан Бадалов. Замечательно талантливыми ребятами снабжают меня Урус-Мартан, Саясан, Хасавюрт, Чечен-Аул.

Уговаривать мальчишек прийти в секцию борьбы в нашей республике не приходится. Желающих больше, чем может принять зал. Поэтому отбор идет строгий. Первый и самый главный критерий — не сила, а характер. Конечно, воля — качество воспитуемое. Но лучше, если уже в детском возрасте можно определить, получится ли из мальчишки боец. Может или нет пацан выдержать, к примеру, запрет пить воду из-под крана во время тренировки? Один украдкой сбегает — напьется, другой крепится изо всех сил, выполняет указания тренера.

Знаю: в тренерских кругах меня называют слишком жестким, чуть ли не деспотично-требовательным. Но я лишь сторонник строгой дисциплины. Вырастить чемпиона — значит вырастить личность, а это невозможно без настойчивости, без требовательности. И нельзя здесь полагаться на то, что, имея массу жаждущих бороться мальчишек, ты получишь талант, прорезавшийся сам собой. Даже если это так — сие не для меня. Признаюсь, что талант мне интересен как возможность привнести в него частицу себя.

Конечно, при таком подходе были у меня и педагогические неудачи. Обиженные моей строгостью ученики бросали борьбу или искали другого, более «доброго» тренера. Конечно, было это неприятно. Но я убежден: нельзя бояться обидеть или даже потерять парня, если ты глубоко уверен в своей правоте. Был и остаюсь особо непримиримым к нарушителям спортивного режима.

Их никогда не глажу по головке... Дети — моя боль и моя радость. Не могу видеть дерущихся на улице юнцов, не могу видеть их праздно шатающимися. Не раз вмешивался в уличные драки, не раз приводил драчунов к себе в зал. Убежден, что борьба, спорт вообще — лучшие врачеватели ребячьих душ...

Вот встретил недавно молодого человека. Тот бросился меня обнимать: «Вы ж меня в зал хулиганом привели, Дэги Имранович! Ножи отбирали, курить отучили... Борцом сделали... А сейчас я рабочий человек, техникум закончил... Ну, вспомнили меня?..» Нет, я фамилию парня забыл. А он вот — добро помнит.

В цепочке «ученик спортшколы — мастер высокого класса» самое важное звено, на мой взгляд, — школа, начальные азы обучения. Не раз слышал от тренеров сборной страны, что нередко в основную команду попадают физически мощные борцы, но с плохой техникой, что их приходится не учить, а переучивать. Поэтому становлению правильной, максимально рациональной техники уделяю особое внимание. Обычно уже через три месяца после начала занятий для новичков проводятся первые соревнования. Я отступил от этой традиции: целый год мы изучали основные приемы, азы техники. Для мальчишек это была весьма напряженная работа. Кое-кто не выдерживал, шел естественный для этого эксперимента отсев. Но когда мои ребята впервые выступили на официальных соревнованиях — это было первенство города, — их успехи поразили даже меня: восемь чемпионов и два призера!

Только не надо думать, что все тренировки этого года были похожи одна на другую и что я затеял испытание однообразием. Главную часть занятий составляли разнообразные игры. Изучались правила судейства — это тоже разнообразило занятия и заинтересовывало юных борцов. Но самую большую пользу, по моим наблюдениям, им принесли регулярные «боевые встречи», как мы их называли. Во время таких схваток «туше» не фиксировалось. Но зато удачно проведенный прием приносил сразу четыре балла. Победитель при этом не объявлялся. Тренер непременно оценивал пове-

дение в поединке каждого борца. Например: «Ты, Руслан, молодец: ты вел себя мужественно. А ты, Хасан, выигрывал в счете, но потом растерялся и стал отступать. А ты, Алихан, почему-то боишься бороться. А ведь ты сильный!»

Главное в этих «боевых встречах» было формирование борца, о чем тот, конечно, не догадывался. Чтобы моя нехитрая тактика влияния на характер приносила пользу, я договаривался с более сильным парнем, чтобы тот проиграл несколько баллов слабому сопернику, который его побаивался. По окончании поединка я доказывал неожиданно выигравшему борцу, что он, оказывается, все может, все умеет и никого не должен бояться. Трудно представить себе, какая великая вещь — уверенность в своих силах!

Листаю мой дневник, где записан каждый день тренировок. Наглядно вижу, как много внимания мы уделяли физической подготовке. Занятия акробатикой, плаванием, легкой атлетикой, штангой, футболом, баскетболом и даже прыжками в воду развивали ребят. Каждый вид вырабатывает определенные качества.

Как-то вспомнил замечательного гимнаста Альберта Азарина. Какой у человека великолепный торс! Вычитал, что он был кузнецом. Добыл для ребят кузнечный молот и наковальню. Упражнение «кузнец» — простое, а всем понравилось! И польза большая!

Одно время у нас при школе жил потешный медвежонок. Сколько скрытой силы, и какая при этом мягкость движений, пластика! Можно ли это приобрести не от природы, а тренировками, ломал я голову. Постепенно разработал метод подкачки силы с одновременными обязательными упражнениями на гибкость и растягивание.

А великий танцор Махмуд Эсамбаев научил меня, как можно сделать сильными ноги, правильно тянуть шпагат. Это Махмуд подсказал мне, как необходимо борцам вращение на одной ноге и прыжки с поворотом на 360 градусов. Во-первых, упражнение это прекрасно развивает вестибулярный аппарат, во-вторых, позволяет особо эффективно разучивать приемы с бросками влево и вправо.

Спасибо тебе, Махмуд!
«Все мое» беру у всех и каждого. И не стесняюсь этого. Путь к педагогическому мастерству усеян скорее шипами, чем розами.

Моего учителя учителя

Рассказ Дэги Имрановича Багаева, как его изложил Владимир Голубев, возвращает мои мысли к Дмитрию Георгиевичу Миндиашвили, моему наставнику. Не только в борьбе, но и в жизни. Человек огромного творческого потенциала, выдумщик и фантазер, он ничуть не стеснялся учиться у других тренеров. Как пчела, он брал капли нектара с разных цветов, нес их в свой улей-школу. «Человек имеет право брать, но при условии, что он и сам отдает», — любит повторять Миндиашвили. Взятое он отдавал, в первую очередь, своим ученикам, в том числе и мне, конечно, и сотрудникам своей Школы высшего спортивного мастерства — молодым тренерам.

Естественно, когда Дмитрий Георгиевич, работая со мной, применял приемы, творчески заимствованные у других тренеров, он не говорил о «первоисточниках». Но и не забывал о них. И позже, когда я стал главным тренером сборной, и теперь, когда мы оба возглавляем Федерацию борьбы России — я в роли президента, Дмитрий Георгиевич — вице-президента, он много рассказывал мне о своих учителях. В первую очередь, о главных тренерах сборной РСФСР и СССР — Рыбалко, Крутьковском и других. Но, придерживаясь темы этой главы — о синтетическом характере советской школы борьбы, — перескажу ту часть его рассказов, которая связана с тренерами национальных школ.

Сам грузин, Дмитрий Георгиевич очень высоко и, от себя добавлю, совершенно объективно оценивал вклад грузинских тренеров в становление советской школы вольной борьбы.

Пройти этот путь помогают не только собственные находки, но и опыт других, умение увидеть и учесть свои и чужие ошибки».

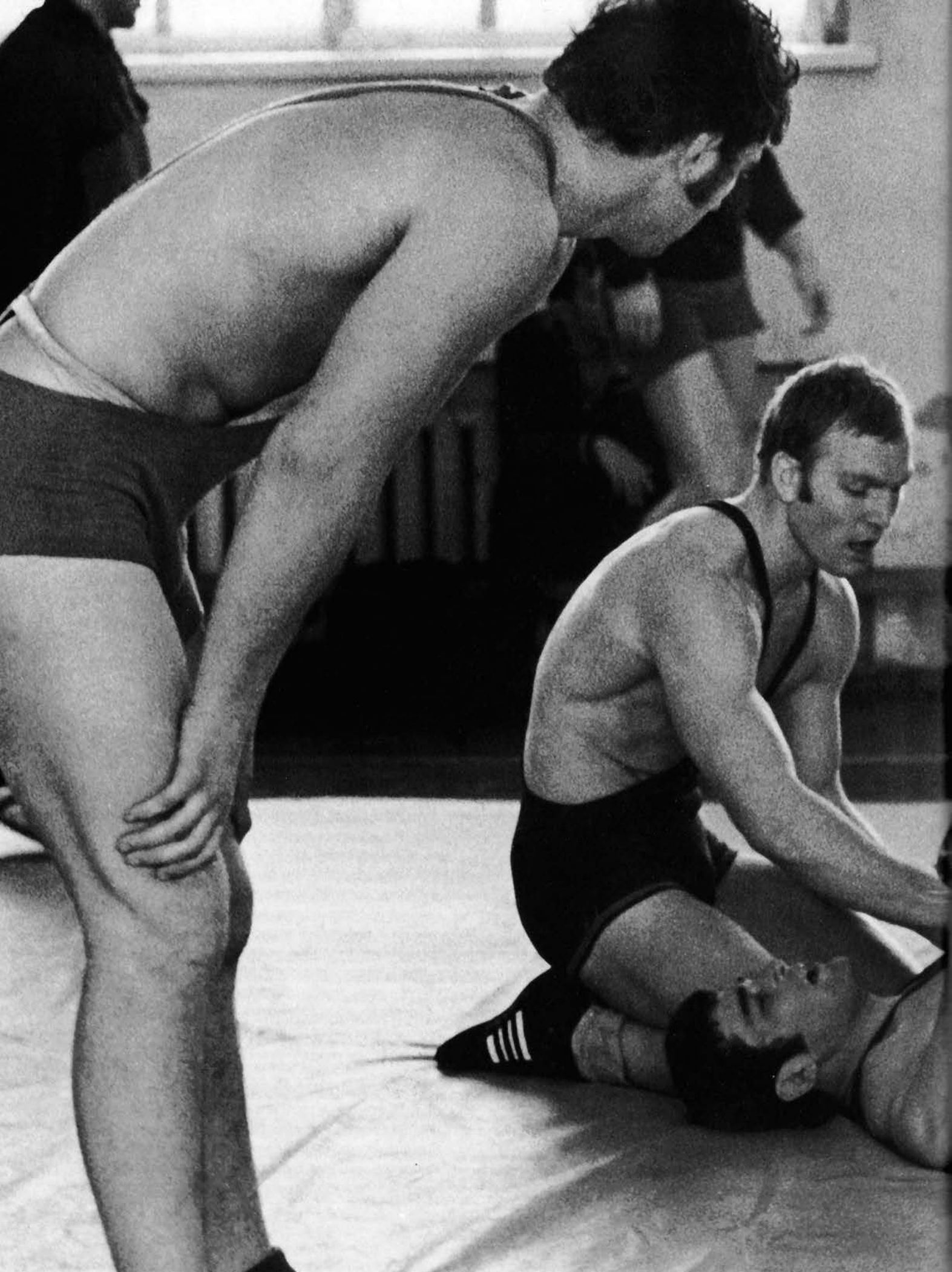
Он говорил, что учился у Вахтанга Куханидзе не столько приемам тренировок, сколько интеллектуальному самообразованию, стремлению овладеть культурой своего народа и культурой других народов. Эту широкую общую культуру Дмитрий Георгиевич считал весьма необходимой для тренера-воспитателя.

Он часто вспоминал Михаила Тиканидзе, который отличался несколько лукавым характером, но ему не было равных в умении тонко выстроить стратегическую линию поведения своих учеников. И эти его ученики, такие как Балавадзе, Карсаулидзе, Арсенян, свидетельствовали о том, как важно для тренера быть тонким стратегом.

Очень интересными предстают в рассказах Миндиашвили Василий Илуридзе и Георгий Ростиашивили. Первый подготовил двух выдающихся борцов — Владимира Рубашвили и моего могучего соперника Шота Ломидзе. Второй — чемпиона мира Ростома Абашидзе и спортсмена совершенно неукротимого характера и воли Зарбега Берашвили...

Четверо этих замечательных спортсменов — во многом плод неповторимых личностных качеств своих тренеров.

Признаваясь, что жадно учился у своих соотечественников, Дмитрий Георгиевич все-таки считает, что больше всего ему дали его осетинские коллеги. В Северной Осетии и впрямь было у кого учиться. Иногда бывало, что из 30 членов сборной команды СССР по вольной борьбе 24 были осетины. И это не было случайным: осетинские тренеры

Асланбек Дзгоев, Кереман Сумеков, Хасан Гиоев — люди, очень разные по характеру, одновременно отличались глубоким пониманием вольной борьбы, высочайшим методическим классом. Они великолепно дополняли друг друга, работая в сборной Северной Осетии, и не зря эту команду сравнивали с чудесным букетом, каждый цветок которого — на особицу, а все вместе являли чудо гармонии.

Со слов Дмитрия Георгиевича, как живого вижу старейшего из осетинских тренеров дядю Мишу Агладзе. Он воспитал названных выше «китов». А умер в возрасте 86 лет, оставив о себе память, как о человеке, обладавшем талантом уникального психолога. Дяде Мише, к всеобщему удивлению, хватало в прямом смысле одного взгляда, чтобы понять, чем человек дышит, чего он будет стоить как борец в настоящем и будущем. «Он умел делать моментальный снимок чужой души, — вспоминает о нем Дмитрий Георгиевич. — А кроме того, держал в своей голове сотни приемов и комбинаций. И это не все. Дядя Миша обладал феноменальной силой внушения. Борцы и тренеры начинали верить ему и в него с первого слова...»

Читатель уже знает, что долгое время моим главным конкурентом был киевлянин Владимир Гулюткин. Потом появился Илья Мате из Донецка. Это были не единственные борцы экстра-класса — воспитанники украинской школы вольной борьбы. В какой-то мере, соперничая с их тренером Арамом Васильевичем Ялтыряном, мой учитель ценил его чрезвычайно высоко. Начать с того, что и сам Арам Васильевич был уникальным спортсменом — шутка ли, 13-кратный чемпион СССР. Это само по себе поразительно. Но тренер Ялтырян поражал своих коллег не меньше, чем Ялтырян-спортсмен. Он неожиданно брал в ученики спортсмена, у которого вроде бы ничего не получалось. А в руках Арама Васильевича этот аутсайдер через 2-3 года становился чемпионом СССР, а то и мира.

...Я не случайно рассказываю так подробно о тренерах, которых хорошо знал лично, и о тех, которых знаю с чужих слов. Тренер в вольной борьбе — это тот мотор, который тянет ее вперед. Люди талантливые,

незаурядные, они не только носители качеств, которыми обладает национальная школа, воспитавшая их самих, они — хранители того особого сплава национальных черт, в мире борьбы называемого «советская школа вольной борьбы». Школа, авторитет которой на Большом международном ковре в течение

десятилетий оставался непоколебимым. Как нам не потерять эти великолепные традиции, как сделать так, чтобы они наследовались новым поколением борцов сборной и их тренеров, — вот вопрос, на который я сейчас ищу ответа на своем посту президента Федерации.

Для чего живем и боремся?

Вопрос, как вы понимаете, нравственный: во имя чего все наши усилия, а порой и муки? Тренировки, сгонки веса (дело более чем мучительное), переживания во время неудач? Кому это, как говорится, нужно?

Рано или поздно ответы на эти вопросы ищут все чего-то стоящие в человеческом плане спортсмены. «Для того чтобы выразить себя, реализовать свой спортивный талант, характер, волю» — такой ответ естественен для любого человека. Ведь чувствовать себя личностью можно лишь в действии, в поступках. Знал я и спортсменов, для которых чемпионство — это жажда славы, уважения. Да и деньги, хотя они были грошами по сравнению с тем, что получали за свои победы наши западные коллеги, тоже играли немалую роль. Нам внушали и внушали, что наши успехи в спорте — лучшая форма пропаганды советского образа жизни. Мы были патриотами, и хотя далеко не все нравилось нам в этом образе жизни, он был наш привычный с детства и, как я и сейчас думаю, во многом более человечный, добрый, чем западный. И конечно же, нам хотелось лично, через свои победы прославить нашу страну. Мы ведь ее любили...

Но, может быть, самый верный и потому самый волнующий ответ на этот вопрос я нашел в мае 1979 года на строительстве Байкало-Амурской магистрали.

Сюда ЦК комсомола и Спорткомитет СССР направили

нашу команду борцов в порядке шефства над Всесоюзными ударными комсомольскими стройками.

Улан-Удэ — отправная точка нашего БАМовского маршрута. Переполненный Дворец культуры одного из местных заводов. Цветы, дружеские приветствия. Мы отвечаем на множество вопросов. Но «гвоздь» встречи — дружеский матч между сборной страны и сборной Бурятии. Конечно, трудно было нашим соперникам выстоять перед такими асами, как Тедиашвили, братья Белоглазовы, Андиев, Пинигин, Прокопчук, но Виктор Рынчинов, тренер из поселка Баянгол, все-таки выиграл у Сережи Корнилаева. Комментировал поединки сам Юрий Шахмурадов, и это добавляло интереса не только у зрителей, но и у нас самих.

В поселке Кичера, что у подножия Баргузинского хребта, мы встретились с ребятами из строительного поезда № 608. В бригадах этого поезда было много парней из Северной Осетии. Они, естественно, захватили в плен Сослана, требуя от него подробно рассказать о чемпионате мира и прочих зарубежных поездках.

Сорок километров на автобусе — «по долинам и по взгорьям» — и мы на так называемой «выносной точке». Здесь работает авангард строителей, рубит просеку, расчищает будущий путь...

«Точка» — две большие армейские палатки. Их мы

и видим, продравшись сквозь вековые кедры. Дощечка на дереве: «Бригада Рябкова».

— Так это же Сашка Рябков! — радостно кричит Леван. — Мы с ним на съезде комсомола познакомились. Сашок, ау! Где ты?

Откуда-то выскакивает Сашок.

Обнимаются, как родные. Шутки, смех. Лесорубы встречают нас как старых знакомых.

Ужинаем у костра. Ночуем в палатках. Леван говорит:

— Ребята, на меня одновременно пикируют тысячи вражеских бомбардировщиков... Нет, вы посмотрите — разве это комары? Это откормленные летающие лошади...

Утром всей сборной выходим на работу. Получаем топоры. Кто деревья подрубает, кто обрубает сучья на сваленных корабельных соснах и кедрах.

Ох, с какой радостью я взял в руки топор. Намахался им вволю. Под одобрительное криканье Тышинского:

— Ну, Вань, ты же профессионал в нашем деле!

Конец смене. Варим уху — три огромных котла.

Ничего нет вкуснее ухи в тайге да после доброй работы. Чуть перевели дыхание, Леван предлагает Саше Рябкову, как выяснилось, самбисту-второразряднику, побороться по бурятским правилам. Хоть и кряхтел Леван, а подсечку прозевал, оказался на земле... Восторги, хохот! Второразрядник разделал чемпиона мира!

Долго сидели у костра. Сережа Белоглазов, тоже чемпион мира, попросил гитару. Здорово поет Серега. А в тайге его песни прозвучали особенно душевно. Приятно было показать ребятам, какие у нас в сборной разносторонние парни.

Утром фотографируемся на прощание и на вертолете летим в тоннельный отряд под Северобайкальском.

Здесь один из самых трудных участков БАМа: тоннели сквозь Байкальский хребет. Условия работы — тяжелейшие, не каждый выдержит. Мы убедились в этом, надев защитные каски и отправившись по путям одного из тоннелей. Треск электросварки, гул мощных вентиляторов и огромных насосов, откачивающих грунтовые воды,

оглушают нас. Почти не слышим друг друга. Вижу, как Сережа Корнилаев не без страха поглядывает на скальные нарезы, морщится от удушающей пыльной завесы. Признаюсь, и мне не по себе. А каково рабочим, отрабатывающим целую смену? Не случайно здесь на самых сложных участках подобрались спортсмены, есть и мастера спорта. Среди них начальник участка Валерий Манюков — хоккеист.

Вечером в поселке тоннелестроителей встречаемся с его жителями. И снова сотни вопросов, свидетельствующих о том, что за вольной борьбой следят даже в такой глубинке. Мы с радостью отвечаем, хочется удовлетворить всех и каждого. Толя и Сережа устраивают показательную встречу, которая превращается в некий спектакль под названием «Красота вольной борьбы».

А тем временем Андиев и Тедиашвили собрали мальчишек и провели с ними пятиминутную тренировку, показывая простейшие приемы. После этого команды Андиева и Тедиашвили вышли на ковер. В первой же встрече первоклассник из сборной Левана победил Сослановского третьеклассника. Тедиашвили весело хвастается смеющимися зрителям: «Видели, какой я гениальный тренер? Моей любимой подсечкой Лешка Русин взял и выиграл!»

Сыграли в волейбол с командой строителей — проиграла. Решили взять реванш в футбольном матче. Меня вратарем поставили. (Во второй раз мое прошлое напоминало о себе: первый раз, когда взял в руки топор, во второй — сейчас, когда встал в ворота.) Леван — защита; Прокопчук, Пинигин, Корнилаев — нападение. Игра получилась увлекательная. Сотни зрителей вокруг поля болели, не жалея легких и глоток. Конечно, за своих. Но мы не обижались...

Почему я так подробно рассказываю об этой поездке? Потому что она оставила особую память в душе. Это память активного познания жизни, которая оказалась совсем не такой, как о ней иной раз (особенно в те брежневские годы) писали в газетах, показывали по телевидению, рассказывали по радио. Здесь и впрямь были «большие трудовые успехи». Но чего они стоили!

- На одном из Кубков Союза я обошел (в команде) и Левана Тедиашвили, и Пашу Пинигина

Люди стойко переносили неустроенный быт, но с болью и горечью говорили о покоренной тайге. Они, естественно, думали о своем будущем. Но говорили нам: «Ну, остаемся мы здесь, а как жить? Где жить? Благоустроенные поселки, клубы, спортивные залы, которые нам обещали, их нет...» Нас благодарили: «С вами мы чуть оттаяли: ведь так нужно простое человеческое общение, новые люди. Слава Богу, вы простые, веселые, свойские парни. Но ведь вы приехали и уехали...» И мы чувствовали себя виноватыми: и впрямь ведь уедем... Поэтому, когда нас принимали в райкомах партии, в райисполкомах, мы немедленно бросались в бой: доказывали, убеждали, что начинать следовало бы с создания элементарных условий жизни, отдыха, спорта. Нас выслушивали, с нами даже соглашались. Но думаю, что в наших речах не было для слушателей ничего нового. Работать, эксплуатируя энтузиазм молодежи, было в то время государственной политикой.

И все же кое-что после наших бесед в «инстанциях» было сделано. Через несколько недель в отдел борьбы Спорткомитета СССР пришло письмо от одного из рабочих БАМа. Он благодарил нас за помощь, писал, что приезд сборной страны по вольной борьбе ускорил создание нескольких борцовских секций для строителей и их детей.

Но для обеих сторон: нас, гостей, и хозяев, наверное, главным итогом встреч было другое. Мы не переставали удивляться тому, откуда у бамовских парней берутся силы для такой работы и жизни. Они после встреч с нами, должно быть, лучше понимали, что только упорный, терпеливый и, если угодно, вдохновенный труд делает из спортсмена чемпиона. В целом для меня эта поездка была чрезвычайно важной тем, что я понял: мой труд, моя борьба нужны людям, они способны им помогать в жизни. Ты нужен — что может быть прекрасней осознания этой такой простой и такой необходимой вещи.

Мой друг Леван

В ту нашу бамовскую командировку в жизнь мы особенно сдружились с Леваном Тедиашвили. Наиболее привлекательным для меня, человека сибирского основательного характера, не очень-то склонного к веселому, легкому восприятию жизни, было в нем неиссякаемое чувство юмора, улыбочивость. Мы могли рассказывать о наших тренировках так, что ребята только удивлялись, какие безумные нагрузки выдерживают борцы. А Леван предпочитал отшучиваться.

«Ребята, — говорил он, — да мы ведь на тренировках дурака валяем. Чуток побегаешь, чуток попрыгаешь, пару раз кинешь кого-нибудь через голову и, смотришь, домой пора — шашлык кушать. А на соревнованиях что?

Я рожу страшную скорчу, усами пошевелю — соперник сам от страха на лопатки падает. Вот и всего делов...»

Там, на БАМе, впрочем, как и в любой другой компании, он собирал вокруг себя шутками и рассказами множество людей. Перед его обаянием не могли устоять ни спортсмены, ни тренеры. А вот о своих победах рассказывал только иронически. Не кичился своими бесчисленными титулами.

Очень редко я видел его грустным.

Но видел.

Если 1977 год прошел под знаком Бисултанова, то уже в следующем сезоне Леван переиграл Асланбека на Международном тбилисском турнире и на чемпионате Европы стал первым.

И вдруг осечка: на мировом первенстве в Мехико Леван в финале попался на прием и очутился на лопатках. «Достал» его все тот же Харальд Бюттнер, который попортил немало крови мне и здесь, в Мехико, сумел-таки завоевать золотую медаль чемпиона мира, о которой мечтал столько лет.

После этого Леван почти год не выходил на ковер.

А я вспоминал, как он в четвертый раз был провозглашен чемпионом мира и шел с медалью на шее по бушующему минскому Дворцу спорта. Шел как всегда — улыбаясь зрителям, подмигивая друзьям. Но я почему-то решил, что радость его наигранная. И, похоже, не ошибся. Минуту спустя, в раздевалке, лицо у него было, нет, не усталое, а какое-то равнодушное ко всему, что только что произошло.

Было это в 1975 году. Но помню, что у меня мелькнула тогда мысль: может, чувствует Леван, что все возможное он уже совершил?

Ему удалось то, что удавалось очень немногим борцам вольного стиля. Леван последовательно прошел на ковре три весовых категории. В весе 82 и 90 килограммов победил на Олимпиадах в Мюнхене и Монреале. А в третьем, очень трудном весе — 100 килограммов — стал чемпионом Европы. А как многому он научил других борцов, внося массу новинок, изобретенных им, в тактику и технику вольной борьбы! Ведь его фантазия была безгранична!

То же можно сказать о его волевых качествах.

В 1970 году Леван в обычной для себя манере, то есть очень серьезно, сказал своему тренеру Вахтангу Михайловичу Балавадзе: «Если через год я не стану чемпионом мира, уважать себя перестану. Вы со мной занимались, силы тратили — как могу подвести вас? И потом мужчина я или не мужчина?»

Балавадзе только языком цокал: «Вах, хорошо думаешь, правильно думаешь, совсем как я думаешь! Я тоже таким был — только чемпионом хотел стать. А что? Раз борцом стал — значит, побеждай!»

И ровно через год Тедиашвили победил на мировом чемпионате в Софии.

Его друзья удивлялись: надо же, с какой легкостью он исполнил задуманное. Им было странно, как этот веселый человек, легко сходящийся с людьми, легко выигрывающий у асов ковра, вроде бы без особых усилий и даже как будто чуточку незаслуженно стал чемпионом мира. А когда после долгих споров тренерский совет назвал Тедиашвили членом олимпийской команды-72, Левана вовсе прозвали счастливым.

Казалось, он и впрямь счастливчик. Даже знатоки не предполагали, что Тедиашвили так легко, с огромным запасом победит на Мюнхенской Олимпиаде. Он настолько был выше классом своих соперников, что казалось, боец выступает не в своей категории. Его преимущество во всем было так очевидно, что даже хитроумный американец Джон Петерсон, щеголь и красавец, уходил после финальной встречи с Леваном с опущенной от стыда головой. А Леван, щедрый на улыбку и человеческую приязнь, поздравлял Джона с «серебром», а его брата Бена, выступавшего в весе 90 килограммов, — с «золотом». Кто мог тогда предположить, что четыре года спустя, перейдя в эту самую 90-килограммовую категорию, Леван «отнимет» и у Бена эту высшую награду Монреальской Олимпиады?

А ведь это совсем непросто — перейти в другой вес и, потяжелев, налившись мускулами, сохранить прежнюю потрясающую реакцию, чувство дистанции, кошачьи движения, мгновенные подсечки и обхваты!

Ах, что он показывал на ковре, мой друг Леван! Это было все что угодно: искрометный концерт, эксцентрика, но только не то, что журналисты называют «жаркими поединками». Какой уж тут «поединок», когда игра ведется почти всегда в одни ворота. Когда каждому видно, что советский боец на голову, нет, на две головы сильнее своего соперника. А победив, он, улыбаясь, сбежал с ковра и в ответ на овацию зала только чуть пожимал плечами: а что, обычное дело...

Да, он был, конечно, «счастливчик», как счастливым можно считать любого сверх меры одаренного музыканта, художника, артиста. Но этот счастливчик умел

умел трудиться, как дай Бог всякому. Умел и трудиться, но не любил об этом говорить. Ему нравилось удивлять.

А в детстве Леван зачитывался детективами. Читал по ночам, читал на уроках. Успевал неважно, и учитель нередко журил его: ходишь, мол, в секцию борьбы, время там зря теряешь, а учишься слабо. Учителям не всегда дано угадать сущность своих учеников. Откуда им было знать, что несколько лет спустя этот мальчик прославится на весь мир, а любовь к детективам приведет его уже после окончания института физкультуры на юрфак Тбилисского университета...

Вся жизнь грузинского села Сагареджа подсказывала ему иной путь, чем тот, по которому хотели его направить учителя. Здесь каждый пацан едва ли не с пеленок постигал приемы «чидаобы». Едва научившись говорить, он мог произнести имя Арсена Мекокишвили — первого советского олимпийского чемпиона, завоевавшего «золото» на первой с участием советских спортсменов Олимпиаде в Хельсинки. Пройдут годы, и Арсен, который родом из соседнего села Георгацминда, поздравит Левана с первыми чемпионскими званиями.

... секцию он пришел в 12 лет к тренеру Ванико Мекокишвили, ныне заслуженному тренеру СССР, воспитавшему 47 мастеров спорта. Ванико и воспитал в Леване любовь к вольной борьбе. Он и посоветовал ему ехать в Тбилиси, искать сильных соперников. Пока Леван не поступил в физкультурный институт, он работал на мебельном комбинате — разнорабочим, шлифовщиком, укладчиком продукции. Отдыхал от праведных трудов в спортзале. И впрямь отдыхал: тренировки были для него удовольствием...

... вот Левана уже целый год нет на ковре. Неужели, думал я, не вернет его предстоящая Московская Олимпиада? Чтобы попасть на нее, надо пройти серьезное отборочное сито: победить на чемпионате страны. И точно — на чемпионате СССР Леван появился. И, несмотря на перерыв, «почти» победил. Говорю «почти» потому, что финальная его встреча с молодым Ильей Мате закончилась вничью. Но победителем оказался Илья — он последним провел техническое действие. «Поединок века», как прозвали эту схватку журналисты,

впервые окончился поражением для Левана. Что ж, время властно над каждым из нас...

...Прошли годы. В дни XXVII съезда КПСС Владимир Голубев, который много писал о Тедиашвили-спортсмене, встретился с ним, делегатом партийного съезда, и записал его рассказ. Вот он:

«Председатель колхоза встает раньше всех. Но так только считается, потому что моя мама Александра Михайловна уже на ногах. С мыслями о дорогом сыночке, для нее всегда маленьком, она ложится и встает. И уж, конечно, не преминет накормить его завтраком. Между прочим, моя мама — донская казачка. Папа, полюбив ее без памяти, привез в свой дом, и прожили они в мире и согласии много лет.

В семь утра в правлении колхоза «Красный Октябрь» проводится планерка. Можно сказать, типично грузинская, то есть бурная, темпераментная. Поскольку я терпеть не могу, когда люди возвращаются на свои фермы и участки мрачные, в плохом настроении, то стараюсь шутками снять напряжение. Человек должен радоваться жизни, правда?

Должен сказать, что лично я готовил себя с самого начала к полноценной жизни. Окончил институт физкультуры, показалось — для такой жизни мало. Пошел на заочный юридический. Закончил. Стало немножко веселей. Работал начальником отдела в милиции. Своими глазами видел, как по-разному складывается судьба пацанов. Поэтому согласился пойти работать в аппарат ЦК комсомола. Стал закручивать дела спортивных подростковых секций. Но со временем сердце стало подсказывать: не это, Леван, твое главное дело. А какое главное — еще не пойму.

Поездки по селам, командировки помогли. Прокашись с ветерком, подышишь горным воздухом — другим человеком себя чувствуешь. Георгацминда, Какабети, Сагареджо — все родные, знакомые села. Люди на виноградниках, плантациях, фермах... Каждый в дом зовет, каждый спрашивает о моих делах... Господи, так вот чего мне не хватает! Вот кто меня к себе тянет! Аж сердце застучало, что твой набат. Ведь прадед, дед,

отец — потомственные виноградари, земледельцы. На этой земле родились. На ней и след свой оставили. Выходит, не только на земле, но и в моей душе, прости, конечно, за громкое слово.

В общем, избрали меня земляки сначала секретарем партийной организации, а два года спустя председателем «Красного Октября». Это в селе Какабети. Правда, хозяйство досталось мне отсталое, нерентабельное, хлопотное. Но я не очень-то огорчался: на ковре, думаю, смог кое-чего добиться и здесь добьюсь.

Конечно, как только почувствовал себя распорядителем кредитов, первая мысль была: а что, если зал спортивный построить? Увлечь всех — от мальчишек до стариков — спортом, чтобы интерес к жизни почувствовали. Но сам же себя остановил. О главном стал думать: почему для многих колхозников труд здесь в тягость? А потому что вынуждены они лозу по старинке обрабатывать. Потому что нет воды вдоволь, нет хороших дорог, которые связали бы их со всей Грузией. И жизнь скучная, и труд не приносит возможных доходов.

И стал я добиваться средств на строительство хорошей дороги и водопровода. Добился. Поверили колхозники, что другая, более богатая и интересная жизнь и для них возможна. Своими руками вырыли траншею длиной в семь километров для водопровода, проложили трубы... Представляешь, какой праздник был, когда вода из кристально чистых горных родников пришла в Какабети!

И дорогу тоже построили! Не верили, что смогут, а все же побежали сейчас по этой дороге легковушки колхозников в Тбилиси: на рынок, в магазины, на концерты!

И новые планы у нас появились. Исполком века в нашем районе выращивали виноград. А что, если заняться еще и животноводством? Теперь ферма — моя главная забота. Приобрели сеялки, трактора, косилки — стали полностью обеспечивать себя кормами. Постепенно и на самой ферме механизуем труд. Улучшилось качество молока, подобрали наши буренки.

Но главное — изменились, повеселели люди: работа перестала их тяготить, и сами они стали инициативней,

изобретательней в своем труде. Великая мудрость — отдавай людям все без остатка, и они воздадут тебе сторицей... Но важно постичь ее самому, на практике. Мне думается, что я ее постиг.

А жизнь подтвердила эту мудрость. Три года назад обрушился на наш Сагареджойский район небывалый град. Всю лозу прибил, колосья положил на землю, в месиво превратил дороги. В прежние времена он бы и людей пригнул, так что разогнулись бы они не скоро. А сейчас и стар и мал бросились спасать виноград. Сутками жгли костры, согревая его, поднимали, привязывали лозу веревками. Нет, никто не дрогнул, не попросил отдыха. Понимали — бьются за свое добро.

Кое-кто думает, что деревенская жизнь — сплошное копанье в земле. Ошибочка! Колхозник к культуре тянется не меньше горожанина, к спорту! А наши мальчишки! Паинек среди них нет. Зато все умеют, потому что с детства познали нелегкий крестьянский труд. И мозоли у них, как у взрослых.

И всем непременно хочется бороться. Ведь в Сагареджа родился легендарный Арсен Мекокишвили, олимпийский чемпион, и еще шестьдесят мастеров спорта по борьбе. Это в одном только районе!

Нет, спортивный зал я пока не построил. Но оборудовал небольшой для борьбы в школе. Нашел себе помощников из числа тех, кто хорошо знает «чидаобу». Начались тренировки. Я сам с «чидаобы» начинал — сколько прекрасных приемов и бросков прямо в кровь мою вошли и очень даже пригодились.

Желающих заниматься борьбой — отбоя нет. Но, подумал я, разве футбол для грузина менее увлекателен? Все у нас болеют, конечно, за тбилисское «Динамо». Почему бы на матчи не ездить организованно? Сейчас ездим. Выигрывают наши — на обратном пути песни грузинские поем, шутим, веселимся, как малые дети.

Но мы не только футбол — мы оперу стали осваивать. Както подходит ко мне немолодой уже колхозник: «Леван Китович, никогда не был я в опере. А так хочется Зураба Соткилаву послушать...»

Через неделю подхожу к нему. «Сегодня, — говорю, — автобус в Тбилиси поедет...» А он: «Что, опять футбол?» — «Нет, дорогой, в театр оперы и балета мы билеты достали. Твой Соткилава будет петь...»

Приятель у меня — Гурам Костава. Знаменитый фехтовальщик, призер Олимпийских игр. Уговорил его открыть в нашем колхозе секцию фехтования. Согласился он неохотно. А теперь ни одного занятия не пропускает, через день из Тбилиси ездит. Очень ему по душе энтузиазм нашей молодежи.

А с девушками нашими мы наоборот поступили. Захотели они заниматься художественной гимнастикой. Но зала у нас пока нет. Так мы для них специальный автобус снаряжаем. Теперь ездят на занятия не к кому-нибудь, а к старшему тренеру Грузии по гимнастике — самой Нелли Саладзе.

Так что, когда в прошлом году все выпускники десятого класса захотели остаться работать в колхозе, у меня сначала дух от радости захватило, а потом я подумал: а как же иначе может быть, если и мы о жизни молодежи, о ее проблемах постоянно думаем. Ну а правление колхоза в ответ на «почин», так сказать, молодых ответную акцию приняло. Раз пошло такое дело, решили члены правления, начинаем строительство стадиона, бассейна и большого спортивного зала — для борцов, фехтовальщиков и гимнасток. Узнали об этом ребяташки — в пляс пустились, такую лезгинку показали — огонь!

Ну а под конец скажу тебе о самом главном. Сбылась моя мечта хозяйственника: из отстающих колхоз начинает выходить в передовые. В этом году впервые приличную чистую прибыль получили — четверть миллиона рублей. Конечно, это немного. Но ведь доброе начало — половина победы. Это мы с тобой и по ковру знаем, правда?»

Я читал этот рассказ Левана, записанный Владимиром Голубевым, и думал о том, что, конечно же, мой друг щедро наделен природой, но ведь и спорт сыграл в становлении будущего хозяйственника-агрария немалую роль. Он отшлифовал его природные задатки, научил широко смотреть на жизнь, понимать, чувствовать молодых. Научил «держат удар» при неудачах. Спасибо тебе, Спорт, за Левана Тедиашвили. Спасибо за то, что парню из тайги ты подарил великолепного парня с гор. Друга.

Тренер. Последний чемпионат

1979 год. Моя третья Всесоюзная спартакиада, бронзовая медаль. «Золото» у Ильи Мате. За ним — Магомед Магомедов.

Илья — загадка для всех нас. Ни капли спортивной злости, мягкий в общении, застенчивый и одновременно ироничный, он даже особой феноменальной силой не обладает. Не может похвастаться и сверхреакцией. И на тебе, побеждает всех, как принято говорить, асов. Единственный ответ на эту загадку — его умение угадывать и опережать замыслы противника и идеальная техника.

У меня третье место, но внутренне я не сдался. Как никак, я пятикратный обладатель Кубка мира, а это тоже чего-то стоит и о чем-то говорит.

Словом, ситуация к 1980 году такая, что мечта о третьей, на этот раз «домашней», Московской Олимпиаде не покидает ни меня, ни Дмитрия Георгиевича. Мой тренер изо всех сил поддерживает меня. Естественно, он жаждет стать воспитателем трехкратного олимпийского. А кроме него, абсолютно созрели для олимпийской сборной мои земляки — Виктор Алексеев и Володя Батня.

Шахмурадов относительно олимпийской сборной сдержан и уклончив: «Решайте сами на чемпионате страны. Победитель — стопроцентный олимпиец...»

А решать придется Мате, Тедиашвили, Магомедову, Бисултанову и мне, грешному.

Свое «решайте сами» Юрий Аванесович сказал в мае, за две недели до чемпионата СССР. Между прочим, к тому времени Мате уже стал чемпионом мира, а Магомедов — чемпионом Европы.

Итак, еще одна «битва гигантов», как окрестили ее журналисты. Состояться она должна в новеньком Дворце спорта, что в Москве, на улице Лавочкина.

По прошествии лет я могу спокойно назвать этот турнир редким и удивительным. Спором настоящих мужчин.

(Извините, что и себя причислил к ним.) Мы сражались честно и до конца. Но Мате снова впереди. Этот загадочный Мате, с которым Леван все-таки завершил схватку вничью, но для победы этого оказалось мало.

У меня — «бронза», слишком мало, чтобы попасть на Олимпиаду.

Прощай, мечта!

И тогда, и позже Миндиашвили был уверен, что, попади я в олимпийскую команду, страна получила бы еще одного трехкратного чемпиона Олимпийских игр. Может быть. Но спорт, как и сама история, не имеет сослагательного наклонения: всякие «если» здесь невозможны. Что же касается меня, то ночь после чемпионата была самой ужасной в моей спортивной жизни. Признать себя побежденным? Но я ведь не смалодушничал, не отступил. Но вот вопрос, Иван Ярыгин: все ли ты сделал, чтобы победить? Недотренировался? Перетренировался? Не подготовил чего-то неожиданного для Мате и Левана?

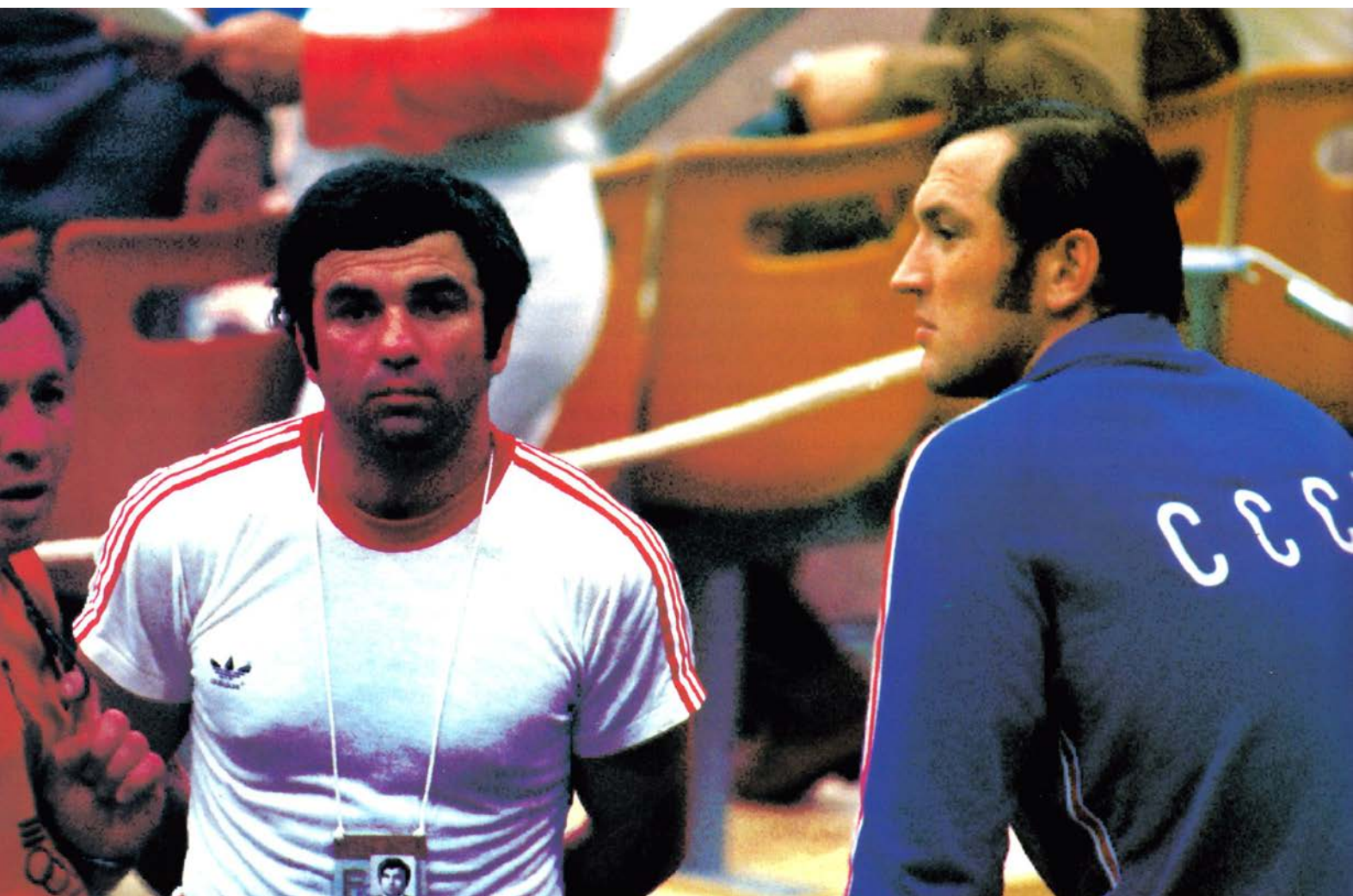
Я думал об этом и вдруг почувствовал страх: хорошо — тут ничего не поделаешь, Олимпиада пройдет без тебя. Но завтра, что ты будешь делать завтра? Ты втянулся в свои четырехлетние муки. У тебя была надежда. Была цель. Как проснуться без того и другого?

Я не знал ответа на этот вопрос. И ни с кем не хотел говорить, советоваться. Я был так уверен, что смогу прыгнуть выше себя, и завоюю право на третью свою Олимпиаду, что и в мыслях не было подготовить себя к поражению.

Промучился всю ночь. Ничего не придумал. Только месяц спустя понял, что чемпионат в Москве — мое последнее выступление на большом ковре. Но и тогда я не предвидел, что это не означает окончательного расставания с ним, что впереди новые большие сражения. Правда, участвовать я в них буду уже в другом качестве.

108

Тогда в Москве

В своих воспоминаниях Дмитрий Георгиевич Миндиашвили пишет, что и сейчас, возвращаясь мыслями к Московской Олимпиаде, он испытывает чувство горечи. На его взгляд, подготовка к Играм сопровожда-

лась ошибками и, хуже того, несправедливостью по отношению к отдельным спортсменам.

Испытал ли я эти чувства? Пожалуй, нет. Как-то незаметно для себя включился в общем-то привычную

роль страстного до сердечных болей «сопереживателя». Со своими ребятами, с родной моей сборной командой.

Конечно, отсутствие на Олимпиаде американских спортсменов, спортсменов ряда других капиталистических стран делало соревнования легкоатлетов, баскетболистов, пловцов более бледными. Несколько ослабла и конкуренция на борцовском ковре. Но при всем при этом нельзя забывать, что наши встречи с американскими вольниками на Кубках мира всегда заканчивались нашими более чем внушительными победами. И что в Москве нам противостояли такие сильные борцовские дружины, как, например, болгарская и восточногерманская. В целом накал схваток на московском ковре был воистину олимпийским, волнение неопишваемым, финалы почти во всех весовых категориях непредсказуемыми.

Мы, конечно, надеялись на всех наших борцов. И в целом эти надежды оправдались.

Начало положили борцы легкого веса братья Белоглазовы: Анатолий и Сергей. Анатолий напомнил мне самого себя в Мюнхене — ни одному из его соперников не удалось продержаться до конца положенного на схватку времени. Его золотая медаль была для нашей команды и тренеров тем более радостной, что в этом весе — 52 килограмма — после Олимпиады в Хельсинки, где победил великий Цалкаманидзе, то есть в течение четверти века, у нас не было олимпийских чемпионов.

Успех брата, между прочим, с теми же результатами, повторил и Сергей (57 кг). Умея насытить схватку самыми изощренными приемами, которые он к тому же проводил в бешеном темпе, Сережа заставил сложить оружие всех соперников еще до истечения положенных 9 минут.

Я уже упоминал о 20-летнем дагестанце Магомед Абушеве. Магомед был из тех борцов, которые умели удивлять даже всезнающих тренеров. Они присматривались к его тактически замаскированным комбинациям с особым интересом. На эти комбинации попадались все борцы, встретившиеся с ним. В результате — шесть побед из шести возможных. И, конечно же, золотая медаль.

Сайпулла Абсаидов (68 кг) сумел сотворить на этом турнире пять «туше». А встречу с очень сильным противником болгарин Янковым выиграл с преимуществом в 5 баллов.

Насколько сильны были на этой Олимпиаде болгары, свидетельствует тот факт, что Исмаил Абилов, занявший в Монреале лишь пятое место, сумел вывести из числа возможных победителей Магомед Арацилова (82 кг) — нашего чемпиона мира. А болгарин Райчев преградил путь к золотой медали нашему Паше Пинигину (74 кг).

Зато москвич Санасар Оганисян (90 кг) в свои 19 лет был назван самым лучшим и самым техничным борцом Московского олимпийского турнира.

Естественно, что я с особым вниманием следил за поединками Ильи Мате. Что ж, Олимпиада показала, что наши тренеры, отдав ему предпочтение перед Ярыгиным и Тедиашвили, не ошиблись. Он явно превосходил всех своих соперников, уложив троих из них на лопатки, у троих выиграл по баллам. Не исключено, что Леван или я выступили бы не хуже. Но это уже из области «если бы...». Илья вполне заслуженно вписал свое имя в список олимпийских чемпионов.

С шестью сильнейшими тяжеловесами мира встретился в Москве наш олимпийский чемпион Сослан Андиев. Троих, как любит говорить Дмитрий Георгиевич, «втер лопатками в ковер». В числе их был самый высоченный из борцов этой весовой категории поляк Анджей Сандурский — 2 метра 15 сантиметров. Как и в Монреале, в финал вместе с ним вышел венгр Иожев Балла. Но в отличие от той Олимпиады Балла скольконибудь серьезное сопротивление оказать Сослану не смог. И Андиев стал двукратным олимпийским чемпионом.

151 спортсмен участвовал в борцовском турнире XXII Олимпийских игр. Они разыграли 10 комплектов медалей. Советская команда завоевала 7 золотых, 1 серебряную и 1 бронзовую медали. Это принесло (с зачетом одного четвертого места) нашей команде 61 очко в неофициальном зачете. Второе место заняла команда Болгарии (39 очков), третье — Польши (24 очка).

- Проводы... Проводы... Проводы...

Московская Олимпиада стала триумфом моих товарищей по сборной и прощальным бенефисом ее главного тренера. Юрий Шахмурадов мог с легким сердцем подвести итоги своей деятельности на этом посту. За семь лет собрана богатейшая коллекция медалей, в которой золотые преобладали.

В конце года мне предложили сменить его на этом посту. Юрий Аванесович уходил в Центральный институт физкультуры на должность доцента кафедры борьбы. Решение, однако, затягивалось. А в это время в Красноярске решили проводить своего земляка с большого ковра.

Инициатором этих торжественных проводов стал, конечно, Дмитрий Георгиевич. По его же предложению эту

акцию приурочили к очередному чемпионату СССР, который проходил в городе на Енисее.

Насколько я понял много лет спустя, мое чествование стоило Дмитрию Георгиевичу немалой нервозности. Дело в том, что в спортивных, и не только спортивных, кругах родилась идея присвоить двукратному олимпийскому чемпиону Ивану Ярыгину звание Почетного гражданина города Красноярска. Все, включая самый высокий уровень, были «за», но до последней минуты дело тормозил всего-навсего один человек, не такой уж крупный партийный работник. И чтобы дело было доведено до конца, Миндиашвили пришлось даже в канун торжества прорваться к первому секретарю крайкома партии П. С. Федирко...

Вспоминяя об этом, чувствую потребность сказать несколько слов об этом человеке, его отношении к спорту и спортсменам. И думаю, что несколько ниже смогу это сделать.

А пока хочу и в этой книжке высказать самую искреннюю, самую сердечную благодарность моим землякам-красноярцам. Дорогие мои, я и в Москве чувствую

свою кровную сыновнюю связь с вами. Я благодарен вам за постоянную поддержку, за все, что вы делаете для развития моего любимого вида спорта, за «ярыгинские ежегодные турниры», которые даже в эти трудные для спорта времена вы умеете провести с поистине сибирским размахом и гостеприимством.

• Я - тренер!

В возрасте Христа

Известно, что это 33 года. Именно в эти лета Иисус Христос и начал свою проповедь, определился как величайший реформатор религии и морали. С того времени 33 считается возрастом всяческих добрых человеческих начал. Больших и малых.

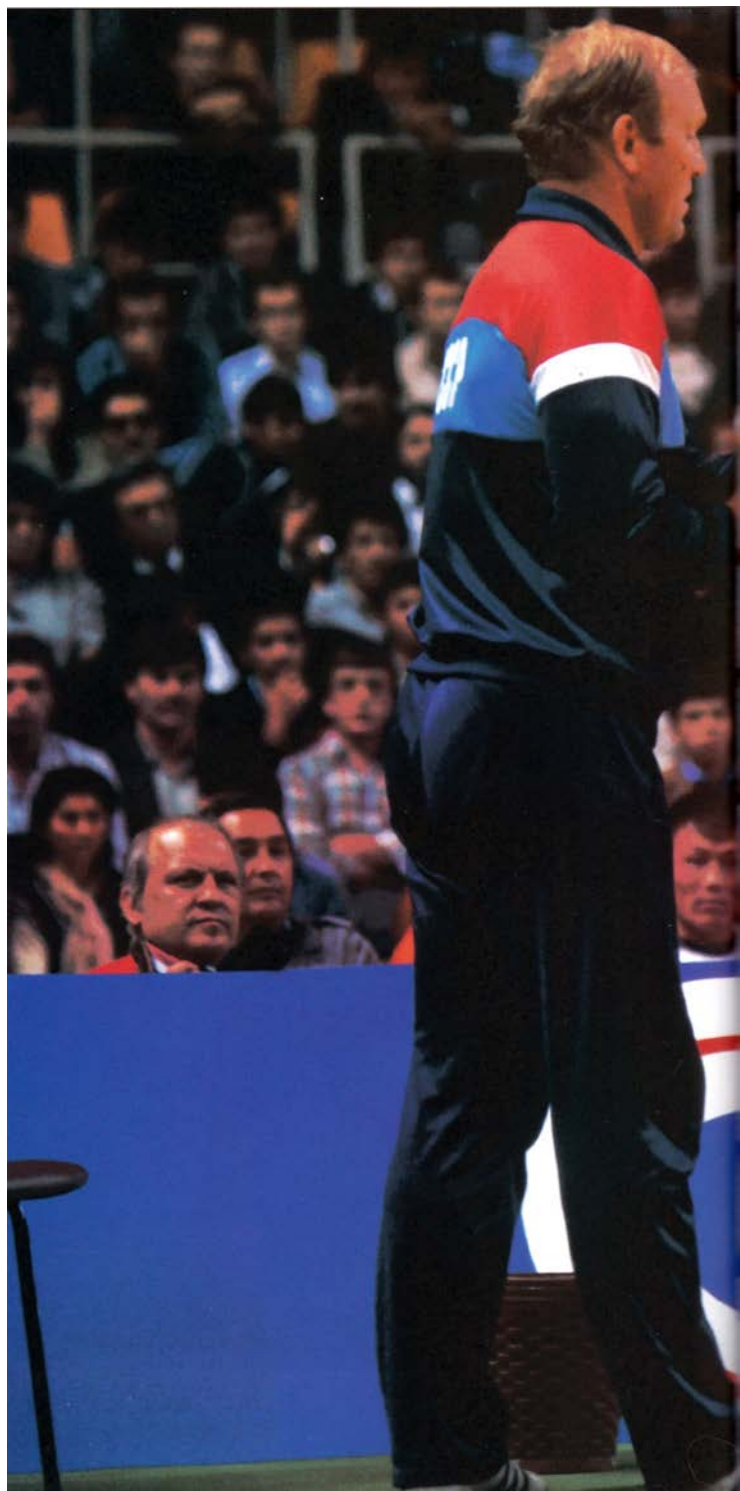
Мне было 33 года, когда я стал главным тренером сборной команды страны по вольной борьбе. Для чего переехал в Москву.

Возраст предполагал, что мне будет нетрудно освоиться в новой должности. Тем более что мое назначение на нее было поддержано практически всей спортивной общественностью. Но были в этой новой работе стороны, не свойственные моей натуре, даже противоположенные ей. Меня удручали всякого рода незнакомые спортсмену организационные сложности, необходимость составлять планы, думать о средствах, а главное, постоянно находиться в ситуации необходимости делать выбор.

К счастью, мне в жизни всегда везло на хороших людей. И это счастье мне не изменило в момент перехода в главные тренеры.

Самой надежной опорой, постоянным моим советчиком стал Дмитрий Георгиевич Миндиашвили. Я уже немало сказал о том, какую роль он сыграл в моей жизни борца, став не только учителем борьбы, но и учителем жизни. В новой ситуации, где Ярыгин — главный, а Миндиашвили рядовой тренер сборной, наши отношения подвергались серьезному испытанию. Не знаю, как я, но Дмитрий Георгиевич, на мой взгляд, выдержал экзамен с честью.

Так было, когда я, вопреки предложению Миндиашвили послать на Олимпиаду в Сеул его ученика красноярца Владимира Модосяна, остановил свой выбор на воронежском спортсмене Александре Тамбовцеве, так было с Виктором Алексеевым, тоже учеником Дмитрия Георгиевича,

но хотя я не всегда был точен в своем выборе, это не отразилось на наших отношениях. Меня всегда очень поддерживала убежденность моего тренера в том, что в целом-то я «поляну вижу» и бываю прав чаще, чем не прав.

По существующему положению я мог «командовать» тренерами сборной. Но у нас сложился союз единомышленников, для которого единственно верный стиль руководства — выработка коллективных решений. Дмитрий Миндиашвили, Алексей Атаманов (гостренер по Украине), Гранит Таропин (наставник братьев Белоглазовых), Хасан Хутбеев (старший тренер сборной России), Роман Дмитриев, врач Валерий Пироговский, гостренер Всесоюзного спорткомитета Леонид Колесник, Валерий Онопко (старший тренер молодежной сборной), Шамиль Невретдинов (тренер олимпийского резерва) — вот кто составлял тогда мозговой центр команды.

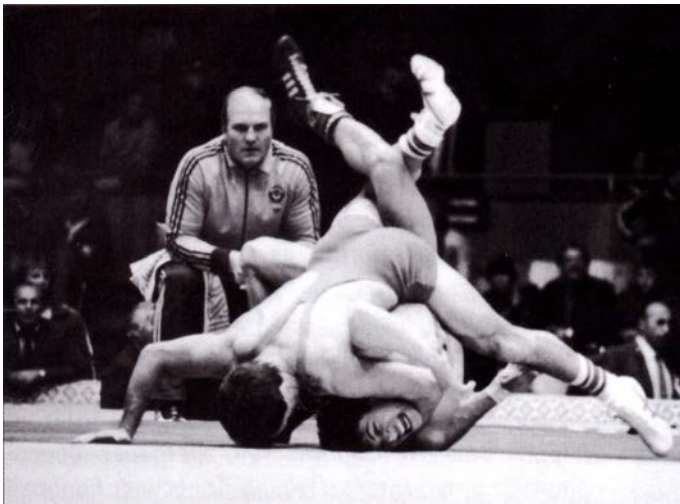
Впервые в роли главного тренера я поехал на чемпионат мира осенью 1981 года. Естественно, очень хотелось, чтобы уже «моя» сборная выступила не хуже, чем, к примеру, на чемпионате 79-го. Мы решили включить в команду четырех олимпийских чемпионов: Сергея Белоглазова, Сайпулла Абсаидова, Санасара Оганисяна, Илью Мате.

Не хватало Абушева, который проиграл на чемпионате страны красноярцу Виктору Алексеєву. Андиев всерьез занялся кандидатской диссертацией. Толя Белоглазов перенес операцию.

Вместе с тем чемпионат имел для нас принципиальное значение. Ведь на Московской Олимпиаде не было американцев и ряда других серьезных наших противников. Чемпионат должен был показать, чего мы стоим в действительности. Так что нет ничего удивительного, что я ходил, по отзывам друзей, «белее мела». С одной стороны, успокаивал, подбадривал ребят. С другой — Дмитрию Георгиевичу меня самого приходилось «приводить в чувство». А нервничать было из-за чего. Неожиданно вяло провел одну из встреч Илья Мате, и заработал в результате только «бронзу».

114

Эльбрус Короев повредил руку и сошел с дистанции. Не лучшим образом выступил Яраги Шугаев...

И все-таки у нас — пять чемпионов мира! Совсем неплохо... А для меня этот двадцатый чемпионат, в котором приняли участие борцы из 29 стран, — время первых серьезных тренерских раздумий. Я убедился на примере основных соперников, что вольная борьба таит неисчерпаемые возможности для совершенства. Понял и то, что нас упорно и небезуспешно догоняют. Заметно повысили физическую подготовку болгарские, иранские, японские спортсмены. Разнообразнее стал у них арсенал эффектных и эффективных бросков.

Мы не могли учитывать всего этого. Предстояло в занятиях сборной обратить особое внимание на комбинационность атак в конце каждого периода, научить наших борцов лучше прежнего работать ногами. Прежде это была одна из самых сильных сторон советских борцов, сейчас нас догоняли и здесь.

Стало ясно, что и сама сборная нуждалась в серьезном кадровом обновлении. Как всегда в подобных случаях здесь был немалый риск. Но мы решили, что лучше рисковать, чем стоять на месте, пассивно ожидая, чтобы нас превосходили по всем статьям. Мы рискнули и...

Словом, на Кубок мира-82 повезли много новичков и проиграли американцам. Для меня, признаюсь, это было

как ушат холодной воды. Казалось, стоит теперь появиться в Спорткомитете, как на меня начнут указывать пальцами: «Это тот самый Ярыгин, которому доверили команду, а он не справился...»

Но окончательно упасть духом мне не дали ребята и тренеры. Андиев, Виктор Алексеев, Белоглазовы не то чтобы утешали, а напоминали мне, что от неудач никто не застрахован. Я и сам понимал это, но как важна в таких случаях поддержка товарищей!

После чемпионата страны в Орджоникидзе мы провели самый тщательный отбор кандидатов на чемпионат мира. Тренерский совет, который никогда в подобных случаях не проходил спокойно, на этот раз кипел и бурлил по-особому. Но, к счастью, никто не стал тянуть одеяло на себя, все личные интересы отошли на второй план перед общей целью.

Счастливая цифра «7»

Потом, когда все будет закончено, и мы поздно вечером соберемся в одной из комнат студенческого общежития в канадском городе Эдмонтоне, Сережа Корнилаев, наш капитан, скажет:

— А ведь как тяжело было на тренировках, ребята... Никто не сачковал, не отлынивал... Никому не хотелось проигрывать. И не только за самих себя переживали, за команду. Поэтому и отношения были здоровые, без фальши, правда?

Сережа самый маленький в команде, «мухач», но и самый авторитетный. Ребята всегда уважали его за честность, какую-то душевную основательность... А сейчас вообще готовы подписаться под каждым его словом. Ведь победа! Да еще какая — кое в чем неожиданная для нас самих.

Реально взвешивая свои шансы перед чемпионатом, мы полагали, что можем рассчитывать на пять золотых медалей. Но ребята выступали так азартно, так храбро, порой так жертвенно, что от наших соперников — да каких! — только перья летели!

В результате — мировой рекорд всех чемпионатов мира — сборная СССР завоевала сразу семь высших наград! Плюс одну серебряную и две бронзовые.

Успех такой, что новичок на чемпионате должен вроде бы радоваться «серебру», а Осман Эфендиев смотрит на капитана глазами, полными печали. Мальчишка, всего 18 лет. Дебютант первенства. А занял второе место и... заплакал от горя. Забился в углу, ни на кого не смотрит. Подхожу: «Сам виноват. Чего растерялся?» А он мне: «Поэтому и обидно. Зачем мне это "серебро"?»

Видели пацана? «Серебро» его не устраивает. Но в душе прикидываю — честолобив. И характер есть. А какой из тебя борец, если ты лишен этих качеств? Тренерские мысли...

Слушаю Сережу Корнилаева, вместе со всеми пью чай

и ем арбузы, с удовольствием смотрю на своих ребят. Толя и Сережа Белоглазовы. Тип по-настоящему современных спортсменов: широкий кругозор, начитанность, социальная активность, неизменная доброжелательность в общении с людьми. Чувствуют, черти, мое особое к ним отношение — любимцы, можно сказать, — но никогда ни в чем не используют это.

Илья Мате — мой соперник еще в недавнем прошлом. Конечно же, было дело, ревновал. А сейчас его успех и мой успех. И я по-настоящему счастлив, что Илья «исправился»: смог обратить «бронзу» 81-го снова в «золото» 82-го.

Далеко не легкий характер уже у трехкратного чемпиона мира Салмана Хасимикова. Но зато он самый легкий среди тяжеловесов мира и самый лучший. Эдмонтон подтвердил это.

Я еще не знаю, что год спустя в Киеве Салман, как и Сережа Корнилаев, станет чемпионом мира в четвертый раз.

Они в четвертый раз, а сборная страны во второй раз установит своеобразный рекорд — снова семь золотых медалей мирового первенства!

Чего греха таить — было чертовски приятно принимать поздравления коллег, возглавляющих команды наших соперников: «Мы, кажется, знаем все ваши секреты, тренируемся по вашим методикам. Но почему-то золотые медали выигрываете вы...»

И даже честолобивый Дан Гейбл, который всегда очень остро переживает неудачи своих учеников, вынужден был признаться: «Я так надеялся на то, что в Киеве добуду пять золотых... Но теперь приходится признать, что вы сильнее нас, американцев, и с этим мы пока ничего не можем сделать...»

Семь золотых! Только мы, тренеры сборной, да наши ребята знали, чего это нам стоило. Работа шла на износ, казалось, вот-вот наступит та самая мертвая точка, тот мо-

- **Киев-83. Чемпионат мира.**
Милан Эрцеган и Николай Пархоменко вручают Кубок за командную победу

мент, когда не выдержишь и сбросишь обороты, уступишь усталости. Но мы удержались в заданном ритме. Было немало методических новинок, и они поддерживали наш интерес к тренировкам. Главная же задача заключалась в том,

чтобы значительно увеличить количество технических действий в единицу времени. Для этого требовалось одновременно повысить выносливость, обострить реакцию, разработать необычные тактические схемы ведения поединков.

Дружба-84

Конечно же, главная цель нашей сборной, как и всех других сборных страны и мира, были Олимпийские игры в Лос-Анджелесе. Но менее чем за месяц до начала этих Игр правительство решило не принимать в них участие. Страны соцлагеря, все, кроме Румынии, поддержали это решение. Формальная причина — участие в Олимпиаде расистской ЮАР. Но все понимали, что это «мсть» за бойкот Московской Олимпиады.

«Игры» политиков обернулись для многих спортсменов самой настоящей драмой. Шутка ли — люди готовились к Олимпийским играм, кто четыре года, а кто и целых восемь лет! Напряженнейший труд, колоссальное нервное напряжение — все оказалось напрасным! Трудно передать то чувство горечи, которое овладело всеми нами при этом известии. Чтобы как-то компенсировать труды спортсменов и тренеров, были придуманы соревнования, названные «Дружба-84». Провести их вызвалась Болгария.

Нелегко пришлось тогда тренерам. Надо было поднять у ребят упавшее настроение, разогреть их, вселить жажду борьбы. Похоже, нам в нашей сборной это удалось.

Борцовский турнир этих международных соревнований прошел в Софии и оказался вполне представительным. На ковер Дворца спорта «Септември» вышло около двадцати чемпионов и призеров мировых и европейских первенств.

Атмосфера на этих соревнованиях была действительно дружеская. Атлеты разных стран: из СССР и Чехо-

словакии, Монголии и Кубы, ГДР и КНР, Польши и Болгарии — вместе проводили тренировки, бегали кроссы.

Об этой атмосфере свидетельствует и то обстоятельство, что нашему тренеру Граниту Таропину было дано поручение курировать афганских борцов, которые прилетели в Болгарию без своего тренера. Таропин все успевал — заниматься афганцами, тренировать Сергея и Анатолия Белоглазовых. Оба выиграли по золотой медали (а всего мы получили семь — снова семь! — высших наград). Я особенно радовался этой победе семейного дуэта, в котором Анатолий год назад на чемпионате мира в Киеве получил лишь «бронзу». И сейчас победить обоим для братьев было принципиально важно.

Тогда в Киеве Толю утешали, говорили, что после тяжелой операции на желудке и «бронза» — большая удача. Но он ничего слушать не хотел: не спал, не ел от огорчения. Братья всегда любую неудачу воспринимали как личную трагедию.

А проиграл Толя в Киеве болгарину Валентину Йорданову. И надо же так случиться, что и в Софии в первой же схватке Толю ждал все тот же сильный борец.

Я всматривался в Анатолия. Не дрогнет ли? Ничего похожего. Глаза горят, тело — заведенная пружина. А на ковер выходит уверенно, спокойно.

Господи, что он вытворял в той первой схватке! И все у него получалось! Сопrotивлялся по-настоящему Йорданов только первый период. Толя придумывал такие

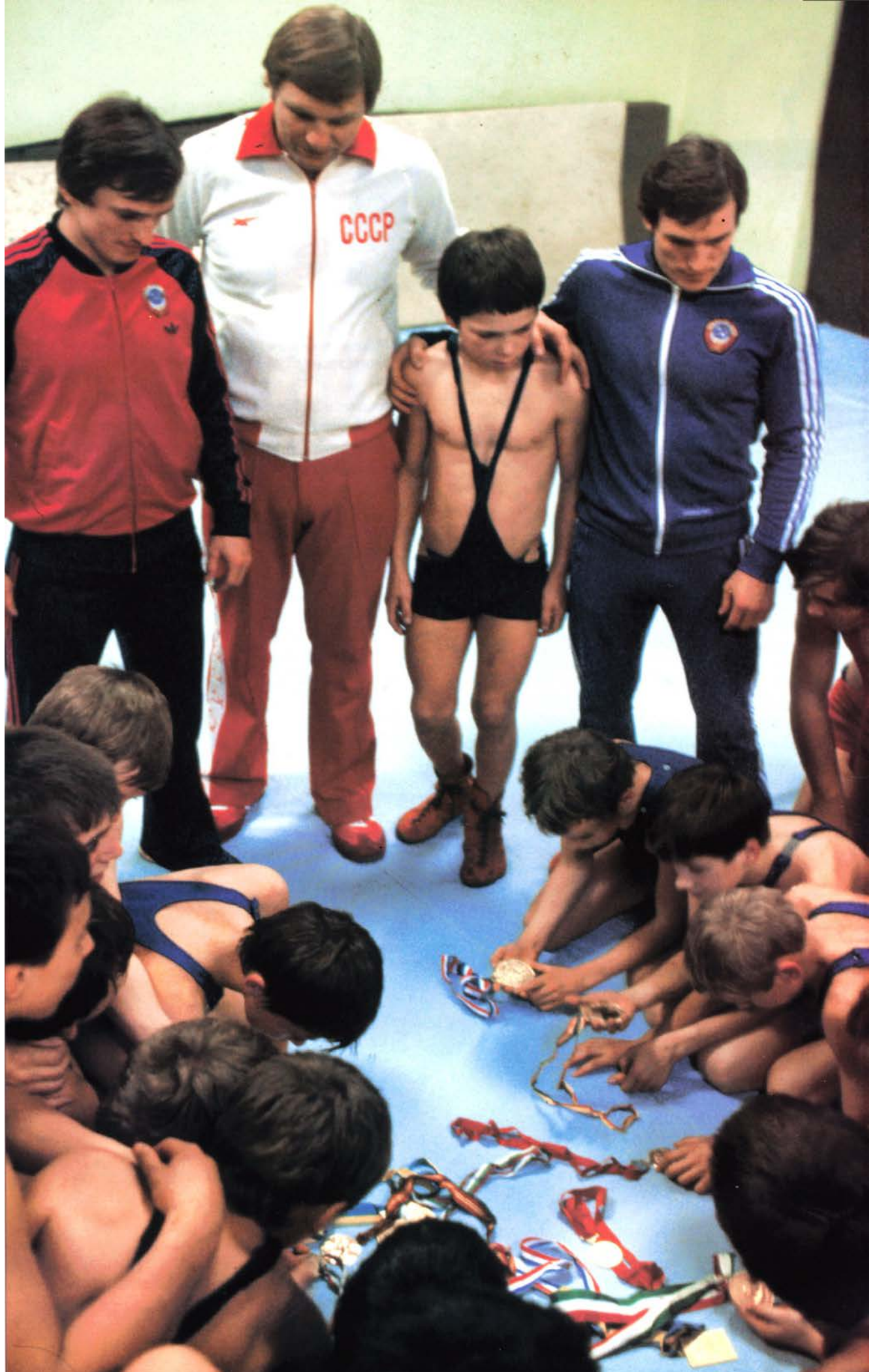
неординарные ходы, что тот опешил. После схватки пошел ко мне старший тренер болгарской сборной Желязко Димитров: «Мы ведь тоже готовились, казалось, все предусмотрели... Но Белоглазов просто превзошел себя. Прима!»

Там, в Софии, Анатолий, между прочим, повторил своеобразный рекорд Тедиашвили: трижды побеждал на чемпионатах мира и трижды в разных весовых категориях. Но если Леван шел в весе по возрастающей, то Анатолий сначала победил в весе до 48 кг, потом в весе до 57 кг. А в Софии в весе до 52 кг. В интересах команды мы попросили его выступить именно в нем. И Толя согнал для этого восемь килограммов. Задача, требующая от борца огромного напряжения воли.

Хотя соревнования назывались «Дружба-84», на ковре, как это часто бывает, кое-кто о дружбе забывал.

Не везло хозяевам соревнований — болгарам. Один за другим выбывали из числа претендентов на «золото» их борцы. И вот Семен Штерев, единственный сохранивший шанс на победу, встречается в финале с моим земляком Виктором Алексеевым. Виктор сразу же пошел в атаку, зная, что Семен сгонял вес и долго быстрого темпа не выдержит. Увлечшись, Виктор допускает ошибку и теряет один балл. Расчетливый, хитрый Штерев, чувствуя превосходство нашего борца, решает ограничиться этим баллом до конца схватки. Но Алексеев атакует его бешено, инициатива полностью на его стороне. И тогда Штерев симулирует травму, поскольку правилами отводится 5 минут на оказание медицинской помощи. Этого хватает на то, чтобы перевести дыхание. Затем Штерев поднимается и через несколько секунд падает на ковер снова. Виктор пытается его поднять, но тот лежит как труп. Вик-

120

• Анатолий и Сергей
Белоглазовы

тор разъярен до предела: отрыв все тот же — единственный балл, но сделать ничего нельзя. Тем более что симпатии судьи «почему-то» на стороне болгарина. И тут раздается гонг. Миндиашвили подает протест. Но именно в эту минуту в зале гаснет

свет. Включить видеозапись невозможно. А по правилам, если протест не рассмотрен в течение 20 минут после схватки, он аннулируется. Миндиашвили неистовствует: еще бы, Алексеев — его новая надежда, один из любимейших учеников...

Но проходит время, и мой тренер успокаивается. Советская команда одержала убедительную победу. Настроение у всех прекрасное. Печалиться на общем радостном фоне не к лицу.

Вскоре после соревнований правительство устроило для тренеров и спортсменов-победителей великолепный круиз по Черному морю на теплоходе «Тарас Шевченко». О том, каким был этот круиз, свидетельствуют слова, которые ребята говорили тогда друг другу: «Вот мы и пожили при коммунизме». Что же касается моего учителя, то он в том плавании выдержал своеобразный марафон: 16 вечеров подряд был тамадой за нашим столом. Никто не хотел передавать бразды правления застольем

• Вот он, человек-гора
Джимми Джексон!

в другие руки. Очень красивые тосты предлагал наш тамада. В каждом из них он непременно кого-то восхвалял, порой даже слишком. А мне объяснял: «Не жалея для человека хороших

слов. Пусть они будут даже авансом. Но, получив такой аванс, человек захочет его отработать. Значит, ты помог ему стать лучше...»

Рассказывает Сослан Андиев

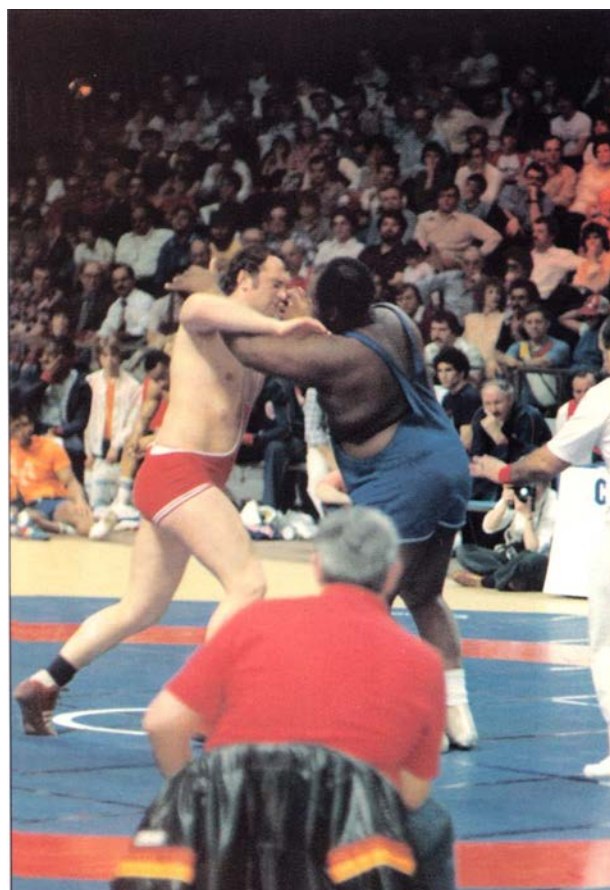
Я невольно снова заговорил о людях, особенно близких мне, — тренерах сборной. Об их воспитательных секретах. Тренером стал и выдающийся боец Сослан Андиев, двукратный олимпийский чемпион, четырехкратный чемпион мира.

Меня всегда удивляло в этом человеке то, что он при своем характере стал борцом. На ковре надо быть жестким, даже злым, а он — мягкий, добрый, застенчивый. Сколько же надо иметь сил, чтобы при необходимости преодолевать в себе эти природные качества.

Свидетель многих его великолепных поединков, я удивлялся, как этот тяжеловес не похож на тех «мешков», которые обычно давят массой. Сколько было экспрессии, порыва в этом баскетбольного роста борце! Как умно он боролся — с выдумкой, без стандартных ходов и приемов. Но не только в этом была его сила.

На чемпионате мира в Мехико в схватке с Роландом Герке из ГДР Сослан попал в критическую ситуацию: полторы минуты он стоял на «мосту». Казалось, еще чуть-чуть нажмет противник, и Андиев будет повержен — окажется на лопатках. Какой же волей надо обладать, чтобы в течение 90 секунд выдерживать этот пресс и, в конце концов, найти в себе силы вывернуться, да еще и отыграть потерянные баллы!

Когда его спросили в раздевалке, как это удалось, обессиленный, мокрый от пота Сослан проворчал: «Вспомнил, как четыре года назад проиграл на

чемпионате мира и как не мог тогда смотреть в глаза своим землякам...»

Но видел я Сослана и совершенно убитого горем. На Кубке мира в год Московской Олимпиады наша сборная в финале вдруг уступила американцам. Самым обидным для нас оказался проигрыш Андиева. Хотя все было против Сослана: бушующий до штормо-

122

• **Сослан Андиев — атлет и министр спорта**

вой отметки зал Дворца спорта, в котором уставшие за три часа поединков зрители с появлением 180-килограммового Джимми Джексона почувствовали приток новых сил, и сам этот горообразный чернокожий американец, рядом с которым Сослан мог чувствовать себя тростиночкой.

«Гора» оказалась не столь неповоротливой, как можно было ожидать. Джексон знал приемы, пытался атаковать, для чего постоянно шел на сближение, чтобы завалить противника.

Сослан вынужден был рисковать. И он рискнул — пошел на бросок прогибом. Но скользнула пятка по влажному от пота ковру, и Джексон запросто придавил его.

На Сослане лица не было. Его победа уже ничего не решала. В командном споре догнать соперников было уже нельзя. Но всем нам очень хотелось, чтобы он поставил нашу красивую точку в этом споре. Чтобы хоть чуть-чуть подсластил горечь поражения.

Не вышло... Какой бы ни была счастливой и долгой дорога в спорте, она неизбежно приводит каждого к тому порогу, за которым начинается другая жизнь. Эта новая жизнь может быть разной: в спорте и вне спорта. Сослан, окончивший сельскохозяйственный институт, все-таки остался в спорте.

Вот что он мне рассказывал:

«К роли тренера привыкаю трудно. Но и другого пути не вижу. Оказалось, не могу без ощущения борьбы, без ковра, которому отдал столько лет жизни. Плохо лишь, что время моего ухода с него, как спортсмена, затянулось. И именно это время оказалось для меня самым мучительным. И знаешь, Иван, нам, тренерам, это следует учитывать в своей работе.

Я всегда считал, что покидать ковер нужно красиво. Уйти следует с вершины. У меня же этот процесс оказался болезненным, хотя знал, что поражения буду переносить очень трудно. Я ведь понимал, каким потрясением был для меня проигрыш в 1974 году на чемпионате мира в Стамбуле румыну Ладиславу Шимону. Вернувшись из Стамбула, я дней двадцать боялся выйти из дому, так переживал. Братья меня чуть не под руки вывели на люди. Правда, не будь того поражения, не было бы у меня и победы на Московской Олимпиаде. Но все это начинаешь понимать позже. Начинаешь понимать и то, что проигрыши придают спорту не меньшую привлекательность, чем выигрыш.

Конечно, в силу этих причин в борьбе для меня таилось немало радостей. Прекрасно, выходя на ковер, ощущать каждый свой мускул, чувствовать азарт, веселое волнение. Даже в тренировочных нагрузках есть своя поэзия. И все-таки... Очевидно, у каждого есть свой порог. К своему я подошел в 28 лет. Намного раньше, чем, например, Александр Медведь. Но ведь ни один человек не похож на другого. В сущности, по внутреннему своему самочувствию я не должен был выступать и на Московской Олимпиаде. Ушла радость. Я понимал, что каждый человек

сам должен решать свои проблемы. Медведь жаждал установить рекорд в вольной борьбе — стать трехкратным Олимпийским чемпионом. Это было его право. Мое право считать, что сущность занятия спортом — дойти до той вершины, имя которой олимпийский чемпион. А сколько раз ты им станешь — это уже совсем другое дело.

Я понял это не в 28, а в 26 лет. За два года до Москвы. И готовился к Олимпиаде уже не потому, что страстно хотел стать двукратным, а под давлением обстоятельств. Мне говорили, что я нужен, что без меня не обойтись, и я считал своим долгом добром отвечать на добро. Ведь говорили мне это люди, которые и вывели меня в чемпионы.

Я слишком многим был обязан спорту, чтобы уйти из него, не считаясь с теми, кто меня к нему приобщил. Я вспоминал, как меня, шестиклассника, впервые привели к тренеру Асланбеку Захаровичу Дзгоеву. Представьте: невысокого роста 85-килограммовый толстячок, который даже отжаться не может, даже кувырок сделать не в состоянии. А через год он становится худым, высоким, подтянутым.

Я выступил в Москве. Выступил успешно. И было самое время красиво уйти. Но я еще два года с лишним тренировался, выступал. Зачем? Во имя чего? Просто не всегда люди, от которых зависит твоя спортивная судьба, хотя и прислушиваются к спортсмену. И не всегда они и впрямь лучше тебя знают, что тебе нужно. Бывает, к сожалению, что твой голос заглушают их мысли о самих себе, их желание благодаря твоим успехам подольше продержаться в большом спорте».

А вот что Сослан рассказал Владимиру Голубеву.

Продолжает Владимир Голубев

«Знаешь, что мне говорили после Москвы? Не торопись, говори, не совершай бесповоротных поступков. Ты еще очень

нужен — твой опыт поможет молодым борцам. А я понимал, что дело не в моем опыте. Его я мог передавать и как тренер.

Срабатывало правило — выжать из спортсмена все до последней капли. Но возражать было бесполезно.

Неожиданно узнал, что включен в состав сборной для участия в розыгрыше Кубка мира. Не устоял перед соблазном выступить на этих интереснейших соревнованиях, да и хотелось уйти от мучавшей меня неопределенности. Приехал домой победителем. И, конечно же, услышал: вот видишь, как все хорошо складывается. Говорить об уходе в этой ситуации было бесполезно. Я знал, что запас прочности во мне еще есть. Ее уже не хватало на максимальные результаты, но для тех, кому важны были зачетные очки, я еще был нужен. Меня, однако, это не устраивало.

И 1982 год, как и предыдущие, я начал с тренировок. Знакомая-презнакомая спортивная база в Новогорске. Сумрачное январское утро. Шеренга борцов. Напротив — тренеры. И, конечно, Ярыгин. Мы с ним хорошо понимаем друг друга — сколько лет тренировались вместе. Огонь, воду и медные трубы прошли. Я надеюсь, что он-то меня поймет, когда я сделаю то, что решил сделать этой бессонной ночью. И выхожу из шеренги борцов, перехожу в шеренгу тренеров и говорю: «Мое место здесь!» Все опешили. А Иван Сергеевич схватил меня за грудки и прямо-таки втолкнул в борцовский строй: «Ты что, на тебя все смотрят!..»

Первый раз не понял он мою боль. Первый и, к счастью, последний.

Юрий Шахмурадов, когда был главным тренером сборной, постоянно укорял меня за отсутствие агрессивности на ковре, за излишнюю мягкость. Должно быть, он был прав. Решительности, настойчивости не хватало мне в то январское утро: я остался там, куда меня втолкнул Ярыгин.

Подшел чемпионат Европы. Ехать на него должен был Хасимиков, мой давний товарищ и соперник. Но перед самым отъездом в Варну Салман получил серьезную травму. В такой ситуации раздумывать нечего. Надо спасать команду и ее тренеров.

Тот европейский чемпионат психологически был для меня очень трудным. Выступать, не выкладываясь, я не

умел. Но не мог и не думать об уходе. По всем законам такая раздвоенность должна была кончиться моим поражением. Но в Варне мне просто везло: выпал очень удачный жребий. И снова я — победитель.

Но я-то знал, что все это — просто удача. А меня опять никто не желает слышать. И когда полтора месяца спустя начинается чемпионат страны, да еще в моем родном Орджоникидзе, меня снова атакуют словами о долге перед республикой, о ее спортивной чести. Словами, после которых «нет» не скажешь. Кроме того, кое-кто стал поговаривать о том, что я просто струсил... В общем, начал я готовиться к чемпионату.

Нервные нагрузки, которые я тогда испытывал, были так велики, что, в конце концов, наступил момент, когда я почувствовал: мне нечем бороться. Но на ковер вышел. Начал неплохо. А в полуфинале проиграл моему земляку Борису Бигаеву, который много лет назад переехал в Киев...

Кому все это было нужно? Почему никто не внял моим словам? Теперь-то я понимаю: человек обязан сам принимать решения. И все-таки плохо, когда в трудный момент нет людей, которые помогли бы его принять...»

Скажу прямо — не очень-то приятно слышать этот рассказ Сослана в передаче Володи Голубева. Я чувствовал и свою личную вину...

В феврале 1985 года на Тбилисском международном турнире мы провожали Сослана и Нодара Модабадзе с большого ковра. Ковра, который заключает в своих границах едва ли не всю жизнь спортсмена, полную страсти, напряжения, неожиданностей. В Тбилиси съехались друзья этих борцов, болельщики, тренеры. Трогательная, очень добрая церемония вылилась в настоящий праздник интернациональной дружбы...

Сразу после турнира Сослан приступил к тренерской работе. И много сделал для того, чтобы в сборной страны сохранились традиции дружбы, взаимной поддержки и высокой требовательности к себе. Традиции, которые цементировали наш коллектив уже много лет. Сослану крепко помогали в его работе такие

хранители этих традиций, как Дмитрий Георгиевич Миндиашвили, бессменный парторг сборной на протяжении многих лет. К должности этой можно сегодня относиться по-разному. Но я со своей стороны должен признать, что это парторг, который работал на моих глазах и вместе со мной сумел стать

нужным, необходимым команде в целом и каждому ее члену в отдельности.

Работа в сборной у Сослана Андиева получалась. Но в 1989 году ему предложили хлопотливую должность председателя спорткомитета Северной Осетии, и он принял этот пост.

Это было, было...

Я уже говорил о том, что сила советской школы вольной борьбы заключалась в том, что она сумела взять, творчески переработать и применить все лучшее, что было в национальных видах борьбы.

Взять хотя бы ту же осетинскую школу, выходцем из которой был Сослан Андиев. Никому в голову не придет назвать его выдающиеся успехи на мировом борцовском ковре только его личной заслугой. Дело, конечно, не в нем, а в том, что он, как любит говорить Миндиашвили, «впитал с молоком матери», то есть взял от своего народа. В противном случае Сослан остался бы чемпионом-одиночкой. Но ведь эту же школу великолепно представляют такие атлеты, как Савкуз Дзарасов, Борис Кулаев, Елкан Тедеев, Алимбек Бестаев, братья Андиевы... А в последние годы моего руководства сборной буквально гремели имена Арсена Фадзаева и братьев Махарбека и Аслана Хадарцевых.

На мировом первенстве 1986 года в Будапеште Арсен в третий раз получил золотую медаль, и еще до начала этих соревнований президент ФИЛА Милан Эрцеган вручил ему «Золотую борцовку» самого лучшего борца вольного стиля 1985 года. Эту золотую борцовку Фадзаев получил дважды!

А братья Хадарцевы в том же Будапеште повторили золотой дубль братьев Белоглазовых. Махарбек и Аслан боролись в поединках так виртуозно, что не уступили соперникам ни одного балла. Право же, тот

будапештский турнир можно было бы назвать «осетинским»: сразу три золотые медали!

Впрочем, Северная Осетия давно привлекала взгляды знатоков вольной борьбы. Маленькая, не на виду Тува мало кому была известна. Но вот в 1983 году в сборной страны появляется тувинец Саша Доржу. До этого он в отличном стиле победил всех на чемпионате страны. Мы взяли его на чемпионат мира — второе место!

Сашин тренер Валерий Оюн тоже пришелся ко двору в сборной. Оба небольшого роста, на вид щуплые, тихони и скромняги. А шутку чувствуют, с удовольствием смеются. В 1986 году Саша стал чемпионом Европы. Исполнилось ему в ту пору 26 лет, был он уже отцом двоих детей.

Я это к тому, что и тувинская национальная борьба «хуреш» привнесла в нашу советскую школу тоже нечто свое, но нужное всем нам.

И Саша, и его тренер Валерий пили из чистого родника народной борьбы. Валерий помогал отцу-чабану пасти овец. Мать умерла рано, и тому пришлось воспитывать одному трех дочерей и двух сыновей. Валерий и брат его Михаил закончили в Кызыле школу-интернат, поступили в Хабаровский институт физкультуры... Оба стали мастерами спорта СССР.

У Саши Доржу — похожая судьба. Глухое даже для Тувы село Барлык. На руках отца — их восемь. Сашу посылают учиться в профессионально-техническое

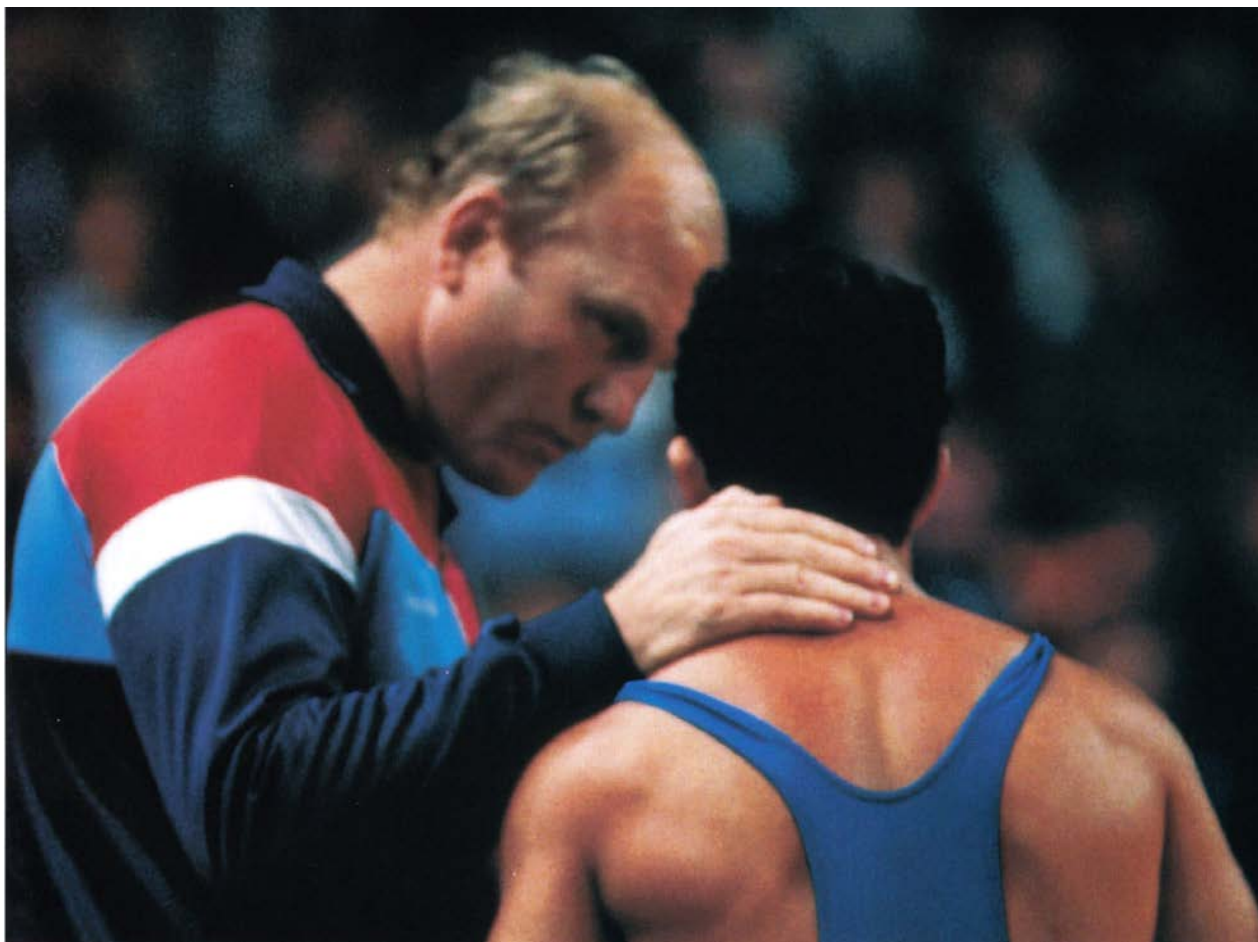
училище на каменщика. Но парень с детства увлекается борьбой и попадает в руки Валерия Оюна. Они в одном весе и частенько встречаются в турнирах. Пройдет несколько лет, и Валерий будет шутить, что в принципе он готов был бороться до сорока лет, но как-то неудобно проигрывать своему ученику...

Традиции — традициями, но тувинскому «хурешу» еще бы и спортивную базу. Пока ее нет. Тренируются ребята в самодельных зальчиках. В лютую зимнюю стужу, когда дыбится под Кызылом Енисей ледяными торосами, из окон дует страшно. Но зашел как-то в такой зальчик и вижу — этим азартным ребяташкам и стужа нипочем. Жарко им на ковре. От кучи мала пар

идет. А Саша, гляжу, в самой середине. Узнал его лишь по быстрым, хлестким приемам.

Подумал: вот такие и нужны нам, сборной. Нужна их изначальная страстная увлеченность, влюбленность в борьбу.

И не меньше нужен Санасар Оганисян. Московский почти рафинированный интеллигент, гармоничная личность. Окончил музыкальную школу по классу фортепиано, среднюю школу с физико-математическим уклоном. С красным дипломом — Московский инженерно-строительный институт. Поступил в аспирантуру. И это при строжайшем режиме тренировок, сборов, выступлений, сделавших его

- Братья Хадарцевы и братья Шульц

олимпийским чемпионом, чемпионом Европы и мира!

Еще один армянин, красноярский на этот раз, — чемпион мира Владимир Модосян. Окончил юридический факультет, человек, у которого деликатность, интеллигентность суть натуры.

А двукратный чемпион мира Виктор Алексеев, тот самый, о котором я уже писал, так не повезло в Софии. Тоже юрист по

образованию. Но человек, навсегда преданный борьбе, он в ней и остался. Сейчас тренер сборной, основатель красноярского фонда социальной защиты спортсменов «Триада»...

Или вот Тарам Магомадов — победитель турнира «Дружба-84», чемпион Европы. Он защитил диссертацию в Московской сельскохозяйственной академии им. Тимирязева.

Вот какой разноцветный «букет» наша сборная!

Говорить о ней могу бесконечно. Но вот что надо отметить непременно — ее способность отторгать нечестных, корыстных, хитрых. «Будь ты горящей рубашкой на мне — и то не скинул бы тебя» — эта поговорка о мужской дружбе как нельзя более подходит к ее моральному духу.

Как главный тренер, я особенно ценил традиционное для нее внимание к новичкам со стороны ветеранов. Конечно же, нелегко «старожилам» команды ощущать, что очередной новобранец вот-вот вытеснит тебя, бывшего лидера. Я сам это пережил, знаю. Но за годы пребывания в сборной человек постепенно становится мужчиной, для которого высшая ценность — честь, достоинство, благородство.

Это вовсе не значит, что в сборной не было и не бывает серьезных конфликтов. Бывают, и не все из них заканчиваются любовно и мирно. Кое с кем приходилось и расставаться. Но, как правило, люди с сильным, пусть даже сложным и неуживчивым характером в ней все-таки приживались.

128

Наш горячий Салман

Его характер всегда видней не только на ковре, но и на футбольном поле.

Футбол — один из элементов тренировок. Помогает быстро разогреться.

Поэтому наш футбол больше похож на регби: можно толкаться, хватать руками, даже нападать на вратаря. Но и меры предосторожности соблюдать надо: не дай Бог, повредишь что-либо — тренировка насмарку.

Но для Хасимикова правила техники безопасности не существуют. Если мяч попадает к нему, он распрямляется словно пружина, и вот уже 120-килограммовая машина несется на противника со скоростью и мощностью курьерского поезда. Попадись кто на пути — тренер ли, борец ли, — будет отброшен, смят, опрокинут.

— Салман, а ты аккуратней не можешь? Кости же переломашь...

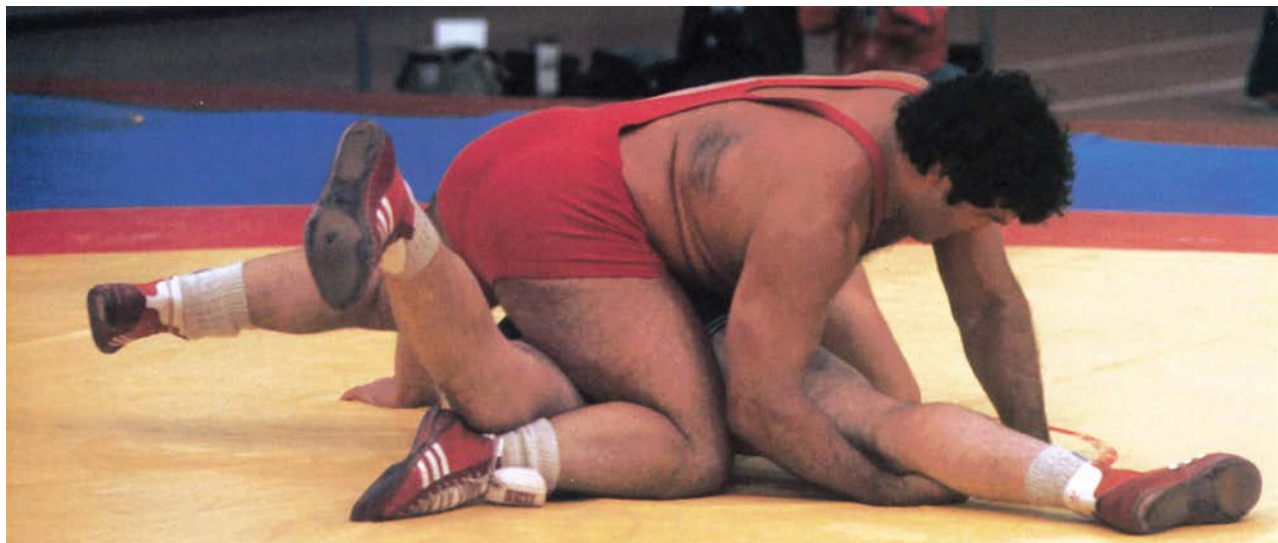
• Салман Хасимиков — четырехкратный чемпион мира

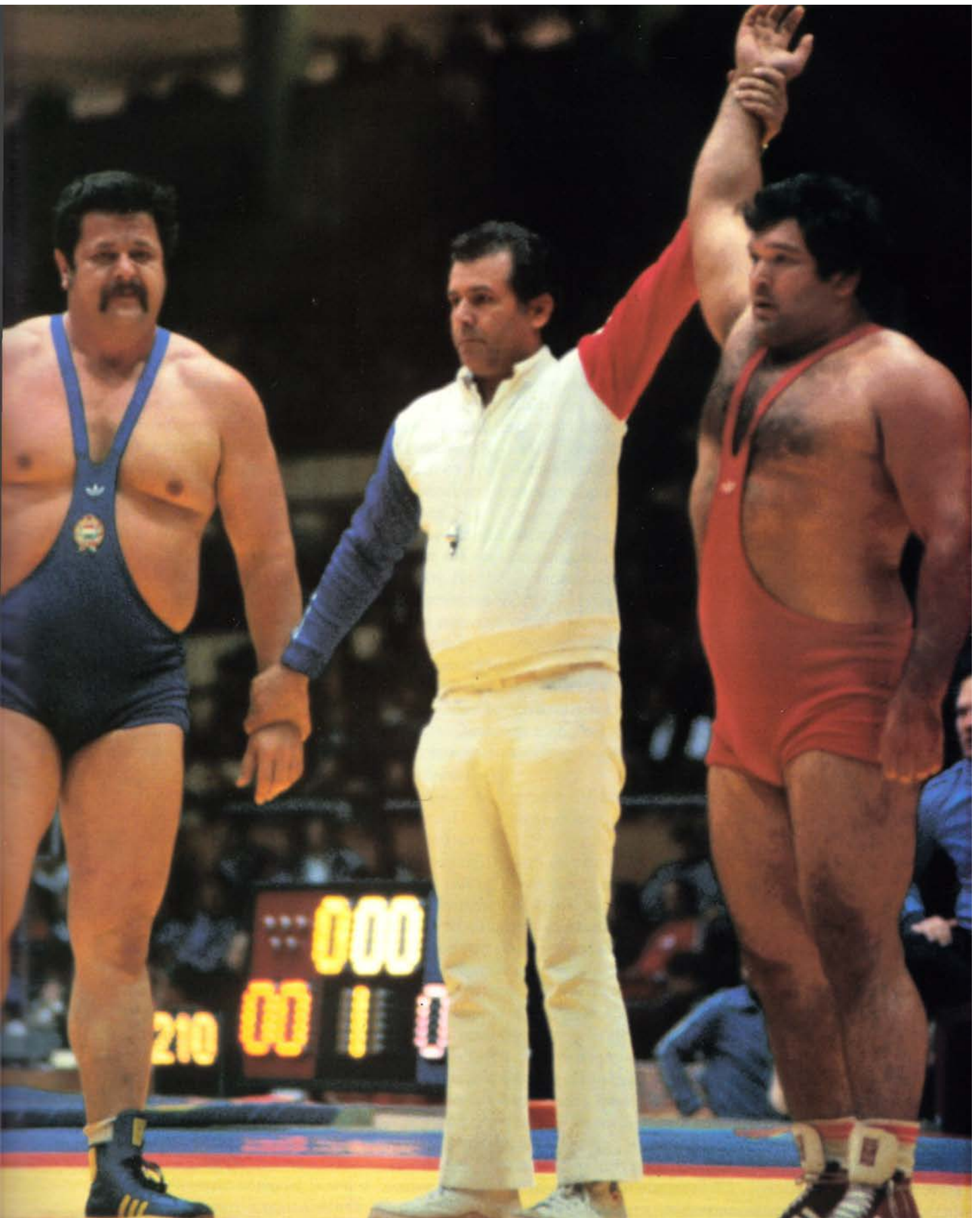

— Давай, действуй, ведь проигрываете...

Глаза у Салмана сверкают, ноздри раздуваются. Азарт игры его сжигает.

Азарт, впрочем, сжигает его не только во время футбола. Тренировались атлеты на спортбазе, что на побережье Черного моря. В тот день от восьмибалльного шторма оно и впрямь было черным, смотреть страшно. Вышли ребята поглядеть на бушующую стихию. И вдруг Хасимиков стал раздеваться. Его схватили за руки:

— С ума сошел?! Погибнешь!

— Испугались? Тогда смотрите, как плавают настоящие мужчины...

Ребята знали, что он вырос в Грозном, столице Чечни, что полюбил там седой Каспий и мечтал о капитанском мостике, об экзотических странах. Но в такой шторм и бывалый пловец почти обречен.

...Целый час сражался Салман с волнами. Товарищи на берегу уже решили бежать за подмогой на спасательную станцию. Но, обдирая руки и колени об острые камни, Хасимиков все-таки выкарабкался на берег. На гальку лег бледный, весь в кровоподтеках.

— Салман, какого дьявола ты так рисковал? — спрашивали его потом.

— А проверить себя хотел. Почувствовать страх хотел.

— Почувствовал?

— Были минуты, когда мне казалось — все, не выберусь! Силы кончились... Но я самому себе улыбался, чтоб не видеть страха. Заглушить его. Выбрался на одной злости. Если хочешь знать, без нее нельзя, без нее характера нет...

Ему частенько приходилось сердиться. На самого себя. На свою безмерную горячность, необузданность.

На взрослый чемпионат страны 1974 года он приехал в ранге двукратного чемпиона мира среди юниоров. Выступал в весе до 100 килограммов. Тренеры говорили: «Этот парень здесь многим покажет...»

И показал. После двух дней борьбы вечером решил как следует покушать. А утром после взвешивания был за это отстранен от соревнований — перекушал. Подвел команду, но на все укоры только брезгливо морщился: «Чего прицепились?»

«Близко к сборной не подпущу!» — бросил ему в сердцах старший тренер сборной Сергей Преображенский. И личный тренер Дэги Багаев по возвращении в Грозный такое ему выдал перед строем, что даже Салман опустил голову.

Вроде бы пошла ему наука впрок. Но вот случай на чемпионате Европы-80. Выступал тогда Хасимиков после тяжелой травмы, да еще простуженный. Темпе-

ратура под 40 градусов, а сниматься нельзя. Ребята его изо всех сил подбадривали, чаем с малиной поили, лимоны килограммами таскали. Наконец, финал. Соперник крепкий, но Салман его не раз побеждал. А тот решил сыграть на его горячности — стал грубить, ударами по шее выводить Салмана из себя. И Хасимиков, конечно, не стерпел — дал сдачу. Арбитр тут же объявил ему предупреждение... Словом, проиграл Салман.

«Серебро», конечно, награда высокая. Но от чемпиона мира-79 ждали победы, «золота». Проработали его тогда, что называется, с «песочком».

И все же Салман считает, что главной школой, воспитавшей в нем самообладание, умение не выплескивать эмоции, стала для него служба в армии.

Закончив университет в Грозном, он переехал в Москву, где его тренером стал Томас Барба, заслуженный тренер СССР, работавший в Вооруженных Силах. Сегодня к числу самых своих ценных наград Хасимиков относит именные часы, которые он дважды получал от министра обороны. «За успехи в спорте!» — написано на часах, но про себя Салман добавляет еще и «За высокую дисциплинированность!».

Плотный, кражистый, при совсем небольшом для тяжеловеса росте — всего 180 см, при весе — 120 кг, Салман всех поражает необычайной подвижностью, прямо-таки боксерской резкостью. На перекладине подтягивается 27 раз.

За все годы своих выступлений на ковре он проиграл зарубежному сопернику только одну встречу — тогда, на чемпионате Европы 1980 года.

Четырехкратный чемпион мира, двукратный — Европы, обладатель Кубка мира, Салман нет-нет да вздохнет горестно:

— Невезучий я человек... На двух Олимпиадах мог бороться и ни на одной не боролся... Два перелома ноги как раз в это время...

Более всего печалится Салман, что не смог потягаться со своим кумиром Сосланом Андиевым.

— Сослан не только великий борец, — утверждает Хасимиков, — но и умница, душевный человек, трудяга. А еще я преклоняюсь перед Леваном Тедиашвили.

Он самый техничный борец всех времен и всех народов.

С огромным уважением говорит о первом своем тренере Дэги Имрановиче Багаеве. Вспоминает, как в 16 лет после занятий легкой атлетикой пришел в школу борьбы. Пришел и в своей обычной заливчатской манере спросил у пацанов: «Эй, а кто здесь самый лучший тренер?» Ему указали на Багаева.

Хасимиков прямо к нему. А тот отрезал: «Не могу. Сам видишь — повернуться здесь негде».

Правду говорил тренер: на Кавказе каждый мальчишка мечтает заняться борьбой. Грозный не исключение.

Но Салман остался верным себе. На следующий день пришел в тот же зал, никому ни слова не говоря, разделся и встал в строй багаевских ребят. Надо знать кавказцев, чтобы понять, что почувствовал Багаев от подобного нахальства. Но ни слова не сказал Дэги Имранович, сдержал себя, решил посмотреть, что у этого парня за душой, кроме непослушания...

И сейчас каждое лето Салман спешит в Грозный — по-

бродить в горах, повидаться с отцом, матерью, братьями и сестрами. Эти дни были самым большим праздником для младшего брата. Суламбек не отходил от него ни на час. Задирал нос перед дворовыми мальчишками: не у каждого такой знаменитый брат. Приезжали, собирались за семейным столом старший брат Султан, средний Салам, сестры — Роза и Исита. А мать с отцом смотрели на них — не могли нарадоваться. Красивые дети выросли в их семье.

(Сейчас, когда пишу эти строки, радио и телевидение едва ли не каждый час рассказывают о событиях в Чечне, в самом Грозном. Вспоминаю Салмана, его дружную большую семью. И не могу не думать о том, какое страшное несчастье обрушилось на всех нас после того, как не стало Союза).

А сам Салман с женой Лалой весело и шумно жили (и живут сейчас) в Олимпийской деревне в Москве. Прошло время, когда их дети — Шамиль, Тамерлан, Лиана и Анжела — всей гурьбой взбирались на папу и заставляли возить себя по квартире. Подросли Хасимиковы. Как хочется, чтобы они не знали горя.

Кануны

Конец 1986 года. Чемпионат мира в Будапеште. Двадцать четвертый в истории вольной борьбы и пятый для меня как для тренера. Мы вовсю готовимся к Олимпиаде, которая в 1988 году должна состояться в Сеуле. Но пока как будто нет причин для особого беспокойства. По плану нам следовало взять пять золотых медалей. Но, несмотря на то, что в команде несколько дебютантов, Будапешт «дарит» их шесть.

В результате Сергей Белоглазов становится пятикратным чемпионом мира. Арсен Фадзаев — трехкратным, Аслан Хадарцев — во второй раз. Не подвели и дебютанты: Махарбек Хадарцев, Хазар Исаев и Володя Модосян.

Володя — ученик Дмитрия Георгиевича. Его золотая медаль несколько снижает напряженность, кото-

рая сложилась в наших отношениях в связи с тем, что вместо прошлогоднего чемпиона мира краснорца Виктора Алексева я решил послать Исаева из Баку.

Расскажу о той ситуации не потому, что я был прав, а потому, что она передает те проблемы, которые приходится решать главному тренеру, выстраивая свои отношения с тренерами с мест. Особенно с теми, кто является одновременно и тренером сборной команды страны.

Для полной объективности процитирую самого Миндиашвили. Вот что он пишет в своих воспоминаниях:

«У Ярыгина хватило мудрости предвидеть, что до 1988 года его земляк может не дотянуть, и на чемпионат мира 1986 года он послал молодого Исаева из Баку, чтобы

- Арсен Фадзаев рвется в бой

«обстрелять» его. Как главный тренер, Ярыгин был прав. Я же, честно говоря, думал тогда иначе, смотрел с другой, своей колокольни, возведенной, чего греха таить, на фундаменте интересов города, да и своего личного престижа тоже. Впрочем, ситуация эта — почти стандартная. Тренер с места частенько обижается на главного: «Мой не хуже, а вы его не взяли...» И все же чаще прав главный тренер сборной. Он обязан думать об интересах и престиже всей страны, если умен и принципиален, так и думает».

К счастью, подобные недоразумения между Дмитрием Георгиевичем и мной, учителем и учеником, были редкими.

Но здесь, пожалуй, самое время сказать несколько слов о самой работе главного тренера. Когда я называю число завоеванных сборной медалей, может сложиться впечатление, что у него (у меня, то есть!) все идет без особых трудностей и проблем, подобных названной выше, — редкое исключение. Увы, это далеко не так. Простейшие примеры.

Остался без награды Володя Тогузов, талантливый представитель осетинской школы. Самородок! Провел в сезоне просто блистательную серию поединков, а главная концовка не получилась. Травма помешала? Конечно, и это. Но главное — задрал немножко нос. Надо поговорить с ним по душам, а это иной раз ох как трудно.

- США. 1986 г. Нас принял мэр Чикаго

Если говорить не для формы, если копнуть в душе человека на максимальной глубине.

Или вот «серебро» тяжеловеса Давида Гобеджишвили. Для сборной это неудача экс-чемпиона мира. В этой самой престижной категории мы никому не должны уступать. Но здесь поговорить уже мало. Надо принять очень серьезное решение. И не ошибиться! В свое время это решение было принято. Очень для меня рискованное... Но об этом несколько ниже...

А пока скажу, что и 1987 год оказался для нас удачным. На майском чемпионате Европы в болгарском городе Велико Тырново команда выступила триумфально — семь золотых, две серебряные медали! Радость огромная, переполняющая сердце. А вместе с ней все сильнее звучит в тебе извечная тренерская тревога: что дальше? Не последует ли за победой неожиданный провал?

Тревога эта смутная, до конца не осознанная. Но в принципе тогда она имела объективные причины. Наше неучастие даже в одной Олимпиаде не могло пройти бесследно. За это время прибавили наши традиционные соперники. Прибавили и в силе, и в мастерстве, а главное — укрепились морально. Звание олимпийского чемпиона или призера Игр укрепляет дух человека, прибавляет уверенности. И даже на тех чемпионатах мира, где мы побеждали, мы это уже почувствовали. Исчез страх перед непобедимыми советскими борцами.

«Золото» мы все еще добывали, но уже куда большей «кровью», чем прежде. Теперь уже трудно было с прежней уверенностью прогнозировать, кто, например, окажется победителем на очередном чемпионате мира: мы или американцы.

Поэтому я при всех случаях и возможностях стремился переводить праздничные, восторженные разговоры о наших победах в деловое русло: будем помнить — ни минуты расслабления, ни минуты для самообольщения. Сохраним боевой дух к Олимпиаде. Так говорил я, и время показало, что надо было быть еще более критичным и требовательным.

1987 год для всех борцов особенный. В этот год Международная федерация любительской борьбы отмечала свое 75-летие. Мы собрались под теплым августовским солнцем в городке у подножия Французских Альп Клермон-Ферране. Для «вольников» это был 25-й мировой чемпионат, для «греко-римлян» 36-й. Оба турнира сопровождали отличные концерты. В честь юбилея была развернута выставка книг, значков, марок, рассказывающая об истории борьбы. На конгрессе ФИЛА выступил с поздравлением президент Международного олимпийского комитета Хуан Антонио Самарчан.

Международная научно-практическая конференция, на которой председательствовал Александр Новиков, попыталась заглянуть в завтрашний день борьбы. Спортивные ученые, медики, тренеры на основе своих исследований делали головокругительные прогнозы. Резко повысится темп поединков, утверждали они. Чтобы побеждать, атлет должен будет обладать сверхвыносливостью, невероятной реакцией и быстротой, владеть 30-40 рабочими приемами в совершенстве. На занятиях ведущие роли будут играть компьютеры...

И мысль почти всех обращалась к самому ближайшему будущему, которое должно открыть эпоху в борьбе, — к Олимпийским играм в Сеуле. Я не был исключением. Все, что происходило на трех турнирных коврах, оценивал с точки зрения приближающейся Олимпиады. То же делали и мои помощники. Все более нам открывалось, что наши соперники готовятся

к Сеулу с невероятным упорством и настойчивостью. Особенно американцы, болгары, японцы, южнокорейцы. Борьба с ними обещает быть как никогда трудной и непредсказуемой. Однако там, в Клермон-Ферране, мы пока снова были лучше всех. В 21-й раз одержали командную победу. Завоевали шесть золотых, одну серебряную, две бронзовые медали. И вот Сергей Белоглазов — уже шестикратный чемпион мира! Арсен Фадзаев — четырех-, Аслан Хадарцев — трех-, а Махарбек Хадарцев и Лери Хабелов — дву-

кратные чемпионы мира. Аслан Бараев впервые завоевал этот высокий титул.

Мы надрывали голоса, ликуя. Начальник Управления спортивных единоборств Геннадий Андреевич Сапунов, руководитель делегации, забыв о своем официальном статусе, кричал изо всей мочи победителям: «Муж-чина! Кра-са-вец!» Мы обнимались и целовались. А я... Я отпустил вожжи. Дал ребятам возможность выплеснуть эмоции. Ведь каждый турнир — это чудовищное испытание нервам.

Сеульская

И вот он начался — олимпийский сезон 1988 года. Его начало, если изъясняться «телеграфной прозой», выглядит так.

Март. Двенадцатая победа на Кубке мира в Толидо. Три выигранных матча со сборной США в традиционном турне по Америке.

Апрель. Англия. Манчестер. Небывалое достижение даже для советской сборной — на чемпионате Европы завоевано девять высших и одна серебряная награды!

Не знаю, передают ли эти скупые цифры мою радость и гордость. Мои надежды. Ведь там, в Манчестере, фактически была генеральная репетиция нашей сборной перед Сеулом. Она почти в том же составе должна была отправиться в Южную Корею. И доказала, что готова бороться и побеждать.

Нас так бурно поздравляли в Госкомспорте, что внутренне я ощутил протест. К чему все эти восторги — ведь не на Олимпиаде мы победили? И потом, после такого ликования недолго и зазнаться, самоуспокоиться. Тогда и тренировки пойдут вполсилы.

И уже на летнем чемпионате страны я почувствовал это нежелание перенапрягаться.

Официально от этих соревнований были освобождены Сергей Белоглазов и Арсен Фадзаев. А вот Аслан Хадарцев

вдруг сослался на травму, на плохое самочувствие. Очевидно, решил, что билет в Сеул на него уже куплен. Зато Давид Гобеджишвили выступил на этом чемпионате так, что сам Аслан лишь удивленно качал головой.

Ситуация в результате осложнилась. Оба — и Аслан, и Давид — по силам равны. Оба выиграли у американца Брюса Баумгартнера — их основного соперника в претензиях на золотую олимпийскую медаль. Кого же послать в Сеул сразиться с ним и с другими тяжеловесами?

Приняли решение как будто самое простое и справедливое: провести контрольную схватку. Кто выиграет, тот и поедет в Сеул. Борцы с этим согласились, хотя такая схватка у обоих должна была отнять массу сил.

В августе на спортбазе в Кисловодске мы проводили последний предолимпийский сбор. Трехразовые тренировки, кроссы по горам. По ночам — беседы с тренерами в моем номере. В долгих обсуждениях сформировалась команда. По поводу «тяжей» прикидывали и так и эдак, но другого выхода, кроме контрольной встречи, не нашли. Обговорили правила: если в основное время — ничья, то поединок продолжается до тех пор, пока кто-либо из борцов не сделает техническое действие. Только на 27-й минуте Давиду удалось выиграть у Аслана Хадарцева балл.

• **Благовещенск. За два дня до начала Олимпиады в Сеуле**

Стойко, по-мужски переживали, что не попали в олимпийскую команду Вася Гоголев, Юра Воробьев, Аслан Хадарцев, Хазар Исаев. Они не дотянули до звания олимпийца самую малость, чуть-чуть. По правде говоря, ребят этих было жалко. Но я и гордился ими. Вместе с другими «сборниками» они продолжали помогать олимпийцам, честно трудились на ковре, лихо плясали и пели, провожая нашу команду в Благовещенск, откуда мы через неделю вылетали в Сеул.

Уже после того как все закончилось, читая высказывания чемпионов и призеров, а также спортсменов, не получивших наград, можно было еще глубже понять, что Олимпиада — соревнования, не сравнимые ни с какими другими. Цена победы и обретения вечного титула олимпийского чемпиона так велика, что нужно обладать огромной психологической устойчивостью, чтобы сохранить себя перед решающим действием. Не случайно Игры дарят так много сюрпризов, когда терпят поражение заведомые лидеры и восходят на Олимп никому доселе не известные новички.

Мы были еще в Благовещенске, когда выступали наши «классики». Ушатам холодной воды стало для нас известие: всего четыре золотые и по одной серебряной и бронзовой медали. Четыре участника не попали даже в призеры. Почему? Ведь наша сборная по греко-римской борьбе считалась самой сильной в мире!

В Сеуле мы бросились с расспросами. Неужели судейство предвзятое? Может, перегорели? Геннадий Сапунов сказал устало: «Это Олимпиада. Она сжигает нервы. Учтите это, ребята».

Вокруг нас кипела, ликовала, буйствовала толпа туристов, отборовшихся спортсменов, зрителей. Звучали фанфары в честь победителей. Шли концерты, бесились на дискотеках... А для нас начался борцовский марафон. И бессонные ночи, и шарики валидола под языком. Я никогда не был слишком устойчивым к стрессам. Абсолютно спокойным чувствовал себя лишь трижды — на двух «моих» Олимпиадах и на нашем чемпионате мира в Тегеране. В Сеуле я и сам был на пороге стресса.

Я был уверен в золотых медалях Белоглазова, Фад-

заева, Вараева, Махарбека Хадарцева, Хабелова и Гобеджишвили. Но к финальным поединкам тяжеловесов у нас оказалось всего три. Бараеву и Хабелову досталось «серебро». Это было в высшей степени несправедливо. Ведь они все-таки были лучшими борцами в мире. Но винить было некого — Олимпиада. Олимпиада, которая «сжигает нервы».

Для любой другой команды мира такой результат был бы сказочно прекрасным, а у нас настроение отвратительное. Как всегда в подобных случаях пошли разговоры: лучше было бы взять того-то, а этого не брать... И теперь, после того как мы рассудили относительно Хадарцева и Гобеджишвили, кое у кого вновь зашевелился червячок сомнения, хотя даже осети-

• На Играх доброй воли
Дэйв Шульц сумел
обойти чемпиона
мира-87
Адлана Вараева

ны находили наше решение единственно справедливым. Не дай Бог все эти разговоры дойдут до Давида, который и без того нагружен переживаниями сверх всякой меры. Ведь встретиться ему предстоит с американцем Брюсом Баумгартнером — чемпионом Олимпиады в Лос-Анджелесе. В этой ситуации ему нужен покой и полнейшая убежденность в своей победе. Вспоминаю наши с Миндиашвили Олимпиады. Вот кто умеет настроить человека, убедить его в том, что он самый сильный, что «разорвать» противника ему ничего не стоит. Отдаю команду: к Давиду не подходить. К схватке с Брюсом его готовит только Миндиашвили. Объясняю, что лучше Дмитрия Георгиевича Давид не поймет никого, никому так не поверит.

На финальную схватку мы выводим нашего борца вдвоем: я и Миндиашвили. Оба осознаем драматизм нашего положения — ведь мы отстаивали именно эту кандидатуру, но друг другу ничего не говорим. Нам уже давно не нужно слов, чтобы быть понятыми.

Схватка проходит драматично. Давид с первой минуты выигрывает у американца балл. Соперник тут же отыгрывается. Но вот Давид выигрывает еще два балла. Во всей его повадке чувствуется огромная вера в свои силы. Этого мы добивались. И вдруг мы оба одновременно почувствовали, что Давид решил, будто дело уже сделано. Его напор ослабел. Он переходит к обороне. И снова нам не надо слов, чтобы понять, насколько это чревато поражением. Миндиашвили кричит, перекрывая неимоверный шум зала:

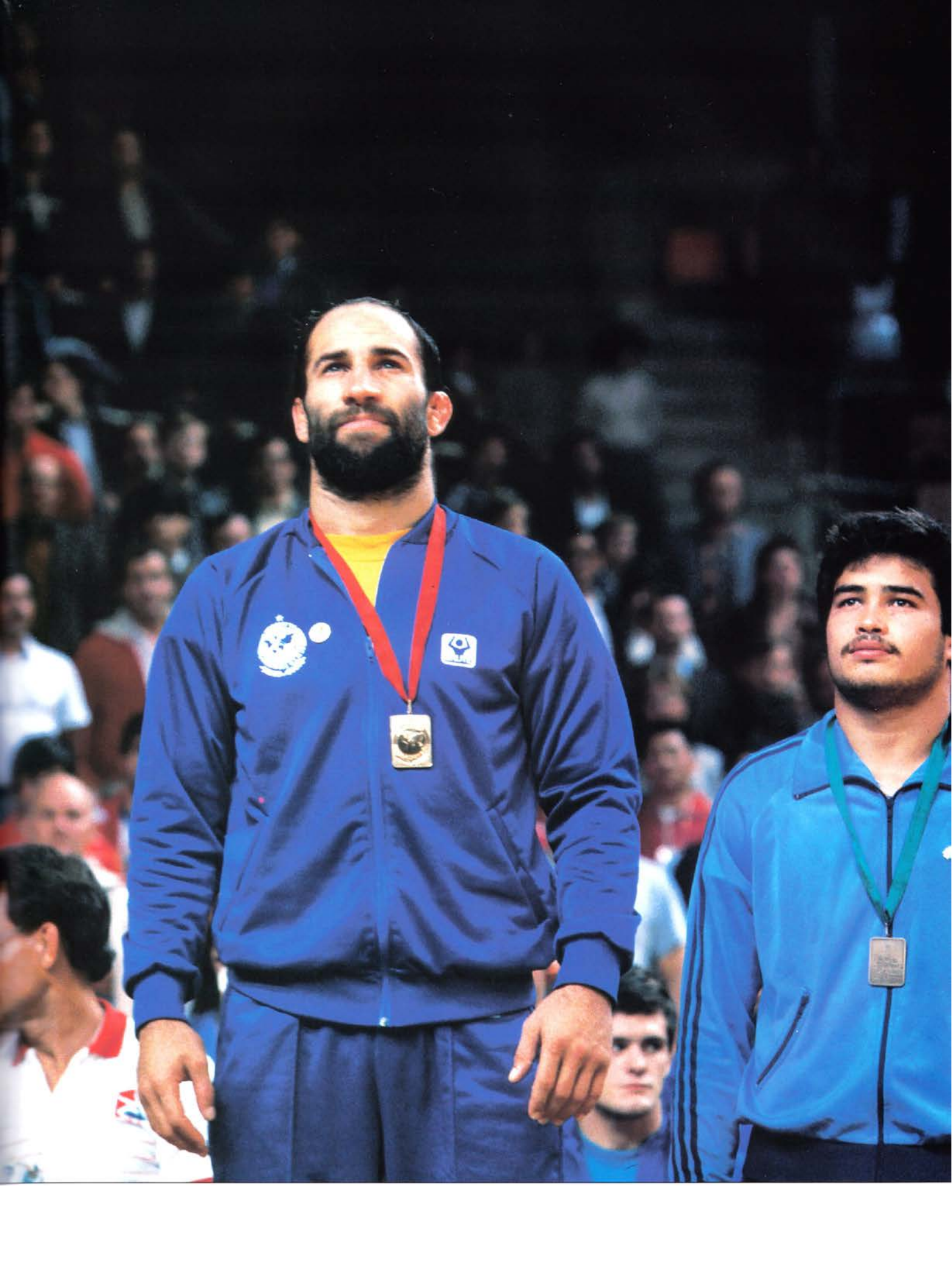
— Ты что делаешь? Работать! Слышишь — работать!

Этот яростный крик подхлестывает Давида. Напоследок он выигрывает у Баумгартнера еще одно очко.

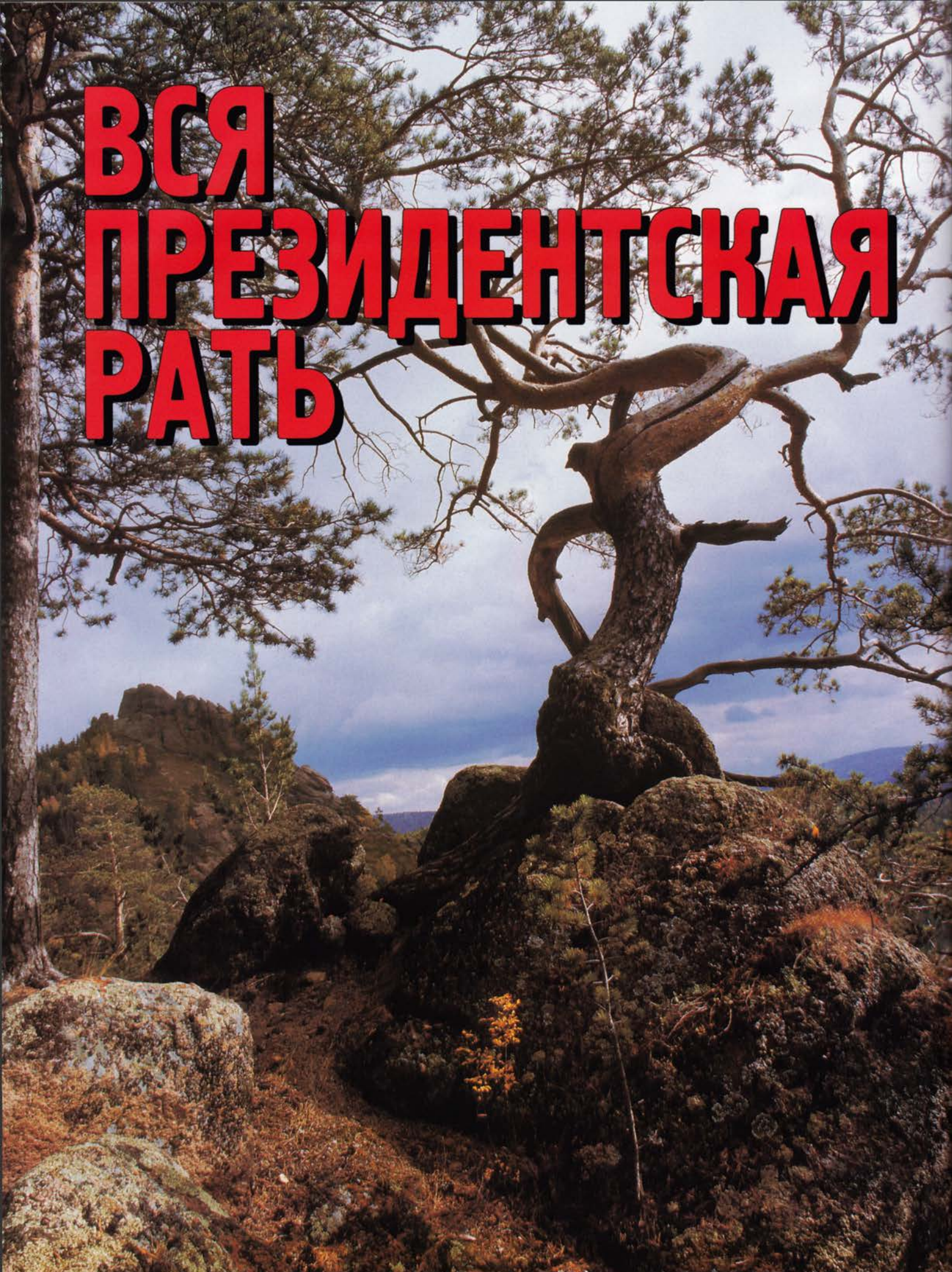
Победа! Миндиашвили подхватывает двухметрового Давида и уносит его с ковра. А я вспоминаю, как в Мюнхене унес из зала на вытянутых руках его самого. Моего тренера, учителя жизни. Второго отца.

Теперь, выиграв в самой престижной категории, мы можем чувствовать себя удовлетворенными: 4 золотые, 2 серебряные и 3 бронзовые медали.

ВСЯ ПРЕЗИДЕНТСКАЯ РАТЬ

Хотим в Барселону

После Олимпиады было опустошение. Неужели это венец моей тренерской карьеры? К чему еще стремиться, кого «переплюнуть»? Если честно, то и подумать-то о себе времени не было, посыпались приглашения на турниры, один интереснее другого. Так уж человек устроен — вот был в Японии раз сто, а все равно трудно отказаться съездить туда в сто первый раз.

Не успел оглянуться, как на носу майский чемпионат Европы-89 в Анкаре (на Ангаре, на Ангаре...). И снова сборы в Кисловодске, контрольные поединки, споры до утра — кто лучше и сильнее, взаимные обиды. Но все проходит, когда билеты в руках, когда все знают состав, и только тревога в сердце — Турция, беспощадные тиффози, нахальные арбитры. Повезет ли на сей раз? Неудобно проигрывать после триумфа Сеула...

В день финалов самая важная турецкая газета вышла с аншлагом: «Мы как ураган. Его никто не остановит!» Об этом мне рассказал очень добрый человек, специальный корреспондент «Советского спорта» Геннадий Иванович Проценко. Признаться, я немного дрогнул: вдруг все так и произойдет?

Нельзя описать ситуацию на спортивном комплексе имени Ататюрка. Это надо видеть. И помнить всю жизнь. Турки — исконные борцы, и ковер для них больше чем жизнь. Тысячи полицейских, бронемашина с водометной пушкой на взводе, грохот голосов, ревущие глотки. Ничего не слышно в двух сантиметрах от уха товарища. «Борьба и победа!» — скандируют трибуны. И это звучит как «Родина или смерть!» незабвенного Фиделя. Господи, неужели мои хлопцы могут сломаться от всего этого безумия?

И как нарочно — первая финальная встреча Аравата Сабеева и турка Хайри Сезгина. Мощные полутяжеловесы кидаются друг на друга. Но что это?

Стройный Арават легко вскидывает покрасневшего от натуги турка и кидает его аж за ковер. Море страданий на трибунах, какой позор! Сам премьер-министр Турции Тургут Озал попросился выйти на церемонию награждения именно полутяжей. Надо отдать ему должное: Озал вышел, но золотую медаль вручил молодому Сабееву, победившему красиво.

А потом понеслось! Снова мы и турки, и снова наши ребята с «золотом» — Аслан Хадарцев, Гнел Меджлумян, Вагаб Казибеков, Насыр Гаджиханов! Отлегло от сердца — мы впереди командой и по медалям нас не догнать. И это при том, что я решился взять восемь дебютантов, которые еще не нюхали пороха европейских первенств! Вот это удача так удача! Правда, боюсь, что турки затаили обиду...

Честно сказать, чемпионат Союза в Махачкале оказался ничуть не спокойнее, чем в Турции. Было столько взрывоопасных моментов, что впору переносить ковры в отделение милиции. Болельщик в Дагестане взрывной и буйный. Неуправляемый. Понимающий толк в борьбе. Но и не всегда объективный.

Видел, как нервничали судьи, какие оскорбления им пришлось перенести. Доставалось всем. С одной стороны, это было грандиозное удовольствие для дагестанцев, с другой — невероятный по эмоциям и опасным инцидентам чемпионат. После поединка Санасара Оганисяна, олимпийского чемпиона, и Ахмета Атавова, где победу присудили Санасару, с трибун кинули бутылку. Около часа бурлил стадион «Динамо», хоть спецназ вызывай. Пришлось созвать тренерский совет и для охлаждения страстей объявить чемпионом Атавова. Конечно, это было крайней мерой, но тогда выхода не было. Ночью мы опять совещались и решили награждать золотыми медалями обоих.

...26-й чемпионат мира принимал небольшой швейцарский городишко Мартини, там родился Рафи Мартинетти,

- Подготовка к очередному чемпионату Европы

- К Хасану Хутбееву я прислушивался всегда

председатель судейской комиссии ФИЛА, член бюро этой старейшей организации. Он же, естественно, и президент Швейцарской федерации борьбы. К тому же он крупный бизнесмен. Он помог и в организации первого чемпионата мира среди женщин.

И опять публика устроила ребятам овацию — четыре чемпиона у сборной СССР! Особенно радовался я за Боря Будаева, в 32 года он наконец-то стал чемпионом мира! Но для этого благородный Арсен Фадзаев уступил ему свое место в категории 68 кг, а сам выступил в весе 74 кг. И впервые за многие годы проиграл в финале американцу Кеннету Мондейю. Расстроился, конечно.

А что Будаев? Первый чемпион Бурятии! Он ликовал, плясал и пел. Родом он из села Саел, а в школу ходил аж за 15 километров в село Баянгол. На лыжах зимой, бегом летом. Борьбу в школьной секции вел учи-

тель физики и математики Геннадий Николаевич Махотов. Будаев, конечно, уникальный парень. Он всегда был замечен на чемпионатах страны, России, но ему как-то дико не везло, что-то не складывалось.

Наконец, в 85-м выиграл «золото». Но на мировое первенство поехал кто-то другой.

Мы очень хотели помочь этому добрейшему человеку (кстати, у него семеро братьев). Но в Махачкале Борис вообще стал шестым. Что делать? Оставалось надеяться на контрольные схватки. И Будаев всех переиграл! Тренерский совет постановил: Будаев достоин выступить в Швейцарии.

Прекрасно выглядели трое дебютантов — Эльмади Жабраилов, Ахмед Атавов (у них «золото»), и Гнел Меджлу-

мян (у него «бронза»). Второе место занял и Володя Тогузов, который по таланту самый яркий борец в команде. Жаль, Аслан Хадарцев уступил Брюсу Баумгартнеру, поэтому вышел только на третью позицию. Ну а от Махарбека Хадарцева все были в восторге!

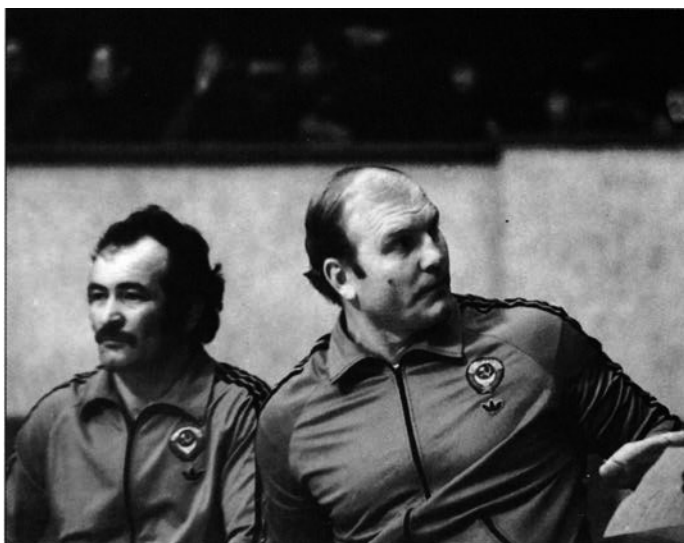
Но это еще не все. ФИЛА провела эксперимент — было разыграно абсолютное первенство между чемпионами в полутяжелой и тяжелой категориях. 28-летний Ахмед Атавов, переехавший из Хасавюрта в Красноярск к моему тренеру

Миндиашвили, отлично справился в финале с Биллом Шерром, ладно скроенным американцем. В свою очередь тяжеловес Али Реза Солеймани, усатый иранец, вдруг переиграл Баумгартнера и выглядел так мощно, что в победу Атавова что-то не верилось. Но Ахмед, вначале проигрывая, провел две блестящие атаки! За такую доблесть ему был вручен огромный орел из серебряного металла на мраморной подставке!

...Еще сезон миновал, а заботы все те же. Снова сборы, снова перелеты, тренерские советы, просмотр молодых ребят. Конечно, все мысли о Барселоне, поэтому приходилось идти на эксперименты. Скажем, на чемпионат Европы-90 я повез пять новичков, но отличились проверенные — Насыр Гаджиханов, Вагаб Казобеков, Арават Сабеев. Проиграли в финалах Лукман Жабраилов и Володя Тогузов. Еще мы добыли три «бронзы». В общем-то, неплохо, да что-то кошки заскребли на душе. «Приказал» всем кандидатам в олимпийцы выступить на чемпионате страны в Улан-Удэ, где нас принимали исключительно радушно.

Не дотянулись до золотых медалей Давид Гобеджишвили, Боря Будаев, Лери Хабелов, Эльмади Жабраилов, Степан Саркисян. Да, проблемы нарастают как снежный ком.

• **Выдающийся тренер**
Казбек Дедегкаев

Только Арсен Фадзаев согрел душу, великий он все-таки боец!

Конец июля — и мы отправляемся в Сиэтл, на Игры доброй воли. Конечно, я предполагал, что американцы сделают все, чтобы «побить» нас, но что это произойдет столь бесчестно, я не предвидел. Безусловно, американцы были в ударе, а наши часто тушевались. В командном чемпионате — стенка на стенку — произошло то, что случилось на Кубке мира весной: мы уступили. Гнел Меджлумян проиграл Кори Бейзу, Сергей Замбалов — Зеке Джонсу, Руслан Караев — Джою Маккоу, Степан Саркисян — Джону Смитту. Я кричал как оглашенный, я не понимал, что такое с ребятами! Я переругался с судьями, я четко видел, что творили явную несправедливость. Но все тщетно! Подал четыре протеста — все бесполезно!

Арсен Фадзаев и Адлан Вараев наконец-то выиграли. Точку поставил Давид Гобеджишвили, здорово он приложил Баумгартнера. Однако общий счет 13:17 не в нашу пользу. А в личных состязаниях первыми смогли стать только Эльмади Жабраилов, Махарбек Хадарцев и Гобеджишвили. Меджлумян, Замбалов, Саркисян, Андрей Головкин были вторыми, Караев и Вараев — третьими.

Даю четкое объяснение происшедшему. После многолетних жестоких нагрузок, которые выдерживали лидеры команды, мы решили отойти от «негуманного» лозунга: «Даешь победы любой ценой!» Мы вняли просьбам тренеров — не возить на турниры только фаворитов, а проверить в деле всех молодых и способных. Да, трудно было решиться на эксперимент, но тренерский совет поддержал мою идею. На Кубке мира, на чемпионате Европы, в Сиэтле боролись двадцать пять человек! Конечно, где-то мы потеряли темп, зато чисты перед тренерами.

Что касается Сиэтла, то даже Милан Эрцеган признал, что судейство там было предвзятым, некоторые арбитры были дисквалифицированы. Поговорил я и с Арсеном Фадзаевым, в Сиэтле он проиграл канадскому атлету, не попал даже в призеры. Арсен признал, что чуть снизил нагрузки, но пообещал добыть осенью пятую медаль чемпиона мира.

Сдержал слово Арсен! Классно выступил в Японии. Здорово Отборолся и Махарбек Хадарцев, отлично выглядели Лери Хабелов и Давид Гобеджишвили, чуть не хватило до «золота» Насыру Гаджиханову. И снова в команде было шесть дебютантов!

1991 год. Проигран Кубок мира в Толидо. Но ошеломляющий успех на чемпионате Европы в Штутгарте. Золотые медали у Владимира Тогузова, Багаутдина Умаханова, Эльмади Жабраилова, Махарбека Хадарцева. «Серебро» взяли Гаджи Рашидов, Насыр Гаджиханов, Андрей Головкин, Олег Наниев. Третьим был Вугар Оруджев.

Десятая летняя Спартакиада народов СССР. И последняя. В июне поздравил Мишу Мамияшвили — он назначен главным тренером сборной Союза по греко-римской борьбе.

Август. Путч ГКЧП. Пережили. Радовались.

Октябрь. 28-й чемпионат мира в Варне. Солнце, море и медали: пять золотых, одна серебряная и три бронзовые. Командное первенство! Куда подевались мои критиканы? У них уже улыбочки до ушей, хоть завязочки пришей. Вугар Оруджев, Сергей Смаль, Арсен Фадзаев (шестикратный!), Махарбек Хадарцев, Лери Хабелов — вы молодцы, ребята!

Господи, вот и четыре года пролетело. Снова сезон олимпийский, и снится нам всем жуткая коррида в Барселоне. Все смешалось в нашем государстве: нет Советского Союза, нет Федерации борьбы России, но уже есть СНГ, существует еще Спорткомитет и по-прежнему я возглавляю сборную СНГ. Везде все стонут и плачут: полный развал, дайте денег, не на что жить. А наши ребята тренируются, ездят на сборы, потому что мы первые занялись коммерцией, нашли меценатов.

Я представлял, как нелегко будет сформировать олимпийскую команду, какой будет невероятный ажиотаж. Все труднее было отстаивать свое мнение с тренерами, ведь многие уже были как бы «за бортом» России, в других странах Содружества.

Майский чемпионат Европы в венгерском городе Капошваре принес отменный результат — чемпионами стали Багаутдин Умаханов, Махарбек Хадарцев, Лери Хабе-

лов и юный Магомед-Салам Гаджиев, сын известного борца и общественного деятеля Станислава Гаджиева из Махачкалы. Вугар Оруджев и Борис Будаев взяли «серебро», молодой владикавказец Рустем Келехсаев — «бронзу».

В принципе я был доволен. Жаль, что сын Александра Медведя, высоченный Алексей, не попал в призеры, силенок не хватило.

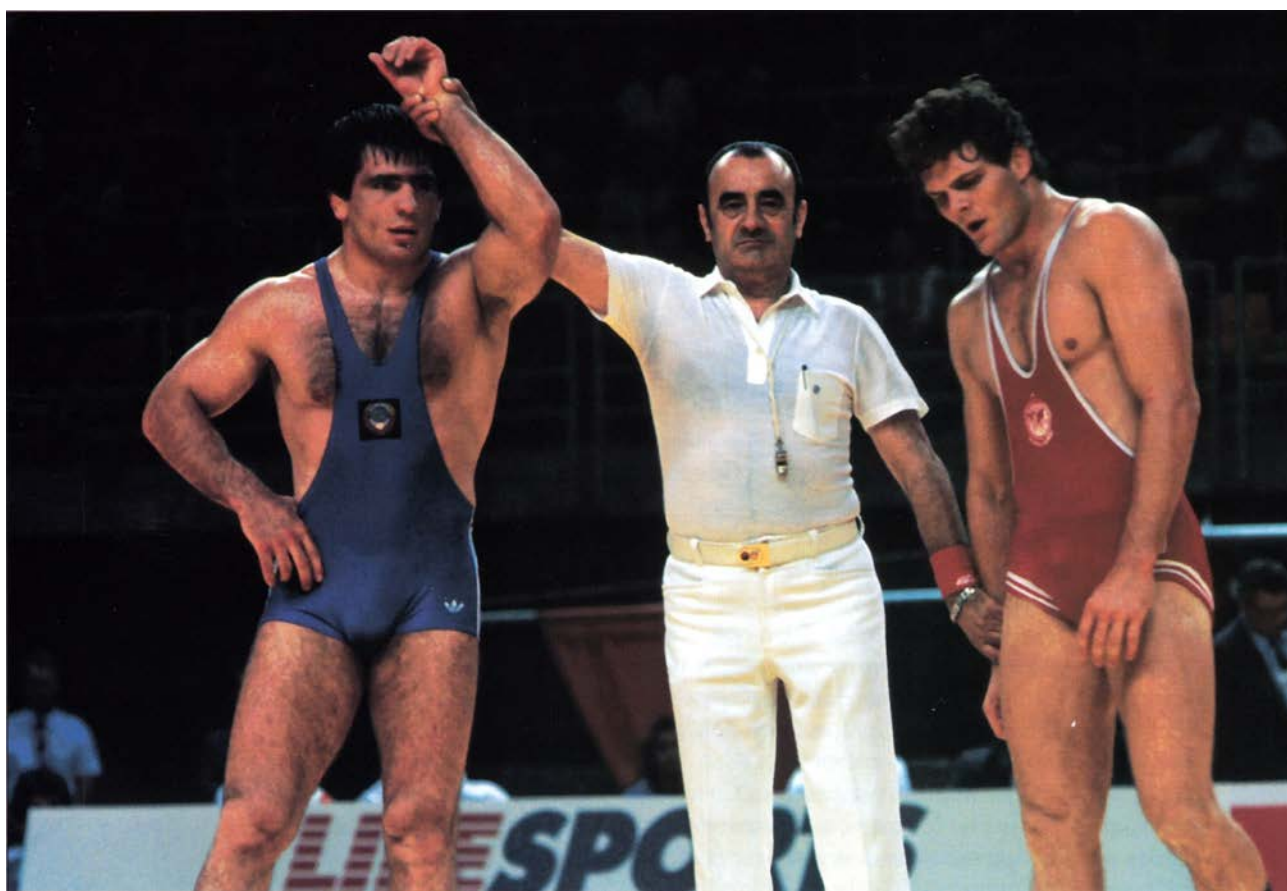
Конец мая. Москва, зал «Дружба». Первый чемпионат СНГ. Страсти бушевали нешуточные. Это был какой-то невероятный чемпионат. Особенно мне было приятно, что не подкачали молодые орлы. Нашу молодежную сборную возглавляет Валерий Онопко, его ребята отлично выступают на чемпионатах мира и Европы. Скажем, в сезоне-91 наши борцы просто всех потрясли (в том смысле, что «распотрошили» на ковре соперников). Так вот, шесть бойцов из молодежной команды теперь завоевали три золотые, две серебряные, одну бронзовую награды.

Назову всех чемпионов «исторического» чемпионата СНГ: это Намик Абдуллаев из Баку, Владимир Тогузов из Владикавказа, Сергей Смаль из Гомеля, Магомед Азизов из Махачкалы, Заза Зозиров из Тбилиси, Магомед-Салам Гаджиев и Эльмади Жабраилов из Махачкалы, Шамиль Абдурахманов из Минска, Андрей Головкин из Черкесска, Давид Гобеджишвили из Тбилиси.

Последний этап подготовки к Барселоне проходил на спортбазе в Кисловодске. Он чуть было не закончился трагически. Сыр-бор разгорелся по поводу двух кандидатур — Магомеда-Салама Гаджиева и Адлана Вараева.

Дело в том, что на чемпионате СНГ Вараев и Гаджиев между собой не встретились, Адлан же занял третье место. Он — серебряный призер Сеульской Олимпиады, чемпион мира-87, четырехкратный чемпион Европы. А Гаджиев чемпион Европы-92.

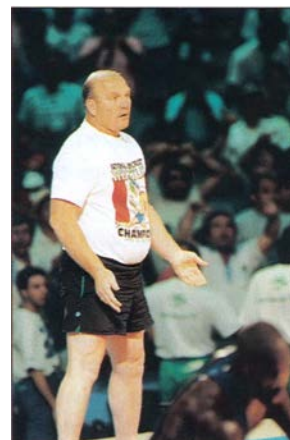
Хотя и было решение президиума Федерации вольной борьбы России, которую возглавлял Виктор Борисов, а также тренерского совета сборной СНГ о том, что, как правило, чемпионы СНГ едут на Олимпиаду, все-таки пришли к выводу, что нужно провести

контрольную встречу в Кисловодске между Бараевым и Гаджиевым.

Тысячи людей из Дагестана и Чечни прибыли на спортбазу (потом выяснилось, что некоторые были с оружием). Мы вызвали солидное милицейское подкрепление на случай беспорядков.

Встречу выиграл Гаджиев. Можно как угодно оценивать поединок, но в дополнительное время балл вырвал Магомед. Не согласившись с итогом встречи, спортивная делегация Чечни прибыла на заседание Спортивного совета СНГ. Совет поручил исполкому Федерации разобраться в сложившейся ситуации. Члены исполкома, просмотрев видеоролик, сошлись во

- Сослан Андиев,
Михаил Мамишвили,
Иван Ярыгин

мнении, что нужна еще одна встреча. Но 15 июля в Москву явился только Вараев. Одним словом, в Барселону отправился Гаджиев. Но, увы, он занял только четвертое место. А вообще, блестяще выступили в Барселоне Арсен Фадзаев, Махарбек Хадарцев, Лери Хабелов. Они — чемпионы!

«Серебро» у Сергея Смаля и Эльмади Жабраилова, «бронза» у Вугара Оруджева и Давида Гобеджишвили. Не буду вдаваться в подробности того, как проиграли свои медали Володя Тогузов, Магомед Азизов, Гаджиев, как нахально отобрали «золото» у Эльмади Жабраилова. Все давно позади...

Наш и ваш Арсен

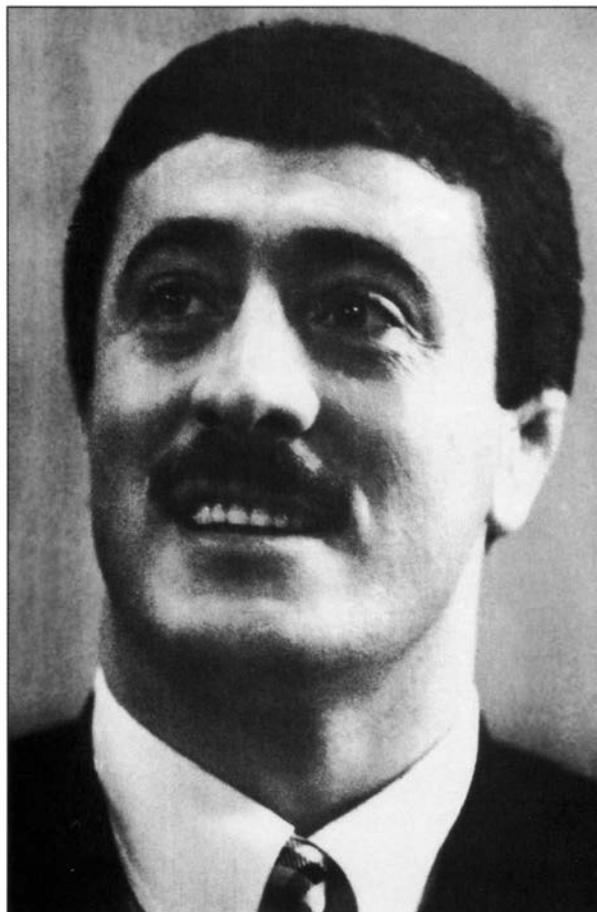
В. Голубев

Сразу после Сеула Иван сказал, что до Барселоны, пожалуй, не дотянет, слишком уж срок долгий. Он выглядел усталым, равнодушным. Может, все ему надоело, ведь бесконечно колесил по белу свету, накручивал на своем «спидометре» сотни побед. На жизнь не жаловался, это же работа — выступать. Зарабатывая валюту, он все больше понимал, что для его двоих очаровательных детишек на «старт в жизнь» вполне хватит. И хотя денег никогда не бывает много, он на какое-то время потерял к ним интерес.

К Барселоне его подгоняло честолюбие. Кругом только и говорили, что вот, мол, остался единственный борец вольного стиля, который может установить новый мировой и олимпийский рекорды, побив самого Александра Медведя. Чуть раньше был близок к тому, чтобы преодолеть недоступную планку, Сережа Белоглазов. Но не хватило ему «всего-то» одной Олимпиады и одного чемпионата мира.

Эх, эта злополучная «Дружба-84» — сколько судеб сломала! Помню, когда было принято решение не ехать в Лос-Анджелес, борцы стихийно собрались в зале и заявили Ивану Ярыгину, что не согласны с таким произволом. Ярыгин (дело было на сборах) звонил в Спорткомитет, пытался что-то доказать, но на него так шикнули, так затопали ногами, что сам трубку повесил. Некоторые ребята плакали, не стесняясь слез.

Вот был бы теперь Арсен Фадзаев трехкратным олимпийским победителем. А шесть мировых корон у него уже в кармане. И в Барселоне он заявил, что есть стимул дотянуть до Атланты, пришло второе дыхание. Четыре брата, мама, жена, которых Арсен сумел взять в Каталонию, были очень довольны этими словами.

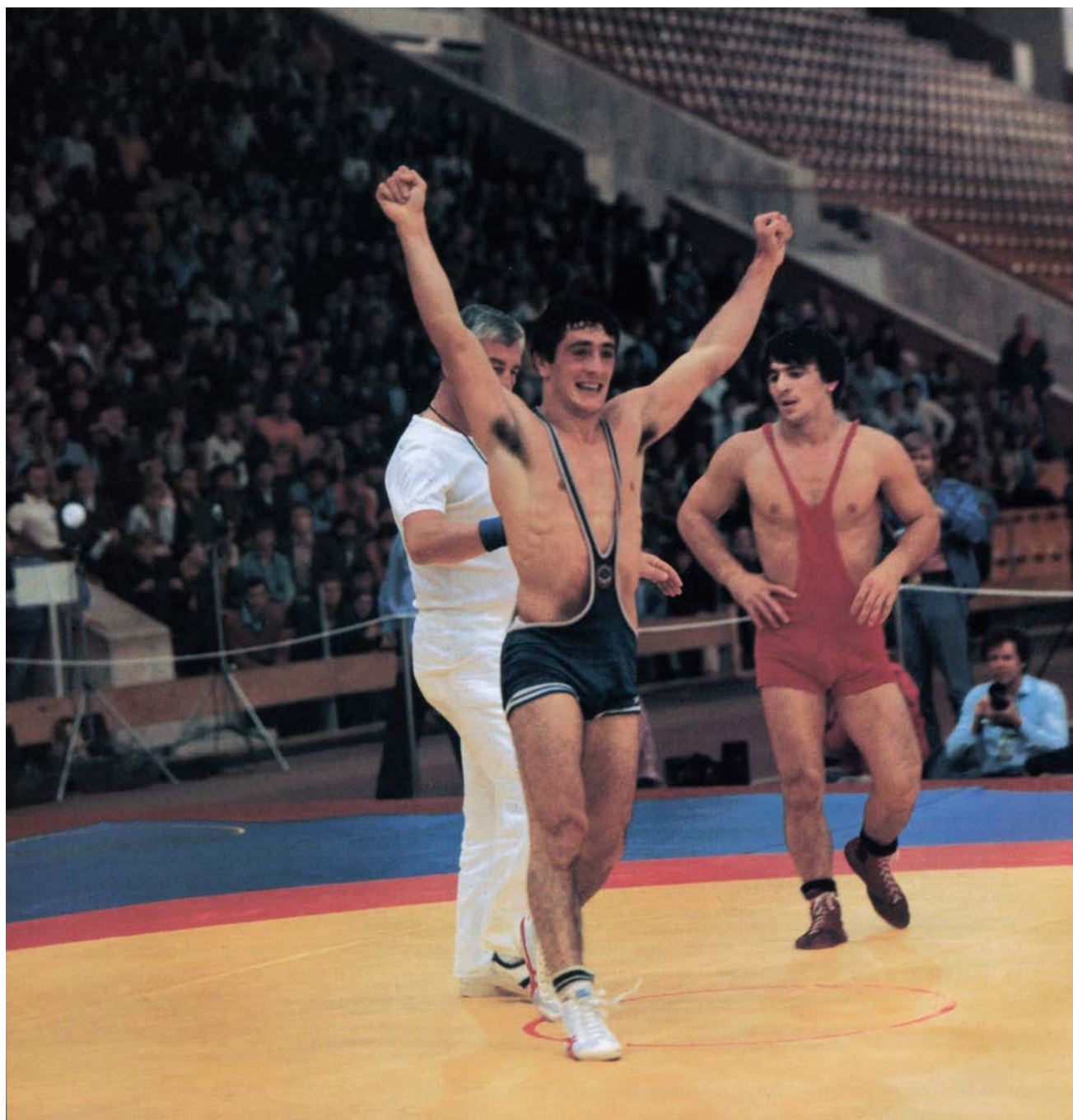

Представляя Арсена Фадзаева, придется употребить самые лестные эпитеты. Прекрасно знаю, что этот улыбчивый и еще, в общем-то, молодой человек иронично воспринимает похвалы в свой адрес, не задирает нос.

Да, Фадзаев фантастически талантлив. У него очень много титулов — двукратный олимпийский чемпион, шестикратный чемпион мира, пятикратный — Европы, победитель Спартакиады народов СССР, трехкратный обладатель Кубка мира, победитель турнира «Дружба-84». Его считают владельцем неофициального рекорда «всех времен и всех борцов» — в течение пяти лет Арсен не проиграл ни одного поединка, ни

- Арсен Фадзаев! И этим все сказано

одного очка на всех всесоюзных и международных турнирах! И только в 1989 году на чемпионате мира он довольствовался «серебром», правда, выступал в более тяжелой весовой категории.

Арсен обладает особой реакцией, координацией, психической уравновешенностью. Эти качества, безусловно, нужны любому большому спортсмену. Но у Фадзаева они развиты в исключительной (опять же я не преувеличиваю) степени. К тому же он чрезвычайно пластичен, физически силен, гибок, прыгуч. У него острый ум, математическое мышление: Арсен умеет просчитывать, как компьютер, на несколько ходов вперед в любом поединке. Все это воплотилось в идеальную модель борца, у которого просто невозможно выиграть!

Мне очень было интересно наблюдать, изучать, анализировать поступки и действия Фадзаева. Он «раскрылся» неожиданно для всех в 1983 году в матче СССР—США. Он со счетом 11:0 выиграл у Эдварда Рейна, который незадолго до этого вышел победителем престижного международного турнира в Тбилиси (Рейн затем, к слову сказать, стал серебряным призером Олимпиады-84). Арсен вдруг показал такую яркую борьбу, что Иван Ярыгин твердо решил испытать молодого парня на Кубке мира.

Кубок мира помог раскрыться Фадзаеву — все лучшие качества, которые накапливались в нем, сразу выплеснулись наружу. Даже старший тренер американской команды Дан Гэйбл, выдающийся борец, от удивления разводил руками (а он тоже раньше выступал в категории 68 кг) — давненько не видал такого азартного стиля, ювелирной техники!

А потом пошли беспроегрывные серии — на Спартакиаде народов СССР, на чемпионате страны, на мировом первенстве-83 в Киеве. Помню, как после заключительного поединка, когда судья поднял руку Фадзаева и диктор Владимир Партин торжественно объявил о победе нового чемпиона мира, Арсен

вдруг своей легкой трусцой решительно побежал в другую сторону от раздевалки. Потом я у него допытывался — что случилось? Он честно признался, что был настолько счастлив и возбужден, что потерял ориентировку и кинулся искать тренеров и ребят не там, где нужно...

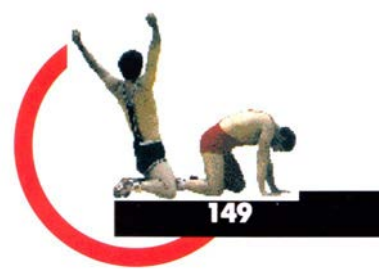
Как же развивались у Арсена такие великолепные качества борца? Может, он с «младых ногтей», как в спортивной гимнастике или фигурном катании, приобрел к спорту? Вовсе нет. Настоящий ковер он увидел только в 14 лет, когда в родном селе Чикола Ирафского района Северной Осетии пришел в секцию к тренеру Рамазану Бичилову. Родители Фадзаева (отец — шофер, мама — ветеринар) воспитали четырех сыновей, но ни у кого из них не появилась тяга к борьбе, хотя в горных селениях мальчишки умеют постоять за себя, а возиться на опилках — их любимое занятие.

Талант к борьбе проявился у Арсена сразу. Видимо, природой было дано стать «реактивным» на ковре. Он легко выигрывал турнир за турниром: чемпионат страны среди юношей, спартакиаду школьников, трижды завоевывал высшие награды на молодежных первенствах страны и, наконец, стал сильнейшим в мире и Европе среди юниоров.

К тому времени Арсен, окончив десятилетку, начал тренироваться в Орджоникидзе в «Трудовых резервах» у Казбека Магомедовича Дедегкаева, который в свое время был классным борцом, успешно конкурировал на всесоюзных чемпионатах с именитым махачкалинцем Русланом Ашуралиевым.

Позже Арсен и Дедегкаев, а также их земляки Аслан и Махарбек Хадарцевы переехали в Узбекистан: там, в Ташкенте, для них создали отличные условия для тренировок и жизни.

Очень переживал такое дело Сослан Андиев, министр спорта Северной Осетии. И добился-таки, чтобы осетины вернулись под крышу дома своего.

Кому сесть в кресло?

И. ЯРЫГИН. Осень. Я остался как бы не у дел. У руля Федерации Виктор Борисов, главный тренер сборной России — Илья Токмаков. Они очень прочно держались за свои кресла, объединили вокруг себя группу людей, которые вдруг начали поливать грязью меня и моих товарищей по отделу борьбы Госкомспорта. Это было очень неприятное для меня время. И хотя я присутствовал на Кубке мира в Москве, чувствовал на себе косые взгляды.

Да, командный Кубок мира-92 сборная России выиграла, а американцы, между прочим, были не вторыми, а третьими, они уступили иранцам. Справедливости ради назову тех, кому досталась огромная ваза: Петр Юмшанов, Султан Даудов, Багаутдин Умаханов, Ниязбек Антуев, Вадим Богиев, Рустем Келехсаев, Сайгид Катиновасов, Виталий Гизов, Георгий Кайсинов, Дауд Магомедов.

В. ГОЛУБЕВ. 17 ноября в Москве начала работу отчетная конференция Федерации вольной борьбы России. Делегации 17 регионов страны покинули зал заседаний «Динамо», выразив тем самым недоверие ее президенту Виктору Борисову. В оппозицию вошли многие выдающиеся атлеты, в том числе Иван Ярыгин, Сослан Андиев, Арсен Фадзаев. Они обратились с просьбой о посредничестве в Олимпийский комитет России. Создали комитет для подготовки новой конференции. Возглавил комитет Шамиль Невретдинов.

14 декабря 1992 года на Лужнецкой набережной состоя-

лась внеочередная отчетно-выборная конференция. Виктор Борисов и члены исполкома в ней не участвовали, хотя их настойчиво приглашали в зал. Они заявили, что этот «съезд» незаконен.

Тем не менее, 50 делегатов, представляющих 22 республиканские, краевые, областные федерации, обсудили создавшуюся ситуацию, внесли изменения и дополнения в устав. Избран новый президент Федерации — Иван Ярыгин.

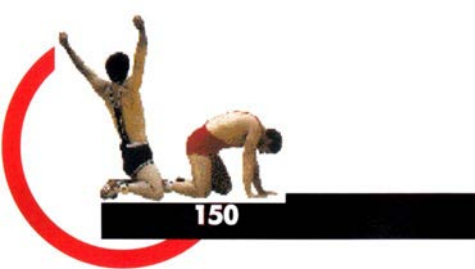
...Президент Олимпийского комитета России Виталий Смирнов получил письмо от президента ФИЛА Милана Эрцегана, в котором тот просил личного содействия в объединении в России двух видов борьбы — вольной и греко-римской. Устав ФИЛА разрешает иметь в стране только одну национальную федерацию, которая и будет признана.

И вот 2 марта 1993 года была проведена объединительная конференция. Была создана Федерация спортивной борьбы России! Президент — Иван Ярыгин, первый вице-президент — Виктор Игуменов. Вице-президенты — Сослан Андиев, Андрей Слушаев, Станислав Гаджиев, Александр Карелин, Михаил Мамияшвили, Дмитрий Миндияшвили, Петр Чинибалаянц. Члены бюро — Борис Будаев, Николай Бухонин, Анатолий Винник, Шамиль Хисамутдинов, Борис Давыдкин, Нугзар Журули, Вячеслав Миронов, Шамиль Невретдинов, Валерий Онопоко, Николай Проказов, Валерий Резанцев, Алексей Шумаков, Арсен Фадзаев.

Римские каникулы

И. ЯРЫГИН. Арсен Фадзаев был назначен главным тренером сборной России. И дебютировал в но-

вом качестве на Кубке мира в Толидо. Снова там откровенно засудили Эльмади Жабраилова, отдав по

• Член Европейского комитета борьбы Иван Ярыгин и член бюро ФИЛА профессор Александр Новиков

беду Кевину Джексону. Наш финал с американцами закончился со счетом 5:5, но количество побед по баллам оказалось у соперников больше.

Разочарование ждало всех нас и на чемпионате Европы-93 в Стамбуле. Знатокам борьбы нет надобности говорить, что там творилось в судейском плане. Мы уступили командное первенство туркам. У нас два чемпиона — Рустем Келехсаев и Магомед Азизов, «серебро» у Султана Даудова, «бронза» у Азиза Азизова, Гочи Макоева, Геннадия Жильцова.

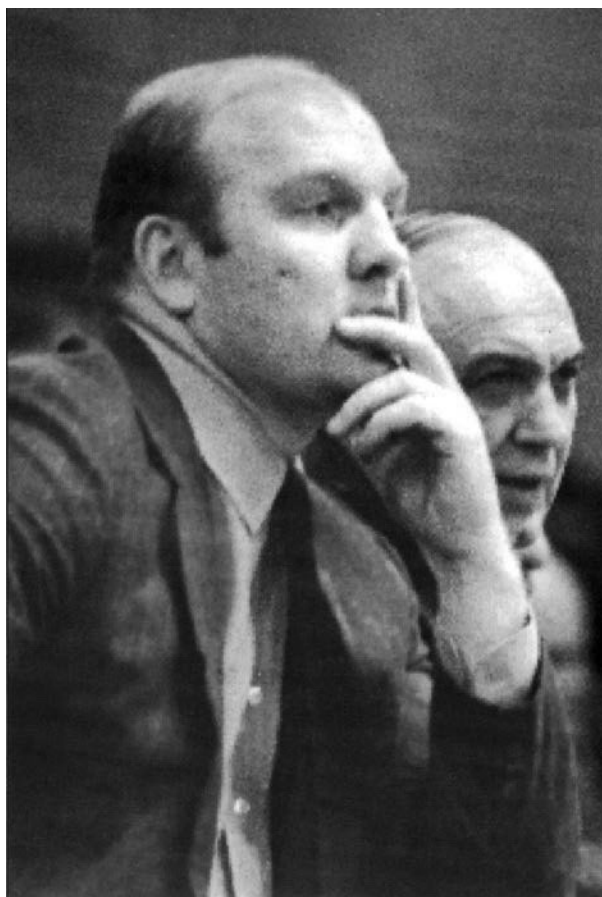
Я успокаивал Арсена — не переживай, ты только формируешь боевую команду.

...В июне летал в Красноярск. Дмитрию Миндиашвили — 60 лет! Губернатор Красноярского края Валерий Зубов подписал решение о присвоении Школе высшего мастерства имени Дмитрия Миндиашвили. Учитывая заслуги красноярских борцов, Олимпийский комитет России поддержал просьбу ФИЛА о проведении в 1997 году в Красноярске чемпионата мира!

Ну а пока в конце августа мы отправились в Торонто на 29-й чемпионат мира. Американцы были в ударе — три чемпиона. У нас один чемпион — Лери Хабелов. Вторые места заняли Вадим Богиев и Сайгид Катиновасов, третий — Сергей Замбалов.

Я чувствовал, что команда крепнет, что Фадзаев усилил дисциплину на сборах. Должен быть какой-то прорыв! Правда, 21-й Кубок мира-94 в Эдмонтоне тоже не стал радостным для нас — только третье место. Зато чемпионат Европы-94 в Риме оказался триумфальным! А еще мне было приятно, что на конгрессе ФИЛА в Афинах были избраны три новых члена Европейского комитета. Это Александр Медведь (Белоруссия), Тодорис Хамакос (Греция) и ваш покорный слуга.

В. ГОЛУБЕВ. После трагических событий на чемпионатах Европы и мира, после злосчастных поражений на двух Кубках мира российская сборная в прекрасный час возродилась из пепла, взлетела на крыльях богини Ники к заоблачным высотам! Триумфально выступили наши парни на 37-м чемпионате Старого Света 1994 года с участием 30 команд. Четыре «золотые», «серебро», две «бронзы», потрясающий отрыв от хва-

ленных-перехваленых турок и немцев! Могу себя погладить по головке (а кто еще это сделает, кроме любимой жены!): перед первенством я предрекал, прогнозировал этот успех, ибо видел всех действующих лиц на борцовской сцене и понял: с такими орлами не только горы своротить, а и взорвать их можно (чтобы не мешали летать). Счастливый Иван Ярыгин, наш богатырский президент, возбужденно говорил: «Вот теперь я вижу настоящую команду, вот теперь нас не остановить!»

Расскажу подробнее об этом чемпионате.

...И когда аэробус компании «Апитали» «Макдоннелл Дуглас Супер-80» сделал крен над Апенниннами, ска-

151

листыми и снежными, когда синюшное блюдце неба оказалось над иллюминатором, екнуло сердце — а вдруг в кабине пилота посторонний? А глаза невольно рассматривали изумительную по четкости картинку (как на экране «Фунай») — сердитые ущелья, изумрудные луга с почкующимися домиками, покрытыми красным лаком черепиц, небольшие озерца с зеркальными карпами (и осетрами?). Нет, нельзя портить падением такую красоту. И аэробус, выровнявшись, взял курс на Милан. Двухчасовая передышка, проблемы с визами, переговоры-пересуды — и через 50 минут бесшумного скольжения в минусовом режиме под нами ночной Рим, город мечты!

Автобус, в котором хочется жить, а не кататься, высвечивал галогенными фарами названия — аэропорт Леонардо да Винчи уже позади, вот Остия ди Антика,

еще что-то. Ничего не понимаю. Если все дороги ведут в Вечный город, то почему мы все время забираем левее? Оказалось, что «бас» доставил нашу солидную делегацию в курортный (что там цэковские санатории?) городишко Лидо ди Остия на берегу Тиренского моря, а сам чемпионат пройдет в так называемом Олимпийском центре Международной любительской федерации борьбы. Ну, если не Рома, так зато морские ванны, вроде бы не холодно, градусов 20.

Олимпийский центр действует уже четыре года. Сюда «набегают» разные сборные, в том числе и наша. Интернациональный тренерский коллектив. Уже сезон трудится чернобровый и седовласый Юрий Шахмурадов, которого, надеюсь, представлять не надо, он главный специалист ФИЛА, а жена и дочка — по красивее итальянских примадонн.

Репортаж с петлей на шее

Юлиуса Фучика никто не читал, но все знают, что есть у него книга с таким названием. Сейчас объясню, к чему это я.

Как вы помните по школьной программе, в произведениях соцреализма природа должна раскрывать образ положительного или отрицательного героя. В день начала чемпионата все в Остия переменялось — и холод и дождь. Попрыгались парусники, убежали с пирсов мальчишки со своими огромными «телевизорами» (это у нас так называют рыболовные сетки в виде квадратов) — шторм баллов на семь-восемь. Грозят неприятности?

Сначала выяснилось, что в пресс-центре мне не дали воспользоваться телефоном, ибо я не послал аккредитацию, которой у меня не было. Дарение значков и красных червонцев с дедушкой Лениным привело к улыбкам и возможности взять стартовые протоколы. А

еще настроение было испорчено тем, что после «легкого» завтрака включил в номере телевизор и чуть не упал в обморок — «Санта-Барбара»! Терпеть не могу мыльные оперы, и здесь достали!

Я только успевал записывать — начало великолепное! Вадим Богиев чисто выиграл у болгарина Цветалина Василева, Руستم Келехсаев — у экс-чемпиона мира немца Ханса Гшоттнера — 3:0. Багаутдин Умаханов «убрал» швейцарца Рики Хафнера — 6:0. Но не зря, видать, штормило, не к добру! Чуть не произошла большая трагедия. Наш «полутяж» из Владикавказа Давид Мусульбес, чемпион страны, скромный и застенчивый, сразу «попал» в лапы Хайко Бальцу, резкому немцу со многими титулами. Не устоял, отдал пять баллов, да еще очутился на «мосту». И вот тут-то Хайко, с умыслом или без умысла, сжал горло Давида звериной хваткой. Арбитр как-то индифферентно на

это смотрел, и вдруг пулей выскочил на помост Арсен Фадзаев. Это он увидел, как посинело лицо Мусульбеса, как откинулась рука. Что тут началось! Метался, как сумасшедший, возле бездыханного борца итальянский врач, выбежали массажист Юрий Авдеев и доктор Алексей Самсонов.

Было очень страшно — почти две минуты Давид находился в коме. Самсонов спас ему жизнь — успел-таки вытащить щипцами язык. Давида увезли в клинику, к вечеру он оклемался, но Фадзаев и врач выступать дальше ему не дали...

Ричард Гир снялся в фильме ужасов

Ловлю себя на мысли, чтобы не переборщить. В смысле — не перехвалить. Понятно, что всякий кулик хвалит свое болото, но все-таки трудно удержаться от восторгов — ведь потрясающе выступили наши парни! Разумеется, не все было гладко. Вот Петя Юмшанов из Якутска проиграл первую встречу и сразу оказался за бортом турнирного корабля. Жутко обошлись с Магомедом Азизовым, махачкалинцем, чемпионом Европы-93. Никогда не сваливал поражения на неobjективность судей, хотя, сами понимаете, это основной довод у тренеров и атлетов. Но сейчас прямо скажу, что был свидетелем кошмарного действия. Догадываетесь? Точно — Магомеду «достался» итальянец Джузеппе Скилаччи. Естественно желание Итальянской федерации занять дома хоть одну медальку. Но не таким же бессовестным образом! Явно, что с судьями была проведена «работа» (уж не с нашей ли черной икрой?). Магомед классно бросал, а ему не давали баллов! Арсен Фадзаев не выдержал, чуть не набросился на рефери. Но схватку спланировали.

Багаутдин Умаханов из Хасавюрта мог стать трехкратным чемпионом континента. Чуть не хватило, но и «серебро» для этого упорного парня достижение отменное.

Мичман из Калининграда Андрей Шумилин очень напоминает мне киноактера Станислава. Чекана, сыгравшего когда-то Ивана Поддубного в фильме «Борец

И клоун». Огромный потенциал у нашего остроумного «тяжа». И такие же всеобъемлющие желания: его тренер Олег Сугак, человек разумный и рассудительный, сообщил, что Андрей видит себя первым в Атланте. Я, например, в это верю. Андрей уступил 0:3 турку Махмуду Демиру, чемпиону Европы-93, но было видно, что это его последний шаг назад.

Нашелся в нашей команде человек, которому в третий раз удалось «покорить» Европу. 27-летний Насер Гаджи ханов, инженер-строитель из Махачкалы (правда, все-таки он не решил, что будет строить — социализм или капитализм?), ученик Абуталиба Дуралиева и Суража Эльдара, разнес в пух и прах своих конкурентов. Тренер сборной и земляк Насера Мейербер Юсупов (который когда-то нравился мне своей искрометной борьбой) назвал Гаджиханова бриллиантом дагестанской школы. И вправду, ласковый папа двух дочек — Захры и Сайдат — «расстреливал» на ковре каскадами приемов. Как пластично, как изящно он действовал в финале с турком Тураном Кейланом!

...Представляю счастливое лицо моего друга, с которым знаком почти двадцать лет, Сослана Андиева, министра спорта Северной Осетии. Он постоянно мне говорил при встречах, что джигиты его республики прославят и Осетию, и Россию. Поздравляю тебя, Сослан, с тремя великолепными чемпионами — Сосланом Фраевым, Рустемом Келехсаевым, Вадимом Богиевым!

Познакомился я в Остия с очень милым человеком — президентом Федерации вольной борьбы Северной Осетии Русланом Гиоевым. И хотя он директор спиртзавода, в рот не берет ни капли (я тоже по средам). Все тренеры и ребята говорили, что это самый лучший президент (всех стран?), потому что он щедро и безвозмездно помогает всем борцам республики.

Где вы, фотомодели и «мисс мира»? Вы страдаете от любви и боготворите Диму Маликова, Филиппа Киркорова? Вы без ума от самого красивого и сексапильного киноартиста Штата Ричарда Гира? Бросьте страдания — и вперед, во Владикавказ! 25-летний Рустем Келехсаев — копия Ричарда Гира. Любовь с первого взгляда вам гарантирована. Правда, остерегайтесь его очаровательной жены! Рустем второй раз выиграл европейское «золото», я назвал бы его лучшим борцом чемпионата. У него был труднейший жребий, и сколько мужества потребовалось, чтобы выдержать

все испытания. Его тренер Малик Тедеев, кстати, племянник знаменитого Елкана Тедеева, сжимал кулаки, кричал, переживал, а в конце твердо сказал: «У Рустема сейчас невозможно выиграть». Турок Себазаттин Озтюрк сделал подлый удар головой, разбил в кровь лицо Рустему, на него было страшно смотреть — только в фильмах ужасов бывает такой жуткий грим. Да, с такими ребятами наша команда будет и сильнейшей в мире!

24-летний Сослан Фраев дебютировал на чемпионате. Но сложилось такое впечатление, что это не новичок, а «дублер» неповторимого Махарбека Хадарцева, который безраздельно царствовал в категории 90 килограммов. Сослан так техничен и резок, что соперники и не помышляли кинуть его, он их сам раскидывал во все стороны. Но, увы, в Остия не было его тренера Рамазана Дзагоева, на сборах в Кисловодске с ним случился инфаркт.

Валентин Дикуль под охраной милиции

Победа команды. Это не просто огромный кубок с шампанским. Это не только премиальные в валюте чемпионам и призерам благодаря генеральному спонсору Федерации спортивной борьбы России российско-бельгийскому СП «Балкер трейдинг» (гендиректор Петр Янчев), а также московскому филиалу коммерческого банка «Енисей» (гендиректор Юрий Брюханов), известной фирме ЛЛД (гендиректор Михаил Ларин). Это все, кто рядом с ребятами, — Иван Ярыгин, Арсен Фадзаев, тренеры, члены бюро Федерации Валерий Онопоко и Шамиль Невретдинов.

Я их отлично знаю. Онопоко много лет был старшим тренером молодежной сборной Союза, привозил чемоданы ме-

далей. Он сейчас как начальник штаба, на нем «висят» организационные вопросы. Он готовил всю эту грандиозную операцию по «захвату» итальянских наград, все тщательно продумал, чтобы люди не нервничали. Шамиль Невретдинов, бывший преподаватель инфизкульты, имеет тысячи учеников. Необыкновенно силен, крутит толстые гвозди. Его похвалил за силу сам Валентин Дикуль, который оказался с нами в самолете.

Или, скажем, Леонид Филимонов, директор Кисловодской спортбазы. Легкоатлет, обыгрывающий когда-то Валерия Борзова, он чуть не довел себя до инфаркта, так переживал за ребят, которые стали ему родными.

Президент ФИЛА Милан Эрцеган, которому скоро 80, всегда симпатизировал нам. И он нисколько не удивился, что «золото» взяли и россияне, и украинец, и азербайджанец, и два армянина. Это ведь наша общая школа. Думаю, что ему очень понравился новый чемпион Вадим Богиев, который был чемпионом континента и мира по юношам и молодежи. А потом как-то отошел на вторые места. Вот и на чемпионате мира-93 ему досталось «серебро». А в Остия Вадим, веселый, раскрепощенный, поверил в себя. В шестом классе увез его и брата в Москву Анатолий Маргиев, ныне главный тренер Вооруженных Сил. Мы с ним долго беседовали. Очень тонкий, интеллигентный человек, закончил физмат пединститута, но выбрал не школьный класс, а спортзал. Живет в однокомнатной квартирке на Щелковской с женой и двумя крошечными детишками, небольшого роста, а сила в нем духовная — такого классного чемпиона вырастил!

А еще в Остия прошел третий чемпионат мира среди ветеранов. Это ведь тоже потрясающее зрелище! Лысые и седовласые, тонкие и толстые, сердитые и добродушные, они смеялись и плакали, как дети. Они вернулись в молодость, хотя страдали от нагрузок, травм, одышек. Но это был их мир, где надо выжить, а значит — победить! Я искренне радовался за майора милиции ГУВД Московской области Александра Коршунова, второе место занял, а ведь в прошлом году был четвертым.

И. ЯРЫГИН. Надо сказать, что члены Федерации

борьбы с большим интересом прочитали репортажи Голубева в «Советском спорте». Пресс-атташе нашей федерации, на мой взгляд, верно расставил акценты. Да, это колоссальная удача очень была нужна нам, Арсену Фадзаеву. Мы все действительно поняли, что команда вырисовывается, в ней есть талантливейшие ребята, которые могут достичь славы своего главного тренера.

Я понимал, что этот всплеск придаст уверенности всем. Но боялся того, что некоторые могут воспринять успех как дело само собой разумеющееся. Конечно, невозможно все предугадать, но мы позже допустили серьезную ошибку: разрешили почти всем лидерам выступить на Играх доброй воли в Питере.

И это был просчет. На сентябрьском чемпионате мира-94 в Стамбуле команда выступила не так, как от нее ждали. Всего одно «золото» у россиян, но по два у турок и кубинцев. Мы были близки к командной победе, но она все-таки уплыла от нас. Не хватило одного очка! Пусть даже Насыр Гаджиханов занял бы не пятое место, а четвертое, и тогда золотой кубок держал бы в руках Фадзаев. Очень обидно и за Махарбека Хадарцева, у него были страшные боли в спине, и он не смог выиграть в последнем бою.

Признаться, мы немного опасались, ведь Турции 20 лет не давали проводить чемпионаты мира. В 74-м в Стамбуле болельщики вели себя просто безобразно. И вот нынче все, кажется, обошлось. Впрочем, слово пресс-атташе Федерации Владимиру Голубеву.

С ятаганами наперевес

В. ГОЛУБЕВ. Где я, куда попал? Лететь на «Боинге» три с половиной часа, чтобы очутиться в турецкой советской торговой республике? «Девчата, вы откуда?» — «Та с Украины, с Хмельницкого». — «Как же вы такие огромные баулы ворочаете?» — «Та ж своя ноша не тянет». Отель «Тайхан» битком набит родными лицами. Украинцы, белорусы, грузины. Идешь по уз-

кой, извилистой улочке Тюркели, через каждые два метра слышишь: «Брат, загляни ко мне! Коллега, зайти в магазин!» Это старая рыночная часть Стамбула — Кумкали. И я здесь не по путевке шоп-тура, как все бывшие советские трудящиеся. А потому что во Дворце спорта, который расположен недалеко от древних стен знаменитой крепости Константинополя, начина

ется 30-й чемпионат мира по вольной борьбе. Ой, что-то будет?

А что может быть? Свирепые янычары с кривыми ятаганами не нападут же на нас! Может, и обойдется без поножовщины, но скандалы и «забастовки» зрителей обязательно будут, поэтому к месту гладиаторских боев стягиваются батальоны полицейских с хищными дулами черных автоматов.

Новая формула чемпионата — это хороший эксперимент. Решили в четверг и пятницу выявить чемпионов в пяти категориях, а в уик-энд чествовать остальных победителей и призеров. Следить за поединками на трех коврах в современном Дворце спорта «Абди-

Ипекчи» теперь одно удовольствие. Раньше бывало, атлеты всех десяти категорий мельтешили перед зрителями с утра до поздней ночи. Нынче даже перерыв предусмотрен. Можно зайти в какую-нибудь симпатичную или простенькую «забегаловку» и отведать что-нибудь острое, перченое, как, например, люля-кебаб, но все это неизменно вкусное. И выпить бутылочку холодного пива «Эфес».

Во Дворце безумное количество иранских болельщиков с флагами и трещотками. Кричат они фанатично. Но мне кажется, что россияне всех переплюнули: чартерными рейсами из Якутии, Северной Осетии, Дагестана прибыло около 300 наших трудящихся!

Значит, все-таки не так бедны любители вольной борьбы молодой республики России!

Приятно было встретить своих старых друзей — Сослана Андиева, министра спорта Северной Осетии, двукратного олимпийского чемпиона, Владимира Юмина из Каспия — чемпиона Олимпиады в Монреале, Виктора Алексева из Красноярска — двукратного чемпиона мира и других. Между прочим, в «команде» Якутии оказалось аж пять журналистов. С блокнотами, но без алмазов.

Председатель Красноярского крайспорткомитета Владимир Черных привез в Стамбул (или они его?) первого за-

местителя главы администрации края Евгения Васильева, президента компании «Красноярские авиалинии» Владимира Медведева, известного бизнесмена Юрия Лапшина и других деловых людей. Это для чего же? Да будет вам известно, что в Красноярске в 97-м пройдет чемпионат мира по борьбе, а еще планируются Игры доброй воли на втором году нового тысячелетия. Прошли переговоры с фирмой «Аларка» о строительстве международного аэропорта в сибирском городе, гостиничного комплекса. Все друг друга поняли и остались довольны.

Уволить, нельзя помиловать!

Была жара. Жара плыла. В Стамбуле было это. Множество повидал я чемпионатов. Но этот оставит след в сердце навсегда. Драматичный! Не то слово! Потрясающий — по эмоциям, по восприятию. 48 стран-участниц, четыре дня бури и натиска, 411 поединков. Были моменты, когда все рушилось, когда мы все впадали в уныние. А в итоге наша российская сборная набрала столько же очков, сколько и турецкая. Но у них все-таки два «золота», а у нас одно. И поэтому мы снова нынче вторые, как и на прошлом чемпионате. Но в этом нет ничего страшного. Еще одно усилие — и нас никто не догонит.

Первый финальный день был для нас очень тревожным. Ни одного россиянина в главных поединках на первое место, это какой-то нонсенс. Может, судейство было не в нашу пользу? Может, задавили наших парней проклятые капиталисты в белых одеждах? Да, ошибки были, «прихватывания» тоже. Но в целом как раз арбитраж был на хорошем уровне. Особенно можно выделить москвичей Александра Попова и Нугзара Журули. Таково

мнение председателя Всероссийской коллегии судей Геннадия Венглинского. А он авторитетный человек, был чемпионом Союза, призером Спартакиады народов СССР. Геннадий Петрович избран президентом Фонда социальной защищенности спортсменов имени Льва Яшина.

Как заметил олимпийский чемпион Владимир Юмин, у ребят не хватало волевых усилий на последних секундах встреч. Бронзовые призеры всего-то проиграли по одной схватке, а в других выглядели просто великолепно. Не будь осечек, у наших ребят с «бронзовым загаром» могли быть медальки повесомее. Возьмем, к примеру, Багаутдина Умаханова из Хасавюрта. Его и братьев тренирует дядя Магомед Гусейнов. В борцовском клубе имени Имама Шамиля занимаются 250 мальчишек, а президентом школы является депутат Верховного Совета Дагестана Гаджи Махачев. Ведь классный атлет Умаханов, с титулами, он и сам чувствует, что созрел для мировой короны, поэтому так недоволен был собой, аж зубами скрежетал. У студента экономического факультета Дагестанского университета явный настрой на олимпийское «золото».

А Петр Юмшанов из Якутска? Ему 24, тренируется у Будимира Яковлева, и это отменное для него достижение, ведь уже несколько важных турниров он «пролетал». А сейчас показал искрометную технику.

Но самым перспективным и даже олимпийским чемпионом я вижу Давида Мусульбеса из Владикавказа. Ему всего 22, он необычайно скромн, фигура у него, как у культуриста, он мощный и пластичный. Наконец-то Давид почувствовал «власть металла», долго рассматривал свою первую награду. Давид — новый тип борца, умного и хладнокровного. Он закончил горно-металлургический институт, строительный факультет, и работает заместителем директора спиртзавода по капитальному строительству. А директор завода Руслан Гиоев, он же президент Федерации борьбы Северной Осетии, сказал, что очень верит в Давида, в его тренеров Казбека Дедегкаева (двоюродного брата Казбека Дедегкаева, который тренирует Махарбека Хадарцева) и Савелия Бязова. И Сослан Андиев (я его, кстати, поздравил — у него были три дочки, теперь и сынишка растет, Георгием назвал — упорный оказался олимпийский чемпион) отметил, что Давид чрезвычайно талантлив...

...Обнялись мы с Александром Медведем, президентом Федерации борьбы Белоруссии, он улыбочив, ироничен: «Привет писателям! А у меня в команде тоже есть писатель, чуть-чуть ему до «бронзовой птицы» не хватило». Да, Олег Гоголь стал четвертым. А вообще в сборной Белоруссии хлопцы есть неплохие. Хорош тяжеловес Алексей Медведев (а вот сын Александра Васильевича — Алексей Медведь, решил с борьбой завязать). И это прекрасно, что бывшие республики выступают своими командами. Вот, скажем, в команде Молдавии боролся Лукман Жабраилов. Да, правильно, тот самый Лукман, который жил в Хасавюрте, был серебряным призером турнира «Дружба-84», обладателем Кубка мира. Ему 32, и его уже не брали в российскую сборную. А ему хотелось выступать. Как, впрочем, и его брату Эльмади, который в Барселоне завоевал «серебро». Эльмади на сей раз не повезло (он был в команде Азербайджана), а Лукман сотворил чудо — стал чемпионом

оном мира! И старший брат, и тренер Руслан просто ошалели от счастья — фамилия Жабраиловых прославлена на века!

К тому же именно на решающий поединок Лукмана с турком Сабахатином Озтюром, чемпионом мира-93, прибыла на вертолете со свитой обаятельная Толсу Чиллер, премьер-министр Турции. Лукман был великолепен, а свита, чинно похлопав, удалилась. Вечером, говорят, был уволен министр спорта. Крутые у них премьеры!

Увы, еще два поражения ждали нас. Могучий Андрей Шумилин знал, что во встрече с турком Махмутом Демиром ему придется не сладко. Под зловещие удары барабана, под истошные крики зрителей шел этот поединок тяжеловесов. Казалось, дождь прорвал крышу, пять раз шустрый мальчишка убирал шваброй влагу с ковра (вот как потеют богатыри!). Махмут дрался, царапался, как некрасивая девчонка в школе, тыкал пальцами в глаза. Андрей его не боялся, но все-таки в этом случае надо было выложиться до конца, чтобы не дать повода судьям сомневаться. А так — по мнению арбитров, победу отдали, конечно, турку.

Султан Даудов был явно слабее Намика Абдулаева из команды Азербайджана. А ведь махачкалинец был серебряным призером чемпионата Европы. Неужели уверенность потерял?

В воскресный день тучи над городом встали. Острые минареты проткнули их насквозь. Море потемнело, как лица наших тренеров. Да и не только наших. Американских тоже. Их громадный «Титаник» со многими чемпионами Олимпиады и мира пошел ко дну. Только одному тяжеловесу, двукратному олимпийскому чемпиону Брюсу Баумгартнеру, удалось добыть «серебро», и еще Мэлвин Дуглас отхватил «бронзу». И все! Катастрофа для сборной, которая на прошлом мировом первенстве была первой, а нынче — девятой.

Очень огорчил нас двукратный чемпион Европы Насыр Гаджиханов. Вдруг проиграл молдаванину Виктору Пейчеву — 1:5. Просто ужас какой-то. Насыр расклеился, уступил и кубинцу Альберто Родригесу — 3:5.

Признаться, я боялся подходить к главному тренеру Арсену Фадзаеву, он был ошарашен случившимся.

- Когда-то я работал на Красноярском мясокомбинате и там есть мой "спортивный уголок"
- Дочка Анна и супруга Наталья. Обе — красавицы. Правда?

Вся надежда оставалась на Махарбека Хадарцева и Магомед Азизова. Они во всех поединках действовали безошибочно. Магомед, 25-летний чемпион Европы-93, студент политехнического института, ученик старшего тренера сборной Дагестана Сайгида Гаджиева, даже сверхжесткого турка Мухарема Демиргена обыграл со счетом 12:2! И это в полуфинале. А в финале Азизов «нарисовал» всем нам просто фантастику: за одну минуту он набрал 11 баллов, это значит, что наш классный джигит чисто победил экс-чемпиона мира Сергея Смаля из Белоруссии. Это был почерк лучшего борца чемпионата! Эх, холера ясная, гуляй, Дагестан!

Ну а что Хадарцев, которому 29 лет и который самый титулованный атлет сборной? Ему, увы, не удалось повторить достижения Фадзаева и Белоглазова, уступил он иранцу Расулу Кадеми — 1:4.

Да, мы снова вторые. Но я абсолютно убежден, что наш корабль идет верным курсом. У нас море талантов, тысячи преданных борьбе тренеров. Вспомним, как великолепно выступали в сезоне на чемпионатах мира и Европы наши кадеты, юноши, juniors. Мозговой центр Федерации — Арсен Фадзаев, Валерий Онопко, Шамиль Невретдинов, Борис Каргинов — не дремлет, разрабатываются новые планы наступления.

Мы молоды и красивы. Мы победим!

И. ЯРЫГИН. 94-й год уплыл в небытие. Еще год, еще один шаг к старости, к океану вечности. Человек так устроен, что и на смертном одре будет просить близких что-то сделать, что-то купить, что-то продать. А зачем ему это ТАМ? Он не знает, но пока homo sapiens жив, он и живет!

Эта книга, конечно, для знатоков борьбы. Она должна быть им интересна. Да, она уже издавалась в Москве, но это было уже несколько лет назад. Когда перечитал, то улыбнулся: какими же мы тогда были другими! Мы жили в другой стране, во многом, как нам казалось, счастливой, но и во многом лживой. Помню, как редактор книги заставлял вычеркивать фразы, абзацы, где был хоть намек на какие-то трудности жизни. При социализме трудностей не бывает! А сколько выпренных слов попадает, сколько ненужной патетики... Без этого тоже было нельзя. Ведь заставили же Александра Фадеева переделать «Молодую гвардию», чтобы отразить роль партии...

Мы не стали многое переписывать. «Памятники» не надо разрушать. Конечно, сейчас все можно осмыслить с новых позиций, рассказать всю правду, которую скрывали. Но мы посчитали, что пусть наивный стиль останется, ведь суть не выхолощена. Зато в книгу вошли все последние события: от Барселонской Олимпиады до грандиозной

сенсации спортивного века — матча сборной мира против сборной России и Северной Осетии. Прошел он 22 октября 1994 года во Владикавказе.

Признаюсь, когда меня выбрали президентом Федерации спортивной борьбы России, было не по себе: а справлюсь ли? Но для раздумий не было времени — сразу тысяча забот навалилась, и поток закрутил, завертел. Я снова как бы потерял дом, как это было в годы выступлений и тренерства, — почти круглогодичные сборы и турниры. Я «заверчен» с утра до ночи. Встречи в разных концах Москвы и в разных городах страны, переговоры, договоры, срывы контрактов, заключение новых. Тренерские советы, заседания исполкома, бумажки, решения, протоколы.

Наташа устает от телефонных звонков, не стесняется трезвонить глубокой ночью, на рассвете. Хорошо, дети уже выросли, учатся в Российской академии физической культуры. Аня на отделении гимнастики, она же мастер спорта, тренировалась в Красноярске с будущей олимпийской чемпионкой Леной Наймушиной. Сергей хоккеем увлекся.

Как ни занят, а все-таки вырвался летом в Сибирь, в поселок Майна. Там мама с сестрой живут. Маме исполнилось 75. Она у меня молодец, держится бодро.

И еще у меня сладость для души есть — это международный турнир на призы Ивана Ярыгина. В 95-м он прошел в шестой раз. Я и вправду горжусь, что каждый год три январских дня становятся праздником для красноярцев. Дворец спорта бурлит, десятки тысяч зрителей упиваются классными поединками. Ведь приезжают звезды борьбы из США, Германии, Швеции, Кореи, Японии, Польши, Монголии и, конечно, из СНГ.

На турнир «работают» администрация края, десятки коммерческих фирм. Какие концерты устраиваются для зрителей! А призы спортсменам — ковры, шкуры песца, телевизоры, видеомагнитофоны, электропечи. Главный приз — лучшему борцу — автомобиль «УАЗ»! Помогают нам все — и Олимпийский комитет России, и мэрия Москвы, в частности, вице-

премьер столицы Владимир Иванович Малышков.

Одним словом, эти традиционные соревнования только укрепляют авторитет российского спорта, ибо иностранные гости видят собственными глазами, что турнир проводится на уровне чемпионатов мира. Вице-президенту Международной федерации швейцарцу Раффи Мартинетти настолько все в Красноярске понравилось, что он заявил о своей полной поддержке на конгрессе ФИЛА права проведения в этом чудесном городе чемпионата мира-97.

И это свершилось! Конгресс утвердил Красноярск! Раньше подобные масштабные турниры проводились в Москве, Киеве и Минске. И вот теперь — родная Сибирь. Уверен — не подкачают сибиряки.

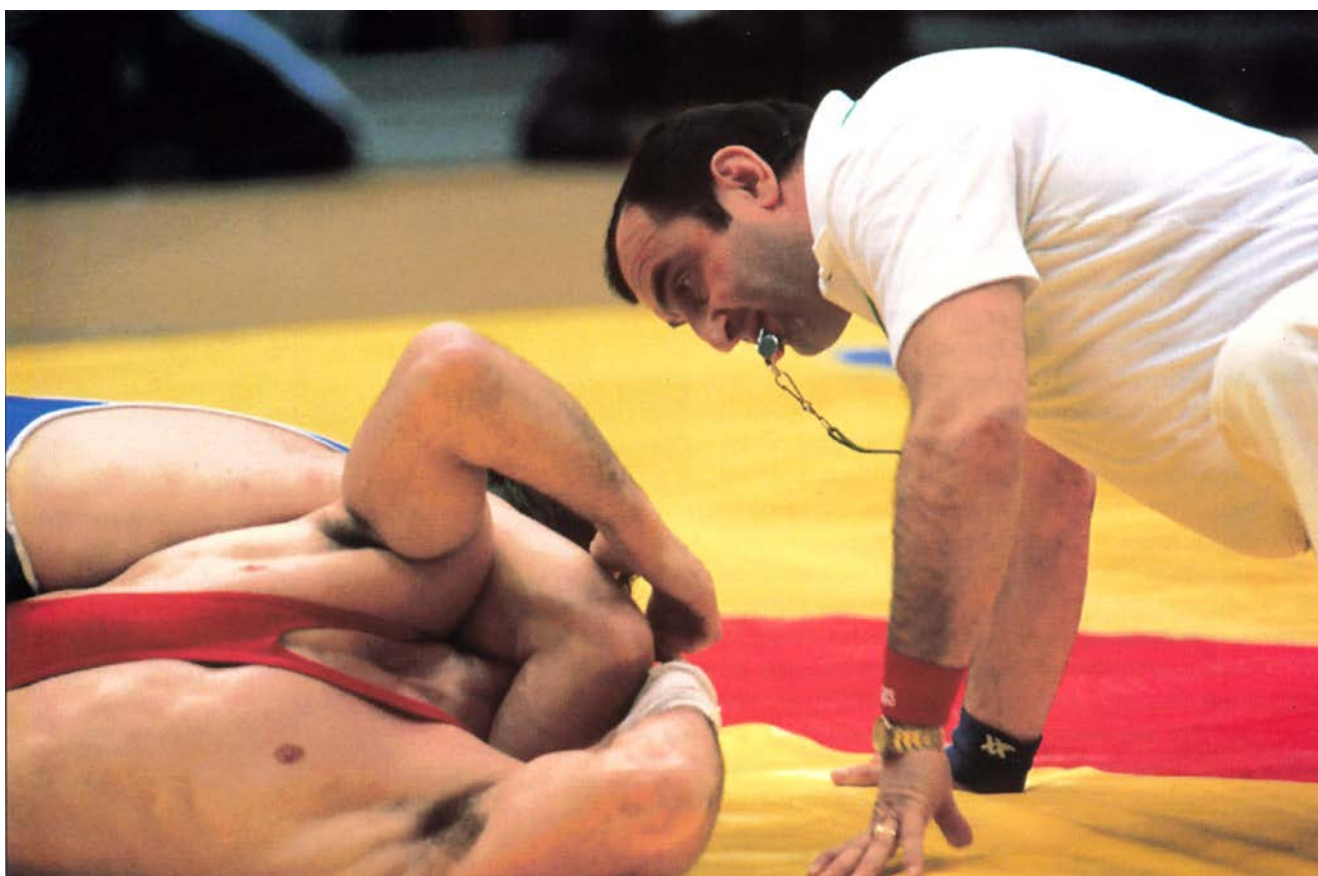
...То и дело слышишь или читаешь набившую оскомину фразу: «В наше трудное время...», «После распада Союза все пошло прахом...». Да, и я воспринял перестройку, раскол Союза как трагедию. Казалось, было все ясно, мы шли вперед, мы жили в стране развитого социализма. Конечно, я видел, как живут «простые» люди в западных странах, за океаном. Другой мир, другие жизненные ценности. По мере того как менялась наша жизнь после августа 91-го, в споре с друзьями начал осмысливать все произошедшее. Оружие люди из партии «Трудовая Москва» не понимают и не хотят понять того, что наша страна к рубежу 80-х подошла с разваленной экономикой. Но это скрывалось в торжественных докладах трех покойных генсеков. А мы с Наташей помним абсолютно пустые прилавки магазинов в 89-м, 90-м, эти довольственные визитки. Я-то человек состоятельный, я мог прокормить семью и родственников. А другие?

Да, переход к новому устройству общества, к разрешению частной собственности, к иностранным инвестициям чреват катаклизмами. Но этот путь прошли почти все государства, включая Америку. Разумеется, инфляция всех бесит, но цены упадут, когда снова заработают заводы и фабрики, обретя хозяев, которые будут заинтересованы в конечном результате труда.

Впрочем, не хочу читать лекцию на экономическую тему. Думаю, что спортивная жизнь наладится, когда государство станет богаче. Спорт страшным грузом висел

- На фото —
Отари Квантришвили

на шею страны, мы это воспринимали должным образом. И сейчас деятели науки, культуры, искусства, образования, медицины требуют от правительства: «Дай денег!» А их мало, они срочно нужны для социальной защиты населения. Все спортивные федерации жалуются, мол, что делать, не выживем, погибаем, нет средств. Но почему-то российские спортсмены участвуют во всех чемпионатах мира и Европы, а на Олимпиаде в Лиллехаммере вообще затмили всех!

Да, мы ищем спонсоров, меценатов. И так принято в других странах. И Олимпийский комитет поддерживает спорт высших достижений. И будет это делать и впредь. Мы ощущаем поддержку Фонда социальной защищеннос-

ти спортсменов имени Льва Яшина, который основал Отари Квантришвили и который возглавил после его гибели Геннадий Венглинский, чемпион Союза по вольной борьбе, чемпион Москвы, динамовец, генеральный директор спорткомплекса «Олимпийская деревня». Геннадий Петрович выделяет значительные средства для приобретения призов, для помощи ветеранам спорта.

...И еще немного о матче века. Владикавказ встретил всех участников и гостей кавказским гостеприимством. Это было фантастическое зрелище, неповторимое! Президент Северной Осетии Ахсарбек Галазов уделил этому событию огромное внимание, сердечно приветствовал атлетов и признался, что он сам страстный поклонник вольной борьбы.

- На фото — Новый президент Фонда социальной защищенности спортсменов имени Льва Яшина, чемпион Союза Геннадий Венглинский (справа)
- Главный судья матча Нугзар Журули и руководитель пресс-центра Владимир Голубев

За сборную мира выступили олимпийские чемпионы Алессандро Пуэрто (Куба), Кэвин Джексон и Дэйв Шульц (оба — США), чемпионы мира разных лет кубинец Алексис Вила, болгарин Валентин Иорданов, американцы Том Брэнде, Мэлвин Дуглас, турки Туран Кейлан и Махмут Демир, Арават Сабеев из Германии, победитель Игр доброй воли в Петербурге американец Таузенд Сандерс. Тренерами команды были Юрий Шахмурадов и американец Брюс Барнетт.

Нашу сборную возглавляли Арсен Фадзаев, Шамиль Невретдинов и Казбек Дедегкаев. В команду вошли двукратный олимпийский чемпион Махарбек Хадарцев, чемпион мира-94 Магомед Азизов, чемпион мира-91 Вугар Оруджев, двукратные чемпионы Европы Багаутдин Умаханов и Рустем Келехсаев, трехкратный чемпион Европы Насыр Гаджиханов, бронзовые призеры чемпионата мира Давид Мусульбес и Андрей Шумилин, чемпионы страны Афис Джавадов и Таймураз Урусов.

Матч закончился с потрясающим счетом — 9:2 в пользу сборной России! Вице-президент ФИЛА Раффи Мартинетти, вице-президент Олимпийского комитета России Анатолий Ковалев, заслуженный тренер Союза Николай Пархоменко, вице-президент Федерации борьбы России Андрей Слушаев, главный судья, кандидат медицинских наук Нугзар Журули, президент

Федерации борьбы Северной Осетии Руслан Гиоев, президент Федерации борьбы Украины Борис Савлохов и другие были в полном восторге от праздника. Столько сил в него вложили тысячи людей! А президент Галазов даже предложил коммерческому директору нашей Федерации стать его советником по экономическим вопросам. Заур Георгиевич Джиоев дал согласие. Вот как ценят талантливых людей Федерации!

И матч сборной мира со сборной Северной Осетии, которую возглавляли Борис Савлохов и Казбек Дедегкаев, тоже закончился в нашу пользу — 6:4. Прекрасный результат, великолепное достижение! Сильна, сильна Россия богатырями!

...Увы, не увидят этой книги наши знаменитые атлеты и тренеры, ушедшие из жизни. Ушли друзья — Шота Ломидзе, Али Алиев, Виктор Новожилов, Сергей Преображенский, Аркадий Карапетян, Сергей Карамчаков, Асламбек Дзгоев, Аслан Хадарцев, Отари Квантришвили, Владимир Горбатенко, Авив Аникин, Сефибек Мукайлов, Рамазан Дзагоев...

- Матч века: сборная мира — сборная России открыт!
- Президент Северной Осетии Ахсарбек Галазов, Владимир Голубев, Иван Ярыгин, журналист Магомед Канаев. Владикавказ-94
- Заслуженный тренер России Феликс Премильский — судья-информатор

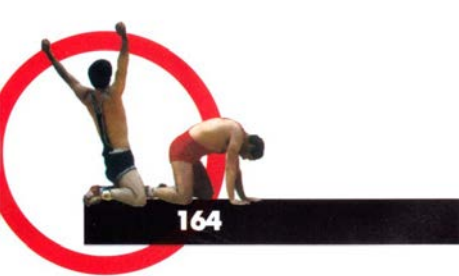

- Чемпион Европы-94.
Сослан Фраев выиграл
поединок красиво

- Руслан Савлохов,
Тасолтан Хаттагов, Борис
Савлохов, Арам
Ялтырян, Борис Дегтярь

- Раффи Мартинетти,
Степан Казарян,
Андрей Слушаев

...Когда меня спрашивают папы и мамы, в какую секцию отдать своего ребенка, я отвечаю: «В секцию борьбы». Вы думаете, что я так советую из-за сильной любви к своему виду? Я просто убежден, что каждый мальчишка обязан пройти борцовские университеты.

Чтобы воспитать в себе характер, чтобы стать добрым и сильным, чтобы уметь постоять за себя.

Вы прочитали эту книгу? Спасибо, как говорится, на добром слове, благодарим за внимание.

И теперь сделайте все возможное, чтобы заняться борьбой.

«Надежен, как сама Россия...»

В. ГОЛУБЕВ. Работа над этим вторым изданием книги близилась к концу, когда я почувствовал: нужен взгляд как бы со стороны, человека, знающего Ивана Сергеевича Ярыгина достаточно давно и, вместе с тем, не только в спорте.

Я попросил президента Федерации назвать своих близких друзей, кроме товарищей по сборной.

— Владимир Иванович Малышков, — сказал он. — Вячеслав Васильевич Иванов, Лев Николаевич Логинов, Виктор Кириллович Гупалов.

Выяснилось: председатель АО «Кооператор» Иванов, директор Комбайнового завода Логинов, директор большого машиностроительного завода Гупалов — красноярцы, друзья молодости, продолжают жить на Енисее. И я направился к Владимиру Ивановичу Малышкову, вице-премьеру правительства Москвы, руководителю Департамента потребительского рынка и услуг.

Владимир Иванович из Подмосковья. Окончил Московский торговый институт. Поработал в Латвии, находясь в военных частях, строил знаменитую дорогу Абакан-Тайшет. Прежде увлекался теннисом и баскетболом. Теперь по средам и субботам у него футбол.

Команда правительства Москвы, которую возглавляет мэр Юрий Лужков, часто встречается с командой артистов, журналистов, ветеранами «Спартака».

— Где же вы, Владимир Иванович, познакомились с Иваном Ярыгиным?

— В 1973 году меня перевели в Красноярск, назначили директором треста общественного питания. Позже стал генеральным директором объединения, зампредом горисполкома, начальником краевого управления торговли.

Кто в те годы был кумиром Сибири? Конечно же, Ярыгин, олимпийский чемпион Мюнхена, чемпион мира. Богатырь... Познакомились и сразу же сдружились. На первых порах свела нас близко рыбалка. Выедешь на Енисей — детишкам раздолье, мужикам азартное занятие, жены у костра хлопочут. А с собой у нас — гитара, аккордеон. Я ведь песни сочинял, стихи... Опять же — я человек спортивный. Когда предложили возглавить Федерацию стрельбы из лука — взялся. И дела у нас неплохо, нужно сказать, пошли. На первых порах все больше опыт соседей бурятов перенимали. Кое-чему у них научились, кое-что сами постигли. Я, естественно, сблизился и с другими спортсменами, тренерами. В частности, с Дмитрием Георгиевичем Миндиашвили и его семьей. И к борьбе прикипел душой. А уж когда Иван стал двукратным олимпийским чемпионом, то нас всех прямо-таки распирало от гордости. Знай наших! Сибирияков, красноярцев!

Когда в 1980 году Ивана назначили главным тренером, и он переехал в Москву, мы все чуть не плакали.

165

- Москва-94. Матч века.
Владимир Мальшков,
Виталий Смирнов,
Иван Ярыгин,
Шамиль Тарпищев

Думали — расстаемся надолго. Но он — человек, верный Сибири, своей родне, друзьям. Красноярск не забывал, прилетал, когда только мог...

— Представляю, сколько радости было у вас обоих, когда и вы стали столичным жителем...

— Да, в марте 87-го Борис Николаевич Ельцин позвал меня в Москву. Был он тогда первым секретарем Московского горкома партии и собирал новую московскую команду. По всей стране искал людей...

— Чем же вы ему приглянулись?

— Наверное, тем, что не имел ни орденов, ни меда-

лей, а одни сплошные взыскания... И все за то, что всегда хотел поставить дело, как тогда говорили, новаторски... А участок мне достался еще тот — управление общественного питания. Думаю, объяснять не надо, что это такое, особенно в те годы. С Иваном мы и в разлуке поддерживали связь, а в Москве и вовсе сблизились. Теперь он президент Федерации спортивной борьбы России, и я вижу, какой страшно тяжелый воз он тянет. Не представляю, как бы все там сложилось, если бы не он. И мы все просто обязаны ему помогать. Ведь культура, спорт — это и есть наши

• Хуан Антонио Самаранч —
в Москве!

первостепенные духовные ценности. Умрет спорт — нация зачахнет. И я думаю, что это просто счастье для всех нас, что в правительстве много спортивных людей, знающих проблему изнутри.

— Я понимаю, что для вас лучший спортсмен страны — Ярыгин. Но, должно быть, вы знакомы со многими...

— Мы в очень близких отношениях с Александром Тихоновым. Он тоже сибиряк, рыбак, охотник. И душа любой компании. Полтора десятка лет знаю Шамиля Тарпищева. Он здорово помог нам, когда мы в Красноярске начали стро-

ить закрытые корты, проводить турниры. Сложный, неординарный человек Анатолий Карпов, я ценю его своеобразие, с ним интересно. Когда-то я буквально застывал от восторга, когда смотрел выступления Ларисы Латыниной. Теперь, при семейных встречах, она открылась для меня с новой стороны. Добрая, земная, всегда веселая. Если б вы слышали, как она поет романсы! Просто потрясающе.

И все же Ярыгин мне ближе других. Не все, наверное, знают его так близко. Для многих он просто спортивная

- Президент Федерации спортивной борьбы России Иван Ярыгин на приеме у мэра Москвы Юрия Лужкова

знаменитость. А я, как друг, как старший по возрасту, даже как официальное лицо, могу сказать, что Иван — явление. Он олицетворение подлинной Руси. Поверьте, это не громкие слова. В нем сошлось все лучшее в ней — невероятная сила, доброта, нежность. А в отношении к жене Наташе, детям Ане и Сереже — даже кротость. Он невероятно любит детей, любит всех, кто слабей его. Это человек, который никогда не сможет предать, обмануть.

Он надежен, как сама Россия!

Я звал олимпийских чемпионов, которые, познав славу, переводили себя в другое человеческое качество, забывали старых друзей, по-другому начинали смотреть на мир. Иван неподвластен конъюнктуре.

Он сохранил в себе все то, что было в нем, когда мы звали его Ванюшей.

Сегодня он страшно переживает за свое дело, думает о нем денно и ночью. Взвалил на себя тяжеленный груз, он буквально изводит себя сотнями забот. И мне порой страшно за него. Ведь он не коммерсант, а сейчас без участия в бизнесе спорт не проживет. Непосредственный, иногда наивный, он при этом совершает мужественные, решительные поступки. И я постоянно ощущаю желание как-то помочь, подстраховать. А иногда думаю: еще неизвестно, кто кому больше помогает. Ведь если не вижу его хоть неделю, начинаю тосковать. Потому что от этого человека исходит какая-то добрая неземная энергия. С ним надежно. Большой похвалы не знаю. Эта — от всего сердца.

Содержание

Разрешите представиться	4
Дать себе передышку	7
Рыжий голкипер	9
Широкий захват	12
Рыжий голкипер	13
Рядовой, необученный	14
Как я украл Ивана	15
Всерьез и надолго	18
«От Чалаубани до Красноярска»	18
Та удивительная Махачкала	21
Уроки Айкика	25
Тренер в роли свата	26
Свадьба	30
Печальный семьдесят первый	31
Нокаут? Нет, нокдаун	35
Перед Мюнхеном	36
Мюнхенский неофициальный	41
Великий Медведь	44
Мое открытие Америки	51
В стенах родных и чужих	57
Ничья приводит к открытию	62
Черный год	65
Истоки	67
Черный год	70
Снова Гулюткин	71
Уроки Минска	73
Впереди Монреаль	75
В первой схватке — Бюттнер	80
Тайное оружие	85
Человек из Чурапчи	89
“Претензии” Чечни	91
Дэги — значит “сердце”	92
Моего учителя учителя	95

Для чего живем и боремся?	98
Мой друг Леван.....	100
Тренер. Последний чемпионат	107
Тогда в Москве	108
В возрасте Христа	112
Счастливая цифра «7»	115
Дружба-84.....	117
Рассказывает Сослан Андиев	121
Продолжает Владимир Голубев	123
Это было, было... ..	125
Наш горячий Салман	128
Кануны	131
Хотим в Барселону.....	139
Наш и ваш Арсен	146
Римские каникулы	149
Кому сесть в кресло?	149
Репортаж с петлей на шее	151
Ричард Гир снялся в фильме ужасов	152
Валентин Дикуль под охраной милиции	153
С ятаганами наперевес	154
Уволить, нельзя помиловать!.....	156
«Надежен, как сама Россия...»	164

Список иллюстраций

• Родная Сибирь. Енисей.....	10
• Дмитрия Миндиашвили знали в каждой спортшколе Сибири	16
• Дмитрий Георгиевич — самый родной человек	17
• Битва с Володей Гулюткиным.....	23
• Самые любимые — Анечка, Сережка, Наташа.....	28
• Легенды борьбы — Александр Медведев и Иван Ярыгин	37
• Я не Сабонис, но похож?	39
• Мюнхен. Первая олимпийская. Золотая!.....	42
• Встреча в Красноярске. Ступень к славе	43
• Мой сын Сергей часто был со мной на сборах.....	47
• Двукратный олимпийский чемпион Брюс Баумгартнер всегда в атаке	53
• США. Я был там раз сто. И это всегда улыбки. Американцы на нас похожи. Или мы на них?.....	56
• Ты сильнее, ты самый сильный! Вперед!.....	58
• Тегеран-73. С Иваном Ярыгиным и Сосланом Андиевым всегда рядом был Сергей Андреевич Преображенский	60
• Загалав Абдулбеков - первый олимпийский чемпион Дагестана	65
• Мама Евдокия Павловна и Наташа.....	69
• Чемпион Европы Владимир Паршуков.....	70
• Итак, предстоит большая охота	72
• Юрий Шахмурадов — тренер экстра-класса	75
• Сослан Андиев все растет и растет.....	76
• И снова Толоидо. На участке фермера. Или колхозника?.....	76
• 1994 год. Москва. Матч века по греко-римской борьбе. Милан Эрцеган открывает турнир.....	78
• Наш красноярский "мухач" Алексей Шумаков — олимпийский чемпион	80
• Орденосцы.....	83
• АЛИ Алиев — пятикратный чемпион мира.....	86
• Руслан Ашуралиев — из Дагестана, Павел Пинигин — из Якутии.....	88
• "Мухач" Роман Дмитриев — мой любимчик	91
• Проводы... Проводы... Проводы.....	110
• Я - тренер!.....	112
• Киев-83. Чемпионат мира. Милан Эрцеган и Николай Пархоменко вручают Кубок за командную победу	117
• Анатолий и Сергей Белоглазовы.....	120
• Вот он, человек-гора Джимми Джексон!.....	121
• Сослан Андиев — атлет и министр спорта.....	122
• Братья Хадарцевы и братья Шульц.....	127
• Салман Хасимиков — четырехкратный чемпион мира	128
• Арсен Фадзаев рвется в бой	132
• США. 1986 г. Нас принял мэр Чикаго	133
• Благовещенск. За два дня до начала Олимпиады в Сеуле	135

• На Играх доброй воли Дэйв Шульц сумел обойти чемпиона мира-87 Адлана Вараева	136
• Подготовка к очередному чемпионату Европы	140
• К Хасану Хутбееву я прислушивался всегда	140
• Выдающийся тренер Казбек Дедегкаев	142
• Сослан Андиев, Михаил Мамияшвили, Иван Ярьегин	145
• Арсен Фадзаев! И этим все сказано	147
• Член Европейского комитета борьбы Иван Ярьегин и член бюро ФИЛА профессор Александр Новиков	150
• Когда-то я работал на Красноярском мясокомбинате и там есть мой "спортивный уголок"	158
• Дочка Анна и супруга Наталья. Обе — красавицы. Правда?	158
• На фото — Отари Квантришвили	160
• На фото — Новый президент Фонда социальной защищенности спортсменов имени Льва Яшина, чемпион Союза Геннадий Венглинский (справа)	161
• Главный судья матча Нугзар Журули и руководитель пресс-центра Владимир Голубев	161
• Матч века: сборная мира — сборная России открыт!	162
• Президент Северной Осетии Ахсарбек Галазов, Владимир Голубев, Иван Ярьегин, журналист Магомед Канаев. Владикавказ-94	162
• Заслуженный тренер России Феликс Премильский — судья-информатор	162
• Чемпион Европы-94. Сослан Фраев выиграл поединок красиво	163
• Руслан Савлохов, Тасолтан Хаттагов, Борис Савлохов, Арам Ялтырян, Борис Дегтярь	163
• Раффи Мартинетти, Степан Казарян, Андрей Слушаев	163
• Москва-94. Матч века. Владимир Мальшиков, Виталий Смирнов, Иван Ярьегин, Шамиль Тарпицев	165
• Хуан Антонио Самаранч — в Москве!	166
• Президент Федерации спортивной борьбы России Иван Ярьегин на приеме у мэра Москвы Юрия Лужкова	167

ББК 36.Я46
ISBN 5-900845-02-8

© МГТ А. С. Пушкина, 1995
© Текст Голубев В. П., 1995
© Макет и художественное оформление Степанов Н. П., 1995

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 090080 от 4 марта 1994 г.
Сдано в набор 4.02.95 г.
Подписано в печать 10.08.95 г.
Формат 60x90/8. Объем 21 п.л.
Тираж 10.000
Отпечатано в Финляндии в типографии "ScanWeb"
Цветоделение и верстка выполнены в МГТ А.С.Пушкина

